

К 686375

М. И. КАЗАКОВ

НАД КАРТОЙ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ



Михаил Ильич
КАЗАКОВ

Г е н е р а л а р м и и
М. И. К А З А К О В



НАД КАРТОЙ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

686375

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина



Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
М О С К В А — 1 9 7 4

255

9(6)27

K14



НАША ВОЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Первые бои



Нашему поколению приходилось одновременно проходить практическую школу политграмоты и овладевать солдатской наукой — бить врага. Молодые сыновья рабочих и крестьян, коммунисты и беспартийные, непрерывным потоком вливались в боевые части действующей Красной Армии, становились рядом с бывалыми солдатами и шли в бой. Времени на учебу, на боевую подготовку, как мы теперь понимаем ее, не было. Зачастую первым уроком в этой суровой школе являлась встреча с реальным противником. И могло случиться, сразу с конницей — опытной, обученной, хорошо экипированной и зверски беспощадной белой конницей. Да и белогвардейская пехота была крепким орешком...

Весной 1920 года казалось, что у контрреволюционного отребья нет больше серьезных сил. Врангель располагал относительно небольшим составом войск, оставшихся в Крыму после разгрома деникинщины. Один он, без союзников, конечно, не мог решиться на продолжение гражданской войны. Но вот, в результате подстрекательства империалистических кругов Англии, Франции и США, на Советскую республику напала панская Польша. Напала именно в эту весну. И тогда немедленно активизировались войска Врангеля.

К лету барон Врангель вылез из Крыма и стал развивать наступление на север в направлении Александровск (ныне Запорожье), Харьков, а также в стороны флангов — на Донбасс и на Екатеринослав (Днепропетровск). Особенно усердствовали врангелевцы на правом берегу

Днепра в середине сентября, когда уже намечался конец войны с пилсудчиками. Расчет был прост: своим наступлением Черный барон намеревался вдохнуть новые надежды интервентам, поощрить Пилсудского на продолжение агрессии против Советской России.

В направлении Днепропетровска действовали крупные массы врангелевской конницы. Им удалось форсировать Днепр и создать непосредственную угрозу городу.

Наших войск в этом районе было тогда немного. 1-я Конная армия только подходила в район Каховки. 2-я Конная еще не закончила сосредоточения. Ближние подступы к Днепропетровску обороняла 46-я дивизия, в которую я прибыл с очередным пополнением как раз в горячие дни сентября 1920 года.

В городе явственно ощущалась близость фронта, но чувствовалась и крепкая рука военных властей. 46-й дивизией командовал Иван Федорович Федько, один из немногих, кто уже в годы гражданской войны удостоился награждения четырьмя орденами Красного Знамени.

Сразу после выгрузки нашего полка из эшелона стало известно, что идем прямо на фронт. Между тем одеты мы были по-летнему, шинелей не имели. А в конце сентября даже на Украине бывает иногда довольно прохладно, особенно по ночам. В некоторых подразделениях начался шумок, слышались выкрики:

— Как так, на фронт, и без шинелей!

— Выдайте шинели!

Командиры рот и батальонов, политические работники стали разъяснять бойцам обстановку в стране и на фронте. Однако шум не утихал. Требования стали более категоричными:

— Без шинелей на позиции не пойдем!

Подали команду «Шагом марш», но колонна не двинулась с места. Было похоже, что крикуны берут верх. Уж очень чувствительная струнка была задета: ведь в открытом поле, в окопах шинель заменяет солдату и одеяло, и матрас, и подушку.

Оставив колонну на улице, командир полка и военком выехали в штаб дивизии. Возвратились они очень скоро, и уже по одному их виду можно было понять: шинелей не будет.

В голову колонны вызвали всех командиров подразделений и сообщили ответ начдива: шинели надо взять у

белых, а что касается неисполнения команды, то он, Федько, имеет все для того, чтобы заставить повиноваться. Здесь — фронт, и лишние разговоры вредны.

В таком же духе и стиле — коротко и ясно — командиры и политработники подразделений разъяснили суть дела бойцам. Интересно, поймут ли, подействует ли?

Подается команда:

— Равняйся!

Подразделения заметно подтягиваются.

— Полк, шагом марш!

Колонна двинулась.

А когда проходили мимо штаба дивизии, даже песню запели. И так четко отбивали шаг, что самим не верилось — неужели это у нас совсем еще недавно кто-то шумел, кто-то проявлял неповиновение?

Иван Федорович Федько приветствовал нас с балкона второго этажа. Заметно было, что начдив доволен. Еще бы, в дивизию вливался сразу целый полк!

Миновав город, мы двинулись в район Солоненькое, Веселое, Широкое. Там и состоялось мое первое знакомство с белой кавалерией. Должен признать, что это было не совсем приятное знакомство. Некоторые подразделения не смогли устоять перед конной лавой. Мы теряли командиров и политработников. Героически погибали коммунисты-политбойцы, старавшиеся личным примером показывать, как надо бороться с атакующими кавалеристами.

Запомнился политрук Кармановский. Часть его роты побросала оружие и стала поднимать руки перед противником. Кармановский призывал бойцов не трусить, до последней возможности пытался восстановить положение, отстреливался. Не помогло. Погиб политрук под саблями врангелевцев.

Очень хорошо проявил себя личный состав 408-го стрелкового полка, незадолго до того пополненный сибиряками. Командовал этим полком Павел Неунывако, о храбрости которого в дивизии ходили легенды. Как только создавалось тяжелое положение, он обязательно появлялся в боевых порядках верхом на коне. Но вот однажды обстановка осложнилась до крайности, а командир полка был ранен и не мог держаться в седле. Что же будет? Выдержит ли полк без него?

Полк выдержал. Однако в критический момент Неуны-

вако все-таки появился среди своих бойцов. Он прикатил на пулеметной тачанке.

Впоследствии военная судьба не раз сводила меня с этим замечательным человеком. В 1922 году я служил в полку Павла Ефимовича помощником комиссара. А в 1928 году мы встретились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Он уже заканчивал учебу, а я в ту пору только начинал ее. Природа щедро наделила П. Е. Неунывако многими талантами. Мы знали его не только как храброго солдата, блестящего командира. Павел Ефимович был к тому же и прекрасным шахматистом, мастерски составлял разнообразные шахматные задачи. Свыше ста из них опубликовано в печати.

...В первых же боях мне довелось вторично увидеть нашего начдива. С группой связных от своей роты я находился тогда у наблюдательного пункта командира 136-й стрелковой бригады. Неподалеку батарея вела огонь по казачьим сотням, изготовившимся к атаке. В тот день противник был особенно настойчив. Его атаки почти не прекращались. Не удавались они в одном месте — казаки пробовали в другом, в третьем. Невольно возникали опасения, что где-то они все-таки сумеют прорваться.

Вот тогда-то на наблюдательный пункт командира бригады и прибыл И. Ф. Федько. Он отдал, казалось, не так уж много распоряжений, но все как-то приободрились. Интенсивнее стали стрелять артиллеристы. Поскакали в разных направлениях связные. Спокойствие и уверенность начдива невольно передавались другим. Положение уже не казалось столь угрожающим, поскольку Иван Федорович не считал его таковым.

Наскоки врангелевцев повсюду встретили организованный отпор и постепенно стали ослабевать. А потом начдив отдал приказ о переходе в наступление, и мы погнались врага за Днепр.

После этого 46-я дивизия получила небольшую передышку. Развернулась подготовка к участию в общей операции по разгрому врангелевцев в Северной Таврии. Мы, рядовые бойцы, и наши непосредственные начальники — командиры взводов и рот, разумеется, не представляли себе всей глубины оперативных замыслов М. В. Фрунзе. Но политическое значение разгрома Врангеля до зимы осознавалось каждым. Это был последний ставленник Антанты на Юге России, и с его разгромом все мы связывали

окончание гражданской войны. Об этом с нами пзо дня в день толковали политработники. Да и печатная пропаганда делала свое дело. Газеты и многочисленные листовки были полны призывов: «Добьем Врангеля — последыша Антанты!», «Барон Врангель должен быть уничтожен до зимы!», «Крым должен стать советским!»

К Южному фронту было приковано внимание всей страны. Партия направила туда Михаила Ивановича Калининна. Побывал он и в войсках 2-й Конной армии, в состав которой перед началом наступления включили нашу 46-ю стрелковую дивизию.

Хорошо помню митинг в Никополе. Стоял погожий осенний день. На площади собрались тысячи бойцов и командиров, чтобы послушать Всероссийского старосту. Вдруг прямо над нами появляется врангелевский самолет-разведчик. Кое-кто из бойцов шарахнулся искать укрытие. Но Михаил Иванович ни на минуту не прервал своего выступления. Он спокойно продолжал речь, лишь изредка поглядывая в сторону кружившего над площадью самолета.

А тот покружил-покружил — и улетел.

«Добьем Врангеля!»

Операция советских войск в Таврии началась одновременными ударами с разных направлений. Наиболее мощный удар наносился из района Каховки. С каховского плацдарма наступали 1-я Конная и 6-я армии. Их задачей было отрезать пути отхода главной группировке противника из района Никополь, Большой Токмак, Запорожье. Войска 4-й армии наступали из предместий Запорожья (Александровска) на юг. 13-я армия обрушилась на восточный участок фронта противника. Усилия всех наших ударных группировок нацеливались на Перекоп, что должно было неизбежно привести к окружению Врангеля в Северной Таврии.

В дальнейшем, правда, не все получилось так, как планировалось. 30 октября крупные массы врангелевцев несколько потеснили наших кавалеристов в районе Агаймана и обеспечили себе пути отхода через Перекоп и Чонгарский перешеек. В течение 31 октября и 1 ноября здесь прорвались из Северной Таврии основные силы противника. В результате войска Красной Армии оказались

перед необходимостью прорыва сильных вражеских укреплений на Турецком валу и Юшуньских позициях.

Все это достаточно уже освещено в нашей исторической литературе, и здесь нет необходимости повторяться. Следует только отметить, что освобождение Северной Таврии от войск Врангеля было проведено в очень высоком темпе. Иногда выпадали такие дни, когда наша пехота проходила по 50—60 километров.

Об этом очень хорошо написал тогда Демьян Бедный. Его «Послание к бойцам 2-й Конной армии» было издано отдельной листовкой, которая ходила из рук в руки. До сих пор память сохранила некоторые строки из этого «Послания»:

По фронтам по всем кочуя,
Насмотрелся я чудес.
Вот и нынче — к вам качу я,
Еду, еду — что за бес?!

Где же «Конная Вторая»?
Впереди, да впереди!
«Мне ее, — вздыхал вчера я, —
Не догнать, того гляди!»

Трух да трух моя кобыла.
Кляча, дуй ее горой!
Доскакал я все ж до тыла
«Конной армии Второй».

Далее поэт рассказывает, как он задремал у костра и увидел сон, будто паши кавалеристы пленили барона Врангеля, а командарм 2-й Конной Ф. К. Миронов поддел на пику уже трех баронов и жарит их на костре. Рассказчик просыпается от запаха гари и вдруг обнаруживает, что тлеет его собственная шинель. Но он не унывает:

Леший с ней, с полою этой!
На войне дыра — фасон,
Все ж доволен я приметой.
Эх, кабы да в руку сон!

Чтоб от красных эскадронов
Вражья сила подрала, —
Чтоб скорей от всех баронов
Лишь осталась зола!

Наша 46-я стрелковая дивизия вступила в напряженные бои южнее Никополя. Только что форсировав Днепр, мы остановились для короткого отдыха на левом его бе-

регу. Была темная октябрьская ночь. Начинались заморозки, а мы все еще — в одних малюскиновых гимнастерках. Наши шинели все еще где-то впереди, во врангелевских тылах и на самих врангелевцах. Чувствовали себя неуютно, спали плохо. Ворочались, поругивались и с нетерпением ждали утра, чтобы хоть немного согреться — то ли на солнышке, то ли в походе.

Но среди ночи нас неожиданно подняли:

— Идем на Днепровку!

Село это, как нам уже было известно, занимали части марковской дивизии, наиболее крепкой среди врангелевских войск. Основу ее составляли офицеры. В некоторых ротах офицеров насчитывалось до сорока процентов, и дрались они, по рассказам, особенно упорно и умело.

Мы выступили еще затемно. Потом как-то очень неожиданно наступил рассвет, и все увидели Днепровку, ее облетевшие сады и белые хатки. Невольно мерещилось, что там происходит какое-то движение, нам готовят встречу. Но пока что ни выстрела, ни сигнала — тишина на всю степь.

Это очень неприятные минуты, когда шагаешь под вражеским прицелом и напряженно ждешь первого выстрела. Нужны крепкие нервы, чтобы выдержать. Но в то же время появляется азарт. Ты уже не хочешь, не можешь уступить врагу. Тут уж кто кого...

В момент этого молчаливого сближения в тылу появились два всадника. Они явно спешили, пришпоривая коней. Дело в том, что командир нашей 136-й бригады Шеметов рассчитывал вывести свои части к Днепровке затемно и атаковать белых на рассвете. Но части несколько запоздали, наступление среди бела дня в голой степи становилось слишком рискованным, и потому комбриг решил отменить его, вернуть нас в исходное положение. С этим приказом и скакали в боевые порядки комиссар бригады Иван Шевцов и начальник штаба Иван Пидголло.

Несколько лет спустя мне довелось очень близко сойтись с Пидголло и Шевцовым. И тогда-то я узнал от них некоторые любопытные подробности.

Они торопились к войскам и почти не разговаривали между собой. Но вдруг комиссар начал замечать, что начальник штаба, скакавший впереди, придерживает коня. Вот он и вовсе переводит его на шаг. В чем дело? Что за странное поведение?

— Нет, ты посмотри, как хорошо идут! — показал Пидголло вперед. — Уверен, что возьмут Днепровку, если мы их не задержим.

— Но мы должны... — начал было Шевцов.

— А мы потише поедem, — усмехнулся Пидголло.

Комиссар все понял и предложил перекурить.

Когда до Днепровки оставалось уже менее километра, марковцы открыли артиллерийский, а затем и пулеметный огонь. Мы развернулись в цепь. Началась атака. Вскоре на окраине села завязался бой. И вот тут-то среди нас оказались комиссар и начальник штаба бригады. Они прискакали сюда уже не за тем, чтобы отменять наступление, а чтобы руководить боем и драться вместе с нами.

Село мы очистили от марковцев довольно быстро, но не скажу — легко. Бой за Днепровку вспоминается мне и поныне.

Помнят его и тогдашние наши противники. После выхода моей книги в первом издании получил я письмо от некого В. И., бывшего белогвардейца. Вот что он пишет:

«Ваше наступление оказалось для марковцев внезапным. Наступающих заметил с колокольни артиллерийский наблюдатель и поднял тревогу. Однако мы запоздали и попали в тяжелое положение. Начальник дивизии генерал Третьяковский застрелился. Уцелевшие с трудом добрались до Белозерки...»

Простой этот эпизод говорит о многом. Надо было иметь большую силу воли, чтобы в светлое время, в голой степи наступать на противника, подготовленного и вооруженного куда лучше нас. Казалось бы, на что мы могли надеяться?

Но ведь этот же вопрос неоднократно повторяли тогда зарубежные наблюдатели и в отношении всей Красной Армии, всей Республики Советов. А Республика Советов и надеялась, и победила. Победила потому, что на защиту ее встали миллионы рабочих и крестьян, беззаветно преданных революции.

Одним из таких бойцов революции был Иван Пидголло. Особенно хорошо узнал я его в Академии имени М. В. Фрунзе. Три года мы учились вместе, на одном курсе. Пидголло проявил довольно высокие способности и через несколько лет после окончания академии получил назначение в Оперативное управление Генерального штаба.

Последний раз я встречал его на маневрах в районе

Житомира в 1934 году. А через три года после этой встречи с большим прискорбием узнал, что он погиб от осколка фашистской бомбы в Испании: Иван Григорьевич был там советником республиканской армии...

Но вернемся к 1920 году.

Сутки спустя после взятия Днепровки мы вели бой уже в районе двух Белозерок. Большая и Малая Белозерки настолько сближены между собой, что их можно было бы считать за одно большое село, растянувшееся на двадцать с лишним километров. Для пехоты требовался почти целый дневной переход, чтобы с одного конца села добраться до другого.

Наши войска, преследуя противника, заняли вечером только северо-западную часть Белозерок. Разведка и подразделения охранения, действуя на незначительном удалении от главных сил, не успели по-настоящему прощупать эту бесконечную вереницу строений. А в другом конце села расположились, оказывается, знакомые нам по бою в Днепровке марковцы.

Ночью их подразделения из боевого охранения завязали с нами перестрелку. Потом она переросла в серьезный бой. В него постепенно втянулись все наши роты. И тут взяла верх выучка: поскольку офицерские части марковцев умели лучше вести ночной бой в населенном пункте, они запяли вскоре господствующее положение и вынудили нас уйти в степь. Однако днем мы вернули утраченные позиции. Белозерки были полностью очищены от противника, и части 46-й дивизии продолжали успешно продвигаться в направлении Ново-Алексеевки, что к северу от Чонгарского полуострова.

Без особых осложнений перешли Сиваш вслед за 15-й стрелковой дивизией и взяли направление на юг. После оставления Перекопа и Юшуньских позиций врангелевцы уже не оказывали сопротивления. Они теперь просто бежали к портам погрузки — в Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь. За ними едва поспевала конница, не говоря уже о нас, пехоте.

Суточные переходы составляли 40—50 километров. Сколько-нибудь нормального снабжения продовольствием не получалось. Вместо хлеба выпекали пресные лепешки в тех домах, где мы повзводно, а иногда и целыми ротами останавливались на ночлег. Коротче говоря, кормили неза-видно, и тут нам, военным коммунистам, так называемым

политбойцам, приходилось восполнять недостаток пищи физической пищей духовной. Мы говорили о скорой победе, о том, что папа берет, и люди опять готовы были в поход независимо от того, как пообедали.

Обстановка в Крыму не отличалась ясностью. Вскоре после перекопских боев начались осложнения с махновцами.

Перед началом наступления командованию Южного фронта удалось договориться с «батькой» о совместных действиях против Врангеля. Махно вынужден был согласиться на это. И хотя в боях против Черного барона его банды фактически не участвовали, зато не мешали нам; в наших тылах было необычно спокойно. Но как только части Красной Армии овладели Юшуньскими и Чонгарскими позициями, махновцы вырвались на своих тачанках вперед и безостановочно понеслись к крымским городам. Там они, по своему обыкновению, начали грабить и бесчинствовать.

После первых же сообщений об их безобразиях Михаил Васильевич Фрунзе отдал приказ войскам фронта задерживать и разоружать всех махновцев, а сопротивляющихся уничтожать как врагов Советской власти.

Нашему 407-му полку довелось встретиться с махновцами при подходе к Симферополю. Они уже сделали в городе свое грязное дело и собирались уходить на Украину, прихватив с собой награбленное. Командир полка развернул в боевой порядок два батальона и потребовал от бандитов сложить оружие. Не тут-то было! Махновцы открыли огонь с пулеметных тачанок и, используя свою высокую подвижность, стали поспешно отходить на север. Преследовать их пехотой было бы бессмысленно. Кроме того, за нами оставалась прежняя задача — преследование врангелевцев. Она являлась главной. Поступиться ею мы не могли.

В район Севастополя части 46-й дивизии вышли 14—15 ноября. Здесь повторялось примерно то же, что имело место в начале 1920 года в Новороссийске. Морские транспорты не могли вместить всю врангелевскую армию. Офицерский состав и наиболее враждебная часть казачества общим числом в семьдесят с лишним тысяч человек сумели эвакуироваться из Крыма, а все остальные застряли на берегу. Многие из них сразу сдавались в плен. Другие пытались скрыться в буржуйских квартирах. Бы-

ли и такие, которые еще по пути к Севастополю благоразумно отставали от своих частей и бросали оружие. Среди отставших попадались иногда бывшие наши сослуживцы — бойцы 46-й дивизии, которые не проявили достаточной стойкости на подступах к Днепропетровску и попали в плен к врангелевцам. Их встречали обычно презрительным вопросом:

— Ну что, навоевались, заячьи души?

Надо сказать, что в те годы красноармейцы довольно великодушно относились к своему вчерашнему противнику — мобилизованному солдату белой армии. Мы знали, что белые забирали к себе людей насильно, и разговор с такими был не очень-то крутым. Пара крепких слов для порядка да «полюбовный», в силу необходимости, обмен обувью или одеждой — вот и все.

Правда, в Севастополе мы имели дело уже с более стойкими врангелевцами, которые чувствовали вину перед Советской властью и явно побаивались за свою судьбу. Несколько ночей нам пришлось основательно поработать, чтобы выловить скрывающихся.

Гражданская война для нас, ее участников, навсегда останется незабываемой жизненной школой. В ходе ее мы все росли и закалялись. С удивительной быстротой выявлялись талантливые организаторы масс. Я уже писал об Иване Федько, Иване Пидголло, Павле Неунывако. Не могу не упомянуть здесь и командира нашего 407-го стрелкового полка Ларцева. В храбрости он не уступал Неунывако, но отличался несколько большей выдержкой. Его командирский характер, все его поведение можно, пожалуй, выразить двумя словами — спокойная деловитость.

Помнятся мне и наш комбриг Шеметов и командир 406-го полка Лукин. Тоже хорошие были командиры.

Особая роль принадлежала в те годы армейским коммунистам и политическим работникам. Сколько их, известных сынов великой партии Ленина, осталось на полях боев! В схватке с врагом они признавали только одно правило: быть впереди. А в походе и на привале подбадривали товарищей задушевным словом, толковали о светлом будущем России, о мировой революции.

К сожалению, память сохранила имена немногих из них. Зато жизнь нет-нет да и порадует неожиданной доб-

рой встречей. В 1962 году, например, мне довелось встретить военкома одного из полков 46-й стрелковой дивизии Петра Каминского. Произошло это перед самыми выборами в Верховный Совет СССР на собрания избирателей в городе Великие Луки. Сразу вспомнились его острые, сильные выступления на партийных собраниях. Для нас, молодых в ту пору коммунистов, он являлся своего рода эталоном настоящего большевика.

А еще раньше, в 1954 году, в Намышеловском районе, Свердловской области, тоже во время избирательной кампании, случай свел меня с бывшим командиром роты 408-го стрелкового полка Константином Фирстовым. Он перешел в Красную Армию в 1918 году, будучи младшим офицером, и сразу же очень хорошо показал себя в боях с белогвардейцами. Его полюбили все бойцы роты и высоко ценила партийная организация полка.

На предвыборном собрании Костя представлял сельскую интеллигенцию — он работал тогда директором школы. Меня помнил по 408-му полку, в котором мы служили вместе уже по окончании гражданской войны, и узнал сразу. Но для верности все же прислал в президиум собрания записку на мое имя, просил уточнить — тот ли самый я, за кого он меня принимает? Через несколько минут мы встретились, и все сомнения рассеялись: мы действительно были сослуживцами и совместно били врангелевцев в 1920 году. Установив это, Фирстов попросил слова и произнес такую зажигательную речь о кандидате в депутаты Верховного Совета, что о лучшей грешно даже мечтать.

Таких, как Фирстов, в Красной Армии были тысячи. Подавляющее большинство среди них составляли выходцы из рабочих и крестьян, произведенные в офицеры уже в военное время. Они честно служили революции и неплохо помогли ей своим боевым опытом, своими знаниями.

В строю червонных казаков

Весной 1924 года я был переведен из 3-й крымской стрелковой дивизии в кавалерию. В мае прибыл в Изыславль. С вокзала извозчик довез меня на своей захудалой кляче в ободранном рыдване лишь до реки Горынь, что протекает примерно по центру города. Дальше сквозного проезда не было: мост оказался неисправным. Я вскинул на плечи вещевой мешок с притороченным к нему солдат-

ским котелком и зашагал к видневшейся вдали высокой монастырской стене, за которой размещался кавалерийский полк, где отныне мне предстояло работать комиссаром.

О легендарном червонном казачестве я знал тогда очень мало. Помнилось только, что сказал о нем М. В. Фрунзе: «У нас в Красной Армии немало частей, которые создали себе громкую боевую репутацию и славное революционное имя, однако мало найдется таких, которые могли бы стать в один ряд с червонно-казачьим корпусом».

Еще в Харькове, в политуправлении округа, меня проинструктировали об особых условиях службы политработника в кавалерии. В соответствии с этими инструкциями я немедленно принял некоторые меры по приведению в порядок моей экипировки: обзавелся новой форменной фуражкой, какие носили тогда в кавкорпусе червонного казачества, сходил к портному, и тот нашел на мой брюки красные лампасы. И вот шагаю теперь под непривычный звон шпор и позвякивание котелка в штаб своего полка, твердо уверенный, что выгляжу настоящим конником.

Каково же было мое удивление, когда еще на подходе к штабу, возле ограды старого католического монастыря, я был «опознан» с первого взгляда.

— Из пехоты прислали, — раздался за моей спиной полупренебрежительный голос настоящего, с великолепным чубом кавалериста.

Выдали меня, оказывается, две сугубо пехотинские принадлежности — вещевой мешок, с которым я не расставаясь с гражданской войны, и армейский котелок, притороченный поверх мешка. Ну и, конечно же, подвело отсутствие у меня традиционного кавалерийского чуба.

Все это, однако, являлось не самым существенным. Очень скоро я понял, что приобрести внешнее сходство с конником куда легче, чем стать им в действительности. Для этого нужно было прежде всего постигнуть искусство верховой езды и научиться владеть холодным оружием — шашкой, пикой.

Положение мое усложнялось еще и тем, что я переводился на службу в конницу не рядовым бойцом, а комиссаром полка. От старых кавалеристов мне приходилось слышать, будто история конницы — это история ее начальников. Пусть в сих словах есть некоторая бравада,

но вместе с тем нельзя отрицать полностью несколько особой роли кавалерийского начальника. Бой кавалерии — это мгновения, а успешно выполненный маневр, предшествующий ему, — верная половина успеха. Исход боя предопределяют иногда всего несколько минут, выигранных решительным, храбрым начальником для упреждения противника. И недаром в уставах подчеркивалось, что командир кавалерийского полка должен лично сам вести свой полк в атаку...

Мой предшественник тов. Дьяченко был прекрасным кавалеристом. Он отлично владел шашкой и успешно выступал в конноспортивных соревнованиях. Я понимал, что мои новые подчиненные непременно станут сравнивать меня с ним. И беда, если мне не удастся в скором времени приобрести такие же качества.

Конечно, я был знаком с конем с малых лет. Как-никак вырос в деревне и не раз вместе со своими сверстниками скакал верхом в ночное. Но при всем том до моего назначения в кавалерию я всегда предпочитал ездить на повозке или в саних по хорошо укатанной дороге. Такая езда представлялась мне и спокойнее, и надежнее. Тогда не думалось, что предстоит провести в седле немалую часть своей жизни.

На мое счастье, с первых же дней службы на новом месте я получил очень дорогую для меня поддержку со стороны опытного кавалериста Жана Карловича Силиндрика. До сих пор сохраняю глубокую признательность этому старому большевику-подпольщику! Он замещал тогда командира полка и тем не менее находил время на обучение меня конному делу. Жан Карлович ежедневно занимался со мной по два-три часа, обучая новичка комиссара мастерству верховой езды и владению холодным оружием. Только благодаря его помощи мне удалось за несколько месяцев довольно прочно «сесть в седло». Настолько прочно, что червонное казачество безоговорочно приняло меня в свою боевую семью.

Корпус червонного казачества имени Всеукраинского центрального исполнительного комитета имел славную историю. Она начиналась с декабря 1917 года, когда коммунист Виталий Примаков создал свой боевой отряд из харьковских рабочих и прозревших солдат-петлюровцев. Уже к январю 1918 года этот отряд превратился в кавалерийский полк, потом в отдельную кавбригаду, а с осени

1919 года действовал как 8-я дивизия червонного казачества. Вместе со всей Красной Армией она громила петлюровцев и деникинскую армию, дралась с иностранными интервентами. Особым искусством отличались ее дерзкие рейды по тылам противника.

К весне 1924 года в рядах червонного казачества служили еще многие участники тех героических боевых дел. К их числу принадлежал командир нашей дивизии Петр Петрович Григорьев, в прошлом харьковский рабочий, старый коммунист. Под его началом сводный отряд червонных казаков завершил разгром Махно летом 1921 года.

Оставались в строю и другие ветераны: комбриг Илья Дубинский, командиры полков Александр Горбатов, Афанасий Мосин, Игнатий Карпезо, помощники командиров полков Силиндрик, Домейло, Фуга, сотники Будник, Ратов, Сланов, Иодко. Со всеми ими самым теснейшим образом судьба связала меня с первых же дней моей службы в кавалерии.

В летний период 1924 года наш комбриг Илья Владимирович Дубинский впервые применил смелое по тем временам новшество: вывел два своих кавполка (7-й и 8-й) в лагерь, оторвал личный состав от казарм и приблизил обучение к боевой обстановке. Лагерный сбор проводился на неосвоенном месте, неподалеку от Изяславля. Лошадей держали на открытых коновязях в глубине леса. Условия жизни были тяжелыми. Но зато поблизости имелись очень удобные места для стрельбы и конностроевых занятий.

Для меня этот сбор оказался особенно полезным. Он дал мне возможность как следует познакомиться с людьми; здесь все они находились на глазах, от подъема до отбоя. Заметно продвинулась вперед и моя личная кавалерийская подготовка. В какой-то мере удалось постигнуть методику обучения конницы.

Обучение в кавалерийских частях тогда велось уже на основе новых уставов, пособий и руководств. Только что вернувшийся с курсов переподготовки начсостава наш командир полка Игнатий Иванович Карпезо проявлял в этом отношении высокую требовательность. Образованный, знающий свое дело кавалерийский начальник, он особенно налегал на занятия с командирами эскадронов и взводов. Каждого из них заставлял десятки раз проделывать на спичках все эволюции построения и перестроения своих подразделений и таким образом добивался прочного

усвоения уставных требований. Вообще здесь считалось, что служить в подчинении Карпезо нелегко, но зато после нескольких лет такой службы любой командир взвода или эскадрона становился превосходным кавалеристом, подлинным мастером обучения и воспитания бойцов.

Предметом зависти многих кавалерийских начальников являлся также прекрасный баритон Карпезо. На конностроевых учениях Игнатий Иванович обычно не пользовался услугами трубача, а подавал команды голосом. Чистый, звонкий его баритон был слышен очень далеко и однажды ввел в искушение командира нашей дивизии П. П. Григорьева.

Случилось это еще до моего приезда сюда, в 1923 году, при посещении Старокопанинского гарнизона М. В. Фрунзе. Желая блеснуть на строевом смотре войск, П. П. Григорьев привлек И. И. Карпезо в качестве своего дублера для подачи команд при встрече Михаила Васильевича.

Парад кавалерийских частей представлял в то время красивейшее зрелище. Сабельные эскадроны — на одномастных лошадях (5-й полк — вороные, 6-й — гнедые, 7-й — рыжие, 8-й — рыжие и серые). У всадников каждого полка свой цвет околышей на фуражках. На пиках колышутся флагера.

Перед строем — командир дивизии. Невдалеке от него — И. И. Карпезо. При появлении М. В. Фрунзе Игнатий Иванович командует:

- Парад, смирно!
- Для встречи справа!
- Шашки к бою, пики в ру-ку!
- Слушай!

После этого командир дивизии галопом скачет навстречу М. В. Фрунзе, а Карпезо возвращается к своему полку.

Дальше все протекало своим чередом. Строевой смотр прошел хорошо. Но опытный глаз М. В. Фрунзе заметил неположенное по уставу движение второго всадника после команды «Смирно». Да и голос Игнатия Ивановича, совсем не похожий на голос комдива, как видно, запомнился ему. Во всяком случае, осенью того же года на больших кавалерийских маневрах Михаил Васильевич сразу опознал Карпезо по его баритону.

Следуя со своим полком неподалеку от пункта наблю-

депия за маневрами, Игнатий Иванович подал команду: «Полк, рысью марш!» И тотчас же его пригласили к Фрунзе.

— Это вы подавали команду? — спросил Михаил Васильевич.

— Так точно, я, — отвечал Игнатий Иванович.

— А скажите, товарищ Карпезо, не вы ли подавали команды при представлении второй кавдивизии в Староконстантинове?

— Так точно, я.

— Спасибо за честный ответ, — рассмеялся Михаил Васильевич и, пожелав командиру полка успехов в работе, отпустил его с миром...

Мне недолго пришлось поработать с И. И. Карпезо в качестве комиссара. В конце 1924 года я получил предложение перейти с политической работы на строевую и охотно остался в том же полку на должности помощника командира.

Служба в качестве помощника у Игнатия Ивановича дала мне очень многое. Думаю, что именно тогда у меня началось формирование так называемых командирских качеств.

Очень досадно, что Игнатию Ивановичу так не повезло в первые же дни Великой Отечественной войны. Командуя механизированным корпусом, он получил сильную контузию от авиабомбы, на много месяцев стал инвалидом и уже не вернулся в действующую армию, а вынужден был довольствоваться службой в тыловых военных округах. Занимался он там преимущественно военно-учебными заведениями и сделал очень много полезного в области подготовки офицерских кадров.

Каждый учебный год в частях нашего кавкорпуса завершался дивизионными учениями или маневрами. Затрудняюсь сказать почему, но в памяти моей наиболее ярко запечатлелись маневры 1926 года. Проводились они в районе Шепетовка, Староконстантинов, Проскуров, Бердичев. В полях, как говорят, засентябрило. Все время моросит нудный дождик. Кругом — бездорожье, грязь. Условная граница между сторонами — «восточной» и «западной» — проходит где-то по реке Случь.

Наш полк действовал на «западной» стороне. Как и другие полки 2-й кавалерийской дивизии, он был отно-

сительно небольшого состава: обычный кавполк мирного времени и к тому же еще с некоторым некомплектом.

«Восточная» же сторона имела более мощные сводные полки — примерно двойной численности. Действовавшая против нас дивизия, по существу, включала в себя весь 2-й кавалерийский корпус. Командовал этой дивизией опытный и хитрый кавалерист Николай Криворучко. Умело маневрируя своими частями, он причинял нам массу неприятностей.

Особенно досталось 2-й кавбригаде. Из-за плохой разведки нам не удалось обнаружить, что неподалеку от села Авратино в лошине сосредоточились главные силы «противника». А Николай Криворучко все время наблюдал за нами. И когда примерно половина бригады в колояне по звеньям вытянулась из села, на нее, как ураган, бросилась в атаку кавалерия «противника».

Комбриг пытался было развернуть свои подразделения в боевые порядки, но тщетно. Сабельные эскадроны сметались. Пулеметные тачанки никак не могли пробиться к голове колонны, чтобы встретить атаку «противника» организованным огнем.

«Бой» был очень коротким. Посредники, наблюдавшие эту баталию, признали 2-ю кавбригаду побежденной, и наши острословы увенчали ее командира титулом «Авратинский». С тех пор так и пошло: Косенко-Авратинский. Один раз даже при докладе командиру дивизии кто-то из штабных командиров назвал комбрига 2 Авратинским.

— Какой такой Авратинский? — не понял Григорьев.

— Да Косенко-Авратинский! — последовал невозмутимый ответ.

Случай с В. С. Косенко по-своему очень характерен. Кавалеристы не прощали друг другу промахов, когда дело касалось боевой готовности. Поддержание высокой боеготовности составляло главную заботу командиров всех степеней. С этой целью в дивизии очень часто проводились сборы по тревоге. Как правило, они завершались тактическими учениями. Время от времени такие учения проводились совместно с нашими соседями из Славутского погранотряда. Вместе с ними мы практически отрабатывали все вопросы взаимодействия на случай внезапного нападения противника. Наши командиры настолько хорошо ориентировались в приграничной полосе, что в са-

мую темную ночь могли безошибочно вывести свои подразделения в любое место.

Гарнизонная жизнь в маленьком городке Изяславле не отличалась разнообразием. Здесь не было ни театра, ни клуба, действовал лишь один плохонький кинотеатр, который мы посещали раз-два в неделю. Клубные помещения в полках были рассчитаны всего на 150—200 человек. Но и на этих тесноватых «площадках» активно работала полковая самодеятельность. Выступления наших доморощенных «артистов» вносили большое оживление в быт командиров и их семей.

Впрочем, семейных командиров было не так уж много, а в нашем полку в особенности. По какой-то странной традиции здесь отдавалось явное предпочтение командиру, «не обремененному семьей». Но уже осенью 1924 года это сообщество холостяков вдруг стало рушиться: женился пачальник полковой школы Щербаков, его примеру последовали начклуба Портнов, ветврач А. В. Ухтомский, комиссар полка Н. И. Лукинский. А к 1926 году «сдались» и наиболее упорные холостяки — Игнатий Иванович Карпезо, начальник штаба полка А. И. Байков. Женились в большинстве случаев на изяславских девушках, так что в гарнизоне появилось много родственных связей. Но в те годы военному человеку не приходилось подолгу заспживаться на одном месте.

Вскоре и мне пришлось покинуть Изяславль — послали в Новочеркасск на кавалерийские курсы усовершенствования. В те годы эти курсы славились хорошей постановкой обучения, особенно по тактике конницы и технике конного дела. Последнему обучали нас такие виртуозы, как Куцваловский и Дулинец.

Девятимесячное пребывание на курсах завершалось большой полевой поездкой слушателей по маршруту: Новочеркасск, Ростов, Куцевка, Майкоп, Белоглинская станция, Ростов, Новочеркасск. Нам пришлось при этом довольно напряженно поработать во многих направлениях. Мы сами чистили и поили коней, сами раздавали им сено и овес, а на переходах решали тактические задачи. Запомнились последние три перехода с нарастающими показателями: 60, 70 и, наконец, 90 километров. Хорошо еще, что тут нас не обременяли тактикой. Но и без того эти три перехода потребовали от каждого огромного напряжения.

Результаты такой поездки, включая и сохранение коня, являлись одним из решающих слагаемых в итоговой оценке успехов выпускника.

Перелистывая старый альбом...

Перебирая свои личные архивы, я нередко беру в руки и с интересом листаю один старый фотоальбом. Желтеют от времени его листы, тускнеют снимки, но не стираются в памяти милые моему сердцу лица товарищей по учебе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Это — одиннадцатый выпуск академии. Сошлись мы вместе в 1928 году, а разлетелись по всей стране в 1931-м.

Впрочем, если говорить строго, учеба в Академии имени М. В. Фрунзе не ограничивалась тогда тремя годами. Ей предшествовали по меньшей мере еще год-два подготовки к вступительным экзаменам. Для меня такой подготовительной ступенью были кавалерийские курсы, где слушатели получали в ту пору довольно основательные знания по политэкономии, истории партии, артиллерии и многим другим дисциплинам, совершенно необходимым для общевойскового командира.

В Москву я прибыл в конце марта 1928 года в числе нескольких сот других кандидатов на поступление в академию. Разместили нас в общежитии третьего дома Советов. В каждой комнате — по 20—30 человек. Жить здесь было весело, но готовиться к очередному экзамену — невероятно трудно. Кроме вечного движения и шума нашу работу затрудняло и то, что комендант расселял кандидатов по мере их прибытия, и люди из одной экзаменационной группы очень часто оказывались в разных комнатах.

Серьезное беспокойство у многих из нас вызывал экзамен по уставам. Все мы, конечно, неплохо знали уставы своего рода войск, но в других уставах ориентировались слабо. В наиболее тяжелом положении оказались связисты и саперы. Им были почти не знакомы все боевые уставы — и пехоты, и конницы, и артиллерии.

Встречались и другого рода трудности, которые сегодня могут показаться анекдотичными. Настоящим «нокаутом» для многих кандидатов могла стать последняя фраза члена экзаменационной комиссии старшего преподавателя тактики П. А. Ермолина:

— Скажите, пожалуйста, товарище командир, сто сказано в уставе на странице (называет точно страницу) о действиях авангарда?

У Ермолина было ужасное произношение и не менее ужасный профессорский педантизм.

А как тяжело приходилось тем товарищам, которые на вопрос экзаменатора по топографии: «Каким учебником вы пользовались?» — простодушно отвечали: «Учебником Свенцицкого». Ведь перед ними был «бог» топографии А. М. Казачков, который весьма ревниво относился к книгам своих коллег. От этой ревности нередко страдал экзаменуемый, «нетактично» обошедший своим вниманием обширное учебное пособие, написанное самим Казачковым.

Тяжелы были экзамены и по географии. Многие из поступавших имели настолько слабые знания в этой области, что их ответы вызывали недоумение у членов экзаменационной комиссии и сдержанный смех среди слушателей академии, которые являлись сюда поразвлечься «откровениями» новичков.

Все зачисленные на первый курс академии до начала классных занятий в летние месяцы проходили стажировку в других родах войск. Мне пришлось стажироваться в артдивизионе Э. А. Киселло, входившем в состав моей родной 2-й кавалерийской дивизии. Стажировка завершалась практической стрельбой на полигоне.

С октября мы начали учебу в старом здании академии на улице Кропоткина. Начальником академии был тогда Р. П. Эйдеман, а помощником у него — Е. А. Шиловский. Среди преподавателей военных дисциплин выделялись бывшие офицеры и генералы царской армии. В области тактики и оперативного искусства непрекаемыми авторитетами считались А. И. Готовцев, Н. Н. Шварц, А. К. Коленковский, А. В. Кирпичников, Ф. П. Шафалович, Н. Г. Семенов. Историю преподавали В. Ф. Новицкий и И. И. Вацетис, артиллерию — Б. М. Голубинцев и В. К. Мордвинов, инженерное дело — Д. М. Карбышев, организацию войск — И. И. Щелоков и М. М. Загю. Непосредственно из войск с должностей командиров дивизий и корпусов на преподавательскую работу пришли к тому времени И. Ф. Широкий, П. Г. Понедельня, В. М. Тихомиров, С. Н. Красильников.

Особое место занимали в академии профессора Александр Андреевич Свечин и Александр Иванович Верхов-

ский. Оба они обладали большими знаниями (первый в области стратегии, второй в области тактики), искусно читали лекции, но были очень далеки от слушателей по своим убеждениям. Профессор А. А. Свечин особенно раскрылся перед нами, издав книгу «Опыт вождения полка». В ней он описывал собственные приемы воспитания солдат во время первой мировой войны, откровенно проповедовал муштру и свирепые наказания в отношении провинившихся, вплоть до выставления их под винтовку на бруствер окопа. Этой своей книгой профессор Свечин оттолкнул от себя многих командиров, выросших в Красной Армии в героическую и очень демократичную эпоху гражданской войны.

В числе преподавателей академии уже появлялась тогда и молодая поросль из адъютантуры — А. В. Голубев, А. В. Сухомлин, К. Н. Галицкий и многие другие. Преподавательская работа захватила их целиком, и, пожалуй, именно из-за этого некоторые из них надолго откладывали подготовку к защите своих диссертаций.

Коллектив преподавателей академии вложил много сил и энергии в разработку новых форм ведения боя. Уже со второго курса мы обучались на основе Полевого устава 1929 года, в котором нашли выражение самые передовые по тому времени взгляды. В нем содержались очень ценные указания о включении в боевые порядки атакующей пехоты танков непосредственной поддержки (НПП), а для воздействия на оборону прогивника в глубине предусматривалось выделение танкового эшелона дальнего действия.

К слову скажу, что общеакадемической кафедры тактики тогда еще не было и все вопросы тактической подготовки слушателей решались на курсах. Разработку тактических задач возглавляли начальники курсов.

С позиций сегодняшнего дня нас может что-то и не устраивать в тогдашних методах обучения, что-то может показаться наивным. Задним числом всегда легко и просто отыскивать недостатки и критиковать их. Но, объективно оценивая труд профессорско-преподавательского состава академии того периода, я не могу не высказать ему самой искренней признательности за те знания, которые он нам дал, и за то, что еще на академической скамье нас приучали к углубленной самостоятельной работе.

Лекций тогда читалось немного. Значительно больше времени отводилось для самостоятельного изучения материала. Затем следовали семинары и конференции. А по тактике и оперативному искусству теоретические занятия дополнялись еще упражнениями на картах и решением контрольных задач.

Учебная нагрузка слушателей была велика. Занимались мы не только в классах и лабораториях, но и в общежитии, засиживаясь порой далеко за полночь.

Там же, в слушательских общежитиях, проводилась большая воспитательная работа с семьями. Ее возглавлял уполномоченный от партбюро курса, а ближайшими помощниками у него были женорг общежития, совет клубной комнаты, столовая комиссия. В каждом общежитии действовали многочисленные самодеятельные кружки и курсы по повышению общего образования жен слушателей, по приобретению ими различных специальностей.

Много внимания уделялось нашей физической подготовке, массовой спортивной работе. Раз в неделю по одному часу мы занимались в манеже верховой ездой и еженедельно по два часа в спортзале — гимнастикой на снарядах. Я лично за время учебы в академии стал хорошим лыжником и приобрел навыки в спортивных играх с мячом (футбол, волейбол). Лыжный спорт я полюбил так крепко, что и теперь еще не могу отказать себе в зимних прогулках по снежной целине.

В академии все мы прошли большую партийную школу. На каждом курсе у нас имелась своя партийная организация, во главе с секретарем из числа слушателей данного курса. Для решения общеакадемических вопросов созывались собрания коммунистов всей академии, включая членов партии из постоянного состава. На таких собраниях избиралось и центральное партийное бюро академии. Секретарем его тоже являлся слушатель обычно со второго или третьего курса.

Закалившаяся в борьбе с троцкистами и зиновьевцами, партийная организация академии отличалась своей боевитостью. Ее влияние сказывалось везде. Она занималась успеваемостью слушателей, не гнушалась бытовыми делами, но в то же время глубоко вникала в большие научные проблемы. Хорошо помню, какую принципиальную позицию заняло центральное партбюро в споре, возникшем на кафедре истории военного искусства, об оценке

боевых действий советских войск на Западном и Юго-Западном фронтах в 1920 году.

Неоднократно занималось бюро и делами других кафедр, в частности кафедры исторического материализма и истории партии. Споры здесь возникали чаще всего потому, что не было стабильных учебников и преподаватели при разработке лекций слишком произвольно толковали некоторые принципиально важные вопросы, допускали иногда нечеткие формулировки.

Когда мы были уже на третьем курсе, сменилось руководство академии. Р. П. Эйдемана назначили председателем Центрального совета Осоавиахима, а на его место пришел Б. М. Шапошников. Это был высокообразованный военный человек, крупный специалист в области оперативного искусства и тактики. В учебный процесс академии он внес много нового, очень нужного для будущей работы ее питомцев. Со слушателями выпускного курса у него сразу же установились самые тесные связи: Борис Михайлович интересовался нашими дипломными работами, посещал занятия в группах, внимательно беседовал с каждым, исподволь «прощупывая» наши знания. Немало заботы проявлялось им и о планомерном пополнении академии новыми преподавателями из войск. Он лично занимался подбором адъюнктов.

Борис Михайлович имел добрый характер, был доступен для всех. И каждый, кто близко знал его, навсегда сохранит самые теплые воспоминания об этом интересном, знающем и душевном человеке.

Хочется вспомнить и Ефима Афанасьевича Щаденко — заместителя начальника академии по политической части. Он хорошо дополнял Б. М. Шапошникова своим партийным опытом. Правда, в характере Е. А. Щаденко были свои несимпатичные черты — склонность к администрированию, доходившая порой до грубости, увлечение неоправданно крутыми мерами в отношении слушателей и даже профессорско-преподавательского состава. Но нельзя, мне думается, перечеркнуть и забыть то, что сделал он для укрепления кафедр социально-экономического цикла, для повышения боевитости и принципиальности в работе парторганизаций.

Оглядываясь сегодня назад, я с полной объективностью могу сказать: мы учились в благоприятное время. Уже завершалась начатая в 1924 году реорганизация

Красной Армии. Была создана стройная структура частей и соединений пехоты, конницы, артиллерии. Успешно развивались авиация и механизированные войска. Из числа тех, с кем я заканчивал академию, выросли впоследствии талантливые авиационные командиры, такие, например, как С. П. Синяков, крупные танковые начальники П. А. Ротмистров, С. М. Кривошеин.

А перед сколькими из нас академия открыла дорогу в большие общевойсковые штабы! Тяжелой, но благородной штабной службе большинство моих товарищей остались верны до конца. Она стала для нас не только профессией, но делом всей жизни. И хотя на избранном нами пути встречались не одни только радости, мы не сходили с него и навсегда остались признательны людям, которые привили нам любовь к многотрудному искусству управления войсками.

Однако нужно еще перевернуть последнюю страницу заветного альбома. На ней запечатлены события одного из майских дней 1931 года. В этот день вместе с выпускниками Военно-политической академии имени В. И. Ленина мы собрались в Кремлевском Дворце. Состоялась традиционная встреча с членами Политбюро Центрального Комитета партии и правительством. Нас сердечно поздравил с окончанием академии Михаил Иванович Калинин. Он говорил о кровной связи Красной Армии с народом, напомнил о священном нашем долге — всегда быть готовыми с оружием в руках защищать Родину.

После официальной, торжественной части состоялся завтрак. Столы были накрыты в нескольких залах Дворца. Потом все собралось в большом Георгиевском зале, дружно пели хорошие боевые песни, наши признанные танцоры показали виртуозные пляски.

А еще через несколько дней мы разлетелись в разные стороны. Каждого ждали новая должность, новые заботы, и не сомневаюсь, что каждому хотелось поработать в полную меру своих сил и возможностей.

Славная семья котовцев

По окончании учебы в академии, к моему большому удовлетворению, меня аттестовали на должность командира кавалерийского полка. Практически я стал им не-

сколько позже. Мне предстояло еще пройти путь адъютанта, а затем два с половиной года поработать в штабе 2-го кавалерийского корпуса в должности начальника оперативного отдела. Но я об этом ничуть не сожалел. Живая, активная штабная работа пришлась мне по душе и временами не только увлекала, но просто захватывала. Особенно когда готовились и проходили учения с войсками.

2-м кавалерийским корпусом по-прежнему командовал Н. Н. Криворучко. Правда, летом 1933 года, когда я прибыл в славную семью котовцев, его на месте не оказалось: комкор без освобождения от должности учился в так называемой особой группе Академии имени Фрунзе, и в это время руководство корпусом фактически осуществляли начальник штаба Е. С. Шейдеман и помощник командира по политчасти И. К. Николаев.

О Николае Николаевиче Криворучко еще и теперь рассказывается много забавных былей и небылиц. Это был самобытный, интересный человек и безусловно талантливый командир.

Наш комкор принадлежал к числу близких друзей и соратников легендарного Григория Котовского. И хотя в годы гражданской войны под началом Котовского выросли и возмужали сотни других замечательных кавалерийских начальников, Николаю Криворучко следует по праву отвести одно из первых мест в этой «могучей кучке».

Говоря о личных качествах Н. Н. Криворучко, хочется прежде всего обратить внимание на его редкую память и трезвый ум. Рассказывая о каких-либо событиях первой мировой или гражданской войн, он безошибочно называл даты, населенные пункты, помнил великое множество имен и фамилий людей. Николай Николаевич отлично знал службу войск и на память цитировал статьи из уставов (по привычке отдавая предпочтение уставам царской армии). Всей душой любил он конную и конно-строевую подготовку. А вот тактикой занимался гораздо меньше, передоверяя это дело нам, тогда еще молодым штабным командирам. И как мы ни старались, нам никогда не удавалось заинтересовать его этим важным делом. Сам-то мы любили тактические учения, но комкор относился к ним с некоторой прохладцей. Если это рассматривать как одну из его странностей, то она была, конечно, самой до-

садной. Не случайно 2-й кавкорпус оконфузился на окружных маневрах 1934 года в присутствии Наркома обороны К. Е. Ворошилова. К тому времени штабы кавалерийских соединений располагали уже радиосредствами и надежными самолетами связи, но наш комкор предпочел управлять войсками по старинке. Он сам не слезал с коня и требовал того же от нас — штабных командиров. Мы скакали из полка в полк с приказами и распоряжениями, но наше вмешательство в руководство «боем» часто оказывалось запоздалым. Ведь корпус — это не эскадрон. Нам справедливо было указано на наши недостатки и упущения, и в следующем, 1935 году на еще более значительных маневрах, вошедших в историю под именем Киевских, действия частей 2-го кавкорпуса управлялись гораздо лучше.

Многие знают о хозяйственных увлечениях Николая Николаевича Криворучко и порой иронизируют над этим. Конечно, не обязательно было командиру корпуса лично руководить производством зерна и хмеля в подсобном хозяйстве, двумя лесопильными заводами и даже каменноломней, поставлявшей щебень на строительство шоссе. Но делалось-то все это не из личной корысти. Дополнительные средства, приобретенные таким образом, комкор сполна расходовал на боевую подготовку войск, на улучшение бытовых условий личного состава, на пособия нуждающимся командирам.

Николай Николаевич отличался чуткостью и вниманием к подчиненным, простотой в отношениях с ними. Двери его квартиры в небольшом особняке против штаба были открыты для каждого. И все мы не только уважали, а просто обожали нашего комкора. Любое его поручение выполнялось с исключительной добросовестностью.

Весьма оригинально проводил Н. Н. Криворучко инспектирование своих частей. Скажем, проверку состояния ухода за конским составом он начинал с района свалки навоза. Сюда вызывались командир полка, его помощник по тылу и начальник ветеринарной службы. Обнаружив в навозе непереваренные зерна овса, комкор уверенно заявлял, что в полку есть больные лошади, и тут же устраивал разнос ветеринарам. А если на свалке оказывалась свежая подстилочная солома или остатки сена, командирам приходилось выслушать лекцию о том, как надо скармливать лошадям грубые корма и как использовать подстилку. Шуму при этом бывало больше чем до-

статочно, но смею заверить, что такие уроки не проходили бесследно.

Мне думается иногда, что старый добрый опыт кавалерийской службы следовало бы время от времени вспоминать и в наши дни. Я имею в виду прежде всего скрупулезную, любовную заботу о коне. Ведь это не выдумка, а бесспорный факт, что кавалерист не садился за обед, не накормив коня, и всегда, бывало, почистит его, прежде чем умоется сам. А как трудно приходилось при списывании павшей лошади! В каждом таком случае нужно было непременно выявить виновников и взыскать с них деньги в размере, потребном на покупку нового коня. Подумаешь об этом и просто диву даешься, до чего легко списывают у нас теперь машины! До чего небрежны бываем мы в обращении с ними!

Конница как род войск отжила свой век. Коня у нас повсеместно заменили мотором. Но любовную заботу конников о «тяге» (в наши дни — о машине) очень хорошо бы сохранить и сегодня, и завтра.

Однако вернемся в кавалерию тридцатых годов, во 2-й корпус.

Одно время серьезно обеспокоили нашего комкора самовольные отлучки красноармейцев. Он пробовал беседовать на этот счет с командирами полков и эскадронов, по каждый из них уверял, что у него самовольщиков нет и быть не может. Между тем по воскресеньям в Житомире патрули передко задерживали то рядового бойца, а то и младшего командира из 5-й кавдивизии, у которых не оказывалось на руках увольнительных записок.

И вот Николай Николаевич сам занялся задержанными. Он запретил коменданту сообщать о них командирам соответствующих частей. Выжидал до понедельника: схватятся ли там, станут ли сами разыскивать отсутствующих? Многие не схватились, и к вечеру в понедельник комкор назначил совещание начсостава 5-й дивизии с вызовом всех командиров полков, командиров эскадронов и старшин.

Совещание началось с проверки знания старшинами и командирами эскадронов порядка увольнения военпослужащих в городской отпуск. Спрашивал Николай Николаевич именно тех, чьи подчиненные сидели на гауптвахте.

Выяснилось, что почти все старшины и командиры эскадронов теорию знают хорошо. Тогда комкор задавал им сугубо практический вопрос:

— А как же вы вчера увольняли своих бойцов?

На словах у них опять все получалось честь по чести. И тут наступал самый эффектный момент: вводили нарушителей дисциплины.

— Кто ваш командир? — спрашивал Криворучко каждого из них поочередно.

А командиры, не дожидаясь ответа, сами уже вскакивали со своих мест.

Закрывая совещание, комкор хрипловатым голосом подводил итог:

— Ну, ось бачили, яки у вас порядки в частях?

Присутствуя при сем, я всякий раз поражался находчивости нашего комкора. Он мог быть иногда излишне резковат, но всегда бывал оригинален.

Большую часть своего времени командир корпуса, да и мы, штабные командиры, проводили в войсках. Нам хорошо было известно положение дел там. И осенью 1935 года, когда я получил наконец назначение на должность командира 29-го кавалерийского полка 5-й кавдивизии, мне не потребовалось тратить время на ознакомление. Я уже знал этот полк и мог сразу браться за дело, как говорят, с полной отдачей.

Вся 5-я кавдивизия размещалась тогда в нескольких километрах от Житомира, в лесу между реками Тетерев и Гуйва. Здесь служили в ту пору многие хорошо известные теперь военачальники. Начальником штаба дивизии был полковник Иван Христофорович Баграмян, а оперативную часть в том же штабе возглавлял капитан Плиев Исса Александрович. Полковыми школами командовали А. И. Белогорский и Б. Б. Городовиков (ныне оба генералы). В артиллерийском полку трудился Иван Иванович Волкотрубенко (теперь генерал-полковник).

Во главе дивизии стоял полковник Н. В. Провоторов, чье умелое и твердое руководство я ощутил с первых же дней, и не без пользы для себя. Как, по-видимому, и у всех молодых командиров полков, у меня поначалу не все получалось. К примеру сказать, я тогда еще очень поверхностно представлял себе административно-хозяйственную деятельность командира отдельной части. Трудно давалась мне и методика конно-строевого обучения подразделений; сколько ни старался, а все-таки не был достаточно силен в

этом. И если бы не чувствовалось требовательности сверху (со стороны командира дивизии) и не было помощи снизу (прежде всего от начальника штаба полка майора Кукулина), мое, так сказать, становление могло бы затянуться.

Не могу пожаловаться и на командиров эскадронов. Они тоже вносили свой вклад в полковую «копилку». Особенно хорошо работали Айвазов и Ковалев. Впрочем, и остальные отдавали на общее благо все, чем располагали, — знания, опыт, способности. И полк в общем-то успешно справлялся со своими задачами. Мы довольно уверенно чувствовали себя в тактической подготовке. Не особенно тревожились и за огневую. Правда, ведущее место в дивизии принадлежало не нам. Нас по многим показателям опережали 30-й и 28-й кавалерийские полки, что было вполне закономерно: этими полками командовали более опытные люди. Но так продолжалось лишь до поры до времени.

Весной 1936 года в нашу дивизию ожидали приезда командующего войсками округа командарма 1 ранга Ионы Эммануиловича Якира. В те годы такие визиты были относительно редки. Каждому хотелось предстать перед командующим в лучшем виде. В частях началась интенсивная подготовка по всем линиям.

Зная, что командующий обязательно захочет проверить огневую выучку кавалеристов, командир дивизии заранее стал отбирать для этой цели наиболее надежные подразделения. Командиры 28-го и 30-го кавалерийских полков доложили, что у них весь личный состав стреляет на «хорошо» и «отлично». Мы же с командиром 26-го кавполка майором В. К. Улесовым заявили комдиву, что наши подчиненные стреляют пока только на «посредственно».

Полковник Провоторов остановил свой выбор на одном из подразделений 30-го полка. И это никого не удивило. Но меня вдруг начал точить червь сомнения.

Может быть, по прежней штабной привычке, а возможно, и в силу некоторой ревности или стремления поучиться у других я довольно заинтересованно следил за успехами в огневой подготовке своего соседа. На общем дивизионном стрельбище мне не раз приходилось наблюдать за действиями бойцов 30-го кавполка. И не было у меня уверенности в высоком огневом мастерстве подразделения, выделенного для показа командующему округом. При случае поговорил об этом с командиром дивизии



И. В. Дубинский



И. Г. Пидгалло



Старший командно-политический состав 10-го кавполка червонного казачества. Слева направо: сидят — командир полка И. И. Карпезо, секретарь партбюро П. К. Шапошников, комиссар полка Н. И. Лукинский, начальник штаба А. И. Байков; стоит — помощник командира полка М. И. Казаков



Р. П. Эйдеман



Н. Н. Криворучко



И. Р. Апанасенко



М. Ф. Липатов

и предложил ему в качестве резерва нашу полковую школу. Полковник Провоторов согласился.

Стрельба состоялась в первый же день по приезде командующего. Иона Эммануилович приказал стрелять первое упражнение из карабина по мишени № 5 при дистанции в 100 метров. Стреляли сменами по десяти человек. Якир сам ходил осматривать мишени.

Результаты стрельбы первой смены не могли удовлетворить командующего, но он воздержался от каких-либо суждений. После осмотра мишеней второй смены Якир уже не скрывал неудовольствия. Когда же провалилась и третья смена, Иона Эммануилович спросил командира дивизии:

— Что, у вас все так плохо стреляют?

Провоторов заговорил что-то в оправдание оплошавших стрелков и тут же распорядился о вызове на стрельбище нашей полковой школы.

— Как скоро вы сможете показать стрельбу своих подразделений? — спросил меня И. Э. Якир.

— Минут через двадцать — тридцать, — ответил я.

Признаться, у меня все уже было наготове, и ровно через полчаса наши курсанты вышли на линию огня. Я, естественно, волновался. Провалить стрельбу мы не имели права. И к общему удовлетворению, школа 29-го кавполка задачу выполнила. Но командиру дивизии все равно пришлось выслушать не очень приятное замечание:

— Плохо вы знаете уровень подготовки своих частей, если слабые подразделения выводите на инспекторскую стрельбу, а более подготовленные резервируете.

От меня же командующий округом потребовал ответа на такой вопрос:

— Когда полк будет стрелять отлично?

Я обещал добиться этого в течение года.

После отъезда командующего у нас началась полоса полевых тактических учений. Несколько раз провели учения поэскадронно, а затем и полным составом полка. Много занимались со средним командным составом по разведке, ведению встречного боя и наступлению.

А тут подоспели и осенние дивизионные учения. К ним наши хозяйственники тщательно отремонтировали все снаряжение, привели в порядок пулеметные тачанки, обоз. Все засверкало свежей краской. И Николай Нико-

лаевич Криворучко, проверяя полк в исходном положении, удовлетворенно приговаривал:

— Ось то добре!..

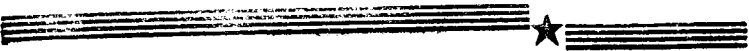
На учениях мы действовали успешно. Большой труд, затраченный личным составом в летние месяцы, дал свои плоды. Полк уверенно выполнял все задачи, действуя то в передовом отряде дивизии, то в авангарде. Управлять боем кавалерийского полка было в то время относительно несложно. Ударной его силой являлись четыре сабельных эскадрона, а «огневой щит» составляли батарея 45-миллиметровых пушек и пулеметный эскадрон, имевший на вооружении 16 станковых пулеметов. Во встречном бою с кавалерией противника мы довольно легко сковывали ее действия огнем с фронта, а тем временем сабельные эскадроны умело выполняли обходный маневр и проводили неотразимую атаку во фланг и тыл.

На разборе учений Н. Н. Криворучко еще раз похвалил 29-й полк, и мы вернулись на зимние квартиры в приподнятом настроении, с новыми задумками. У меня уже складывались заманчивые планы на новый учебный год. Очень хотелось развить добрый старт, взятый полком, и в 1937 году дать более высокие показатели. Но по-иному пошли события.

В начале октября мне предложили ехать на учебу в Академию Генерального штаба. Это была высокая честь, и надо бы только радоваться, а я загрустил. Трудным оказалось расставание со своим полком, с сослуживцами по дивизии и корпусу. Но я не подозревал, что прощаюсь с кавалерией навсегда.

По душе пришлась мне служба в этом передовом по тому времени роде войск. Прочно завладела мной романтика конных походов и лихих кавалерийских атак. Нет-нет да и теперь еще вспомню, как поет кавалерийская труба, как свистит в ушах встречный ветер. А то вдруг встанет перед мысленным взором Николай Николаевич Криворучко, и я уже слышу его добродушный говорок:

— Ось то добре... Ось так треба...



ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Снова учеба

Академия Генерального штаба Красной Армии начала свое существование осенью 1936 года. Таких военно-учебных заведений еще не было в других армиях. Задачей академии являлась подготовка кадров для работы на руководящих должностях в штабах армий и фронтов, а также в Генеральном штабе Красной Армии.

Первый набор слушателей в академию проводился без вступительных экзаменов, путем персонального подбора. Слушателями зачислялись офицеры, ранее окончившие военные академии (преимущественно Военную академию имени Фрунзе) и имевшие опыт практической работы в штабах дивизий, корпусов, военных округов или на командных должностях (не ниже командира полка).

Учебные группы комплектовались таким образом, что в каждую из них, как правило, попадали один-два комбрига (было такое воинское звание), три — пять полковников и несколько майоров. Учитывалось и то, чтобы в группе были представлены офицеры из разных родов войск: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, авиаторы, саперы, связисты. Почти во всех группах были офицеры, проходившие ранее службу в высших штабах и центральных управлениях, но большинство составляли начальники штабов дивизий и корпусов.

Среди преподавателей новой академии мы встретили много старых знакомых из Академии имени Фрунзе. Тут были А. И. Готовцев, Н. Н. Шварц, Ф. П. Шафалович, Д. М. Карбышев, А. В. Голубев, В. А. Меликов, А. В. Кирпичников, А. А. Свечин, А. И. Верховский, М. И. Дратвин, В. К. Мордвинов.

Начальником академии был назначен комдив Д. А. Кучинский, до этого работавший начальником штаба Киев-

ского военного округа, — человек молодой, энергичный и хорошо подготовленный. Много сил пришлось ему вложить в организацию учебного процесса и всей жизни академии. Как я уже упоминал, подобных учебных заведений не было не только у нас, но и за рубежом, так что все приходилось начинать сначала, идти непроторенным путем. Тем не менее к нашему приезду все оказалось в полной готовности — и учебная база и то, что принято называть материально-бытовым обеспечением. Каждому слушателю выделялись в общежитии одна или две комнаты, хорошо отделанные и обставленные необходимой мебелью. При общежитии имелись столовая, парикмахерская, пошивочное ателье. Учебный корпус (заново отремонтированный) располагался совсем рядом. Словом, с первых же дней мы могли полностью отдаться учебе, ни о чем особенно не заботясь, ни на что не отвлекаясь.

Несколько забавно получилось с новой формой одежды, установленной только для нашей академии. Она выглядела весьма эффектно: черный бархатный околыш и белый кант на фуражке, черные — тоже бархатные и с белым кантом — воротнички на кителе и шинели, малиновые лампасы на брюках. Все это шили из добротного материала первоклассные портные. Собственно говоря, с многочисленных примерок новой формы и начиналась наша слушательская жизнь.

Форма всем нам очень нравилась, но... только до тех пор, пока мы не узнали, что эти шикарные дорогие комплекты заносятся в вещевые аттестаты. Практически это означало, что каждым из нас сразу исчерпывались нормы вещевого довольствия за несколько лет вперед.

— Дорогой подарок! — шутили слушатели.

Однако это не снизило нашего хорошего настроения. Мы ждали начала занятий и были готовы к сосредоточенной плодотворной работе.

Занятия начались напутственным словом Маршала Советского Союза А. И. Егорова — тогдашнего начальника Генерального штаба. Несколько позже перед нами выступил с разъяснением основных положений только что введенного Полевого устава (ПУ-36) заместитель Наркома обороны Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. Практическое усвоение этого Устава и наставлений по

глубокой операции являлось основной задачей в оперативной подготовке слушателей академии.

Первые месяцы учебы ушли на повторение и пополнение знаний по боевой технике Красной Армии. Мы ознакомились с новейшими образцами самолетов и средствами управления авиацией, освежили в памяти в общем-то известные нам тактико-технические данные артиллерии, табельных инженерных средств, а также средств связи и химической защиты. Показывали нам и новые по тому времени танки. А завершался этот этап зачетами по боевой технике.

Должен сказать, что мы не особенно одобрительно отнеслись к такому началу занятий. Ведь большинство среди нас составляли командиры из войск. Нам казалось вполне достаточным свести все это к ознакомлению лишь с новой техникой и не тратить времени на повторение давно известного, на заучивание обширнейшего цифрового материала.

Однако в целом наша учеба была спланирована хорошо. Слушателям предоставлялась возможность выполнять много самостоятельных работ, особенно по кафедрам оперативного искусства и тактики. С самого начала на широкую ногу ставилась методическая подготовка по этим дисциплинам. Каждому из нас поочередно поручали проводить в своих учебных группах военные игры на картах. Несколько наиболее подготовленных слушателей во главе с полковником М. В. Захаровым сразу же были привлечены к разработке задач по оперативному искусству.

Нельзя было пожаловаться и на качество лекций. Как правило, они читались на высоком уровне. Особенно хорошо воспринимались всеми лекции Д. М. Карбышева — начальника кафедры инженерной службы.

Дмитрий Михайлович с виду казался несколько суховатым. Но мы-то знали, что внешность его обманчива. В действительности это был исключительно чуткий и отзывчивый человек, всегда готовый помочь любому из нас. И не только в стенах академии, а и в неслужебное время, у себя на квартире. Консультируя слушателя, он старался так повести беседу, чтобы тот сам находил наиболее целесообразное решение по применению инженерных средств. От него каждый уходил с уверенностью в себе и возросшим стремлением постигнуть еще не постигнутое.

А вот с профессором А. А. Свечиным отношения у нас складывались совсем иначе. Невольно вспоминаю одну из его лекций, когда он стал вдруг доказывать, будто большевики и лично В. И. Ленин не выступали за поражение царской России в войне с Японией 1904—1905 годов. В аудитории начался шум, посыпались реплики:

— Прочитайте статью Ленина «Падение Порт-Артура»!

Свечин сделал многозначительную паузу и невозмутимо заявил, что он хорошо знает эти материалы, но никогда не находил там прямых утверждений о необходимости поражения царской России. Этим он как бы подлил масла в огонь. Шум и беспорядок усилились. Несколько слушателей вышли из зала. Кто-то доложил о случившемся начальству. Лекция была прервана.

Однако и после этого Свечин не очень-то смутился и при объяснении с руководством академии оставался совершенно спокойным. Он заявил, что ничего особенного в этом инциденте не видит, просто-напросто его неправильно поняли.

Это уже совсем возмутило всех слушателей. И в результате профессор А. А. Свечин был, по существу, отстранен от чтения лекций по эпохе империалистических войн.

На кафедре истории военного искусства вообще чувствовался разбой во взглядах. Там постоянно происходили споры, особенно между профессором Свечиным и начальником кафедры профессором Меликовым. Но я не уверен, что в этих спорах рождалась научная истина.

Заметным событием было приглашение в академию для проведения занятий по оперативному искусству командующих войсками некоторых военных округов. Зимой 1936/37 года на нашем курсе прошли два таких занятия: одно из них проводил И. П. Уборевич, другое — И. Э. Якир. Тема занятий командарма 1 ранга Уборевича формулировалась так: «Ведение фронтовой наступательной операции на Западном театре военных действий». Командарм 1 ранга Якир проводил занятие по теме «Действия эшелона развития прорыва во фронтовой наступательной операции».

Занятия эти отличались большой поучительностью. Уборевич и Якир обладали хорошей оперативной подго-

товкой, прекрасно знали Западный театр военных действий и умели донести до слушателей все наиболее важное, наиболее существенное. Характерно, что в ходе этих занятий мы имели дело с противником сильным, активным, способным нанести решительные удары.

Многие из слушателей высказывали недоумение: почему это Уборевич так осложнил оперативную обстановку и вынудил войска Западного фронта отражать контрудар мощной группировки немецких войск из Восточной Пруссии? А на занятиях, которые проводил Якир, случилось как будто и вовсе несообразное: наш мехкорпус, входивший в состав ЭРП, не сумел преодолеть сопротивление немецкой танковой дивизии. Почему?

Давно нет в живых ни Уборевича, ни Якира. Трудно разыскать и тех офицеров, которые принимали участие в разработке задач для занятий с нами. Но теперь, пожалуй, любой курсант военного училища объяснит, какая в данном случае преследовалась цель. А вот тогда даже в Академии Генштаба не все могли взять себе в толк: с какой стати руководители занятий сводили к такому неудачному финалу наступательные операции наших войск на западном и юго-западном операционных направлениях?

Концепция занятий, проведенных Уборевичем и Якиром, никак не укладывалась в привычные схемы. Здесь победа не давалась легко, мы ставились в сложные условия борьбы с сильным и активным противником, который не только оборонялся и отступал, но наносил мощные ответные удары. Для нас такое было ново и непривычно.

Учеба в Академии Генштаба свела меня со многими хорошими людьми. В числе моих близких товарищей оказались И. Х. Баграмян, А. И. Антонов, Н. Ф. Ватутин, Л. М. Сандалов, Н. И. Сучков, Ф. П. Озеров, А. Н. Боголюбов. Мы постоянно помогали друг другу, взаимно проверяли один другого перед зачетами, вместе проводили короткие часы досуга. Особенно тесно я сошелся тогда с Ваню Баграмяном, которого знал еще по службе в Житомире. В академическом общежитии наши квартиры оказались на одном этаже, и редкий вечер мы не заглядывали друг к другу. Иван Христофорович покорял своей непосредственностью, он любил добрую шутку и умел,

хорошо поработав, весело отдохнуть. В том году он не раз заговаривал со мной о своем желании вступить в партию, но почему-то не очень торопился подавать заявление. На партию он смотрел как на святыню, рассуждал о ней с большой душевностью и, по существу, уже тогда был настоящим большевиком.

Вообще все мои тогдашние друзья и товарищи отличались своей идейной убежденностью, с большой ответственностью относились к своему долгу, к учебе и работе. Жили мы одной заботой — как можно полнее использовать предоставленные нам возможности для пополнения своих знаний и стать хорошими штабными командирами, способными планировать современные боевые операции и управлять войсками в ходе их.

На первом курсе нам удалось основательно отработать армейскую операцию. Перед нами раскрылся во всем своем многообразии современный общевойсковой бой стрелкового корпуса, особенности боевых действий механизированного и кавалерийского корпусов, а также авиационного корпуса дальней авиации. Мы освежили свои знания по истории военного искусства, основательно ознакомились с новой техникой, только что поступившей на вооружение Красной Армии.

Пришла пора зачетов и экзаменов за первый курс. К июню у меня лично оставался несданным всего один зачет — по истории военного искусства. Я сидел над схемами по русско-японской войне, когда зашел ко мне Матвей Васильевич Захаров.

— Что, ты все корпишь над русско-японской войной? — заговорил он полушутя-полусерьезно. — Бросай это дело! Надо в войска ехать.

Я ответил в тон ему:

— Если тебя назначили, то надо, конечно, ехать. Но при чем тут я?

— Мы назначены одним приказом, — объявил вдруг Матвей Васильевич. — Я — начальником штаба в Ленинградский военный округ, а ты — заместителем начальника штаба в Средне-Азиатский.

Я не сразу поверил Матвею Васильевичу. Подумалось, что он просто разыгрывает меня. Но в то же время не мог не заметить его взволнованности. Интерес к перине-

тиям Мукденского сражения сразу ослаб. Лежавшие тогда передо мной схемы этого сражения стали как будто менее отчетливыми. Если Матвей Васильевич не шутил, то как же все это понимать? Ведь наша учеба далеко еще не закончена...

Отложив в сторону учебники, я направился к М. И. Дратвицу, своему однокашнику по Академии имени Фрунзе. Теперь он исполнял обязанности комиссара Академии Генштаба и, конечно, был в курсе последних событий. Он подтвердил сказанное Матвеем Васильевичем, но ничего нового к этому не добавил.

— Значит, надо собираться в дорогу? — спросил я.

— Надо, — сказал Дратвин.

Приказ о назначении касался не только нас с Захаровым. Из академии досрочно была выпущена значительная группа слушателей нашего курса. Полковники А. М. Василевский, В. В. Курасов, Н. И. Четвериков были назначены на работу в Генштаб. Н. Ф. Ватутин и А. А. Хрящев, как и я, направлялись заместителями начальников штабов округов. С. Г. Трофименко и А. Ф. Анисов шли начальниками оперативных отделов тоже в окружные штабы. Полковника А. И. Антонова назначили начальником штаба Московского военного округа, а полковника Н. И. Сучкова — туда же начальником управления боевой подготовки.

Пожалуй, каждым из нас владели тогда смешанные чувства: с одной стороны, как-то поднимало дух оказанное доверие, с другой — не особенно хотелось прекращать так хорошо начатую учебу.

Однако чувства чувствами, а приказ остается приказом. Всего несколько дней потребовалось мне, чтобы привезти сына из Евпаторийского детского санатория да упаковать вещи. А затем — в путь в Среднюю Азию, где не приходилось еще бывать.

Высокие температуры Ташкента

Средняя Азия встретила меня не столько тепло, сколько жарко. Начинался июль. Еще в пути, на станциях

Аральское море и Джусалы, почувствовалось, как налит здесь солнце. Одно спасение — вода. Но те, кто пили ее много, к вечеру окончательно ослабевали.

Для новичка в Средней Азии июль — тяжелое время. 40—45° жары в Ташкенте после 15—20° тепла в средней полосе России переносятся нелегко. Неспроста Средне-Азиатский военный округ относили раньше к районам «с особыми условиями» и офицерский состав получал там надбавку к основному окладу, как, скажем, на Дальнем Севере.

Высокая температура стояла в то время и в штабе округа. Буквально через несколько дней после моего приезда был отозван в Москву командующий войсками округа комкор И. К. Грязнов и обратно не вернулся. Его заменил Ока Иванович Городовиков, бывший до этого заместителем у Грязнова. Затем не больше двух месяцев пост командующего занимал А. Д. Локтионов, потом — Л. Г. Петровский, а в конце года на эту должность прибыл комкор И. Р. Апанасенко.

Частая смена командующих ничего хорошего не приносила. Некоторые из них начинали не с созидательной деятельности, а с реорганизации и ломки всего того, что было создано до них. Это очень отрицательно сказывалось и на решении задач, которые стояли перед войсками, и главное — на настроении командного состава. Нужно было приложить немало усилий, чтобы восстановить у людей уверенность, деловитость.

В округе оставались еще замечательные кадры, с гордостью именовавшие себя «старыми азиатами». Иные из них прослужили здесь по два десятка лет и, конечно, отлично знали этот край и это операционное направление.

К числу таких относился комбриг И. Е. Петров, начальник Ташкентского пехотного училища. Службу в Средней Азии он начал еще в 1920 году, был комиссаром кавалерийской бригады, затем в 1920—1921 годах учился на курсах усовершенствования, а с курсов — опять на коня и прямо в бой с басмачами.

Под стать Ивану Ефимовичу пришелся и его заместитель полковник Филатов. Этот даже родился в одной из казарм Ашхабада и всю свою сознательную жизнь провел в войсках Средне-Азиатского военного округа.

В штабе округа работал комдив Я. А. Мелькумов, который тоже родился и вырос в Средней Азии, владел

местными языками, приобрел богатый боевой опыт в борьбе с басмачеством. Далеко не новичками были здесь и начальник отдела боевой подготовки С. А. Байдалинов, начальник разведотдела полковник В. Е. Васильев, заместитель начальника инженерных войск Н. Н. Баташов.

А из войсковых командиров не могу не вспомнить полковника И. В. Панфилова, командовавшего в то время горнострелковым полком, полковника А. А. Лучинского — командира кавполка, полковника М. П. Константинова — помощника командира дивизии.

Самые хорошие воспоминания остались у меня и о начальнике штаба комбрига А. К. Малышеве. Он по-отечески отнесся ко мне, заботливо помогал поскорее освоить новый для меня большой круг обязанностей. К сожалению, вместе мы поработали очень недолго. В начале марта 1938 года совершенно неожиданно Малышев был отстранен от должности начальника штаба округа и на его место назначили меня. Почти одновременно с этим произошел и ряд других замен в руководящем составе управления округа. Начальником оперативного отдела был назначен Макарий Федорович Липатов, начальником разведки — полковник Б. Г. Разин. Военно-воздушные силы округа возглавил очень молодой полковник Н. П. Каманин. Начальником КЭО стал И. В. Панфилов.

В равной мере процесс «омоложения» коснулся и руководящего политического состава. На пост члена Военного совета округа прибыл сравнительно молодой дивизионный комиссар Е. П. Рыков, во главе политического управления был поставлен П. И. Ефимов.

Нелегко было постигнуть огромный объем новой работы. Но я нисколько не погрешу против истины, утверждая здесь, что все командиры и политработники Средне-Азиатского военного округа, получившие тогда быстрое продвижение по службе, полностью оправдали высокое доверие партии и очень хорошо проявили себя в годы Великой Отечественной войны.

Средне-Азиатский военный округ не имел тогда такого значения, как западные округа. Количество войск у нас было относительно невелико. Однако приграничное положение округа обязывало ко многому.

В отношениях с соседними странами — Ираном и Афганистаном — наше правительство проводило традиционную политику дружбы. Но нам приходилось учитывать,

что в этих странах против СССР работала агентура некоторых империалистических стран. В частности, в Иране значительно активизировалась агентура фашистской Германии.

Приграничное положение округа требовало от нас также проявлять большую заботу об улучшении дорожной сети, линий проводной связи, накапливать запасы по некоторым видам довольствия войск. Особое внимание нужно было уделить водоснабжению на маршрутах, ведущих к государственным границам, и в районах возможного сосредоточения.

А тут еще назрела необходимость серьезного пересмотра организационной структуры войск. Наши горнострелковые и горнокавалерийские дивизии комплектовались по особым штатам: они были невелики по численности личного состава, но имели очень много выючных лошадей. Такие дивизии способны маневрировать по узким тропам и без всяких троп, по бездорожью, они могли решать частные боевые задачи против не сильного, хотя и приспособленного к местным условиям, противника. Для ведения же боевых действий на равнинных театрах эти дивизии не годились. В них слишком мало было артиллерии, и всю их ударную силу составляли только 15 стрелковых рот (по пять в полку). Малопригодность горнострелковых дивизий к ведению современного общевойскового боя усугублялась также большим количеством лошадей (до 15 тысяч на дивизию), нуждавшихся в ежесуточном подвозе около 200 тонн фуража и выделении на их обслуживание почти 7000 бойцов. Слишком это было расточительно!

У нас созревали свои предложения о реорганизации войск округа. И позднее, после ряда тактических учений, мы внесли их на рассмотрение в Генеральный штаб.

1938 год не без пользы был употреблен нами — молодыми руководителями этого весьма специфического округа — для детального изучения своего театра. Проводились многочисленные оперативные рекогносцировки, полевые поездки, нередко во главе с командующим. На такие рекогносцировки привлекались в районах своей дислокации и штабы дивизий.

В целом эту работу мы проводили довольно успешно, хотя случались и неприятности. Так, при разведке маршрутов из районов Керки и Чарджоу на Мары, через Кара-

кумские пески, две наши рекогносцировочные группы оказались в тяжелом положении. Обе эти группы были неплохо снаряжены, обеспечены горючим и водой на весь маршрут, из расчета номинального суточного перехода по 10—15 километров. Но в пустыне у командиров и личного состава, по-видимому, не хватило выдержки, они израсходовали воду, не достигнув конечных пунктов. То же самое произошло и с горючим. Пришлось подавать для них горючее и воду по воздуху, самолетам У-2.

Всякие такие случаи не проходили для нас бесследно. Они наталкивали на мысль о необходимости еще более тщательного изучения театра. Но особенно убедил меня в этом один разговор с начальником Генерального штаба. Произошел он в марте 1938 года. Я прибыл тогда в Москву для решения каких-то организационных вопросов и уже под конец своей недолгой командировки был принят Борисом Михайловичем Шапошниковым, которого хорошо знал еще со времени своей учебы в Военной академии имени Фрунзе. Он не раз удивлял меня своей феноменальной памятью. Беседуя в течение дня с десятком людей, выслушивая самые разнообразные вопросы или просьбы, наш начальник академии никогда не пользовался блокнотом, однако ничего не забывал. Даже через несколько месяцев он мог при случае напомнить слушателю, о чем когда-то вел с ним разговор.

Но еще больше поразил меня Борис Михайлович во время той памятной нашей встречи в Генштабе. Интересуясь состоянием Средне-Азиатского театра, он предлагал мне вопрос за вопросом:

— В каком состоянии дорога от Самарканда в Термез?

— Как вы собираетесь прикрыть железнодорожный мост через Аму-Дарью у Чарджоу?

Был задан, между прочим, и такой совсем уж удивительный вопрос:

— Сохранилась ли корчма на семьдесят пятом километре дороги из Самарканда в Термез?

Оказывается, Б. М. Шапошников, будучи молодым офицером, сам выполнял рекогносцировки в наших местах и однажды проезжал из Самарканда в Термез верхом на коне в сопровождении вьючного обоза. Было это еще до революции, но в его памяти сохранилось не только общее представление о местности, но удержались и отдельные, мелкие детали.

Вернувшись в Ташкент, я доложил о нашем разговоре командующему, рассказал и офицерам штаба. Тут было над чем поразмыслить.

Проблема № 1 — вода

В сентябре 1938 года мы проводили севернее Термеза учения 68-й горнострелковой дивизии. Местность — ярко выраженная пустынная, а с удалением к северу — горная, с несколькими характерными тактическими рубежами. В районе учений протекали небольшие, но богатые водой реки. Они оказались весьма коварными. Соблазнившись прозрачной холодной водой, всегда желанной в здешних краях, кое-кто напился из них и очень скоро поплатился за свою неосмотрительность: в воде оказался большой процент глауберовой соли.

Питьевую воду приходилось доставлять издалека по железной дороге. Для этого был приспособлен специальный поезд (так называемая «вертушка») из 15—20 платформ с большими чанами-цистернами. Штаб руководства учением скрупулезно распределял воду между частями. Командиры частей доводили распределение до батальонов и рот. А ротные командиры и весь суточный наряд строго следили за тем, чтобы никто из личного состава не получил воды больше нормы.

Вода раздавалась примерно так же, как борщ или каша из походной кухни, пожалуй только более скупо. Ведь людей постоянно мучила жажда, а она ничуть не лучше голода. Особенно тяжело переносили ее те, кто впервые попал в пустыню. А таких оказалось немало: к нам прибыла тогда для ознакомления со Средне-Азиатским театром довольно значительная группа офицеров из Академии имени Фрунзе. Возглавлял ее хороший знаток Средней Азии комдив В. Г. Клементьев. Но как он ни подбадривал своих питомцев, разместившихся в палатках вместе со штабом руководства, некоторые из них прямо-таки раскисли на термезской жаре.

Один эпизод из этого учения особенно убедил нас в том, насколько важно соблюдать питьевой режим при ведении боевых действий в пустынных районах с жарким климатом.

Хорошо обученному горнострелковому полку была поставлена задача: ночью по пешеходной тропе, через горы, выйти в тыл главных сил «противника» и с утра атако-

вать их во взаимодействии с частями, наступающими с фронта. Полк хорошо выполнил обходный маневр: в течение ночи он прошел по горам до 30 километров и с первыми лучами солнца был уже в указапном районе. По предварительным расчетам, ему требовалось теперь всего два-три часа для короткого отдыха и завтрака личного состава, после чего предстоял «бой».

С группой посредников я прибыл к месту этого интересного «боя», но, увы, глазам моим предстала жалкая картина. Оказывается, командир полка, его штаб и командиры подразделений не проследили за соблюдением питьевого режима. В результате еще в первые часы марша, до наступления ночной свежести, личный состав опустошил свои фляги. Обильная потливость людей вызвала у них резкую потерю сил, и к тому моменту, когда надо было вводить полк в «бой», передо мной пластом лежали 600—700 хорошо обученных и физически крепких бойцов, не способных не только к наступлению, но даже и к самозащите. Потребовалось немало времени, чтобы восстановить их силы, и фактически полк пришлось выключить из учения.

Вода почти все время оставалась для нас проблемой № 1. В ходе этого и ряда других учений мы стремились как можно тщательнее проверить особенности боевых действий и материального обеспечения войск в условиях пустыни и высоких температур. И конечно, первоочередной задачей считали уточнение наших расчетов по водоснабжению. Это являлось важнейшим звеном в дальнейшем освоении Средне-Азиатского театра.

После долгих исследований были приняты два пути решения проблемы водоснабжения. Прежде всего мы начали использовать все родники, имевшиеся на маршрутах к границе, беря их в каптажные бассейны средней емкости. В каждом таком бассейне мог создаваться постоянный запас в 50—100 кубических метров воды.

Одновременно приступили к созданию артезианских колодцев. К этой работе удалось привлечь не только войсковых саперов, но и геологоразведку. К сожалению, даже такими объединенными усилиями нам далеко не везде удавалось достать «большую воду». Скажем, на маршруте Мары — Серахс геологи по нашему заданию пробовали бурить скважины до глубины 150—170 метров, однако водоносного слоя не нашли и там.

Крупным планом пошли у нас работы по подготовке театра с 1940 года. Новый Нарком обороны С. К. Тимошенко отнесся к нашим нуждам с полным пониманием. В наше распоряжение были выделены значительные денежные и материальные средства, а также разрешено на время производства работ призвать запасников в инженерные и саперные части. С благодарностью я вспоминаю и ту поддержку, какую оказали нам при этом К. А. Мерецков, только что назначенный на пост начальника Генштаба, и начальник оперативного управления Н. Ф. Ватутин.

С думой о завтрашнем дне

Мы не имели в то время прямых указаний о подготовке к вооруженной борьбе с каким-то конкретным противником. Но взоры наши невольно обращались к фашистской Германии; оттуда тянуло запахом пороха.

Партия и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы избежать вооруженного столкновения или хотя бы на время оттянуть конфликт. В 1939 году с Германией был подписан договор о ненападении, но в его прочность и длительность нам, военным людям, как-то не очень верилось. С думой о завтрашнем дне мы вели напряженную работу в войсках и не жалели сил на то, чтобы максимально поднять боеготовность округа.

Весной 1940 года в порядке изучения театра была предпринята полевая поездка на Памир. Она совмещалась с решением оперативно-тактических задач. В ней участвовали командиры корпусов и дивизий, начальники штабов соединений и оперативная группа из штаба округа. Командующего войсками генерал-полковника И. Р. Апанасенко с нами, к сожалению, не было — его вызвали тогда в Генеральный штаб.

Свой путь мы начали из Алайской долины, лежащей на высоте 3000 метров над уровнем моря. Это — долина летних пастбищ, великолепные охотничьи места. Перед дальней дорогой все, конечно, полакомились дичью. Уток здесь можно было стрелять даже из пистолета.

А впереди открывались замечательные горные пейзажи. Матсво светились под солнцем вечные льды заалайских вершин. С каждого перевала мы видели все новые и новые хребты. Нагромождения гор терялись в дымке, им, казалось, не было конца.

Пышная растительность сразу как-то сменилась ландшафтом пустыни. Кругом — ни деревца, ни кустика, одна только колючая трава. Но горы всегда величественны. Может быть, даже более величественны в своей суровой пустынности.

Первые ночевки были у нас на высоте 3500—4000 метров, последующие — на высотах 4500—5000. Колонна останавливалась иной раз прямо на дороге; усталые люди тут же разжигали костры и готовили ужин. Разговоры на привалах стали короче, шутки слышались реже. Чувствовалось, что людям очень тяжело. И чем выше мы поднимались, тем становилось яснее — для многодневного пребывания на такой высоте требуется особая тренировка. Даже незначительные физические усилия у нетренированного человека вызывали здесь болезненные ощущения. Между прочим, наиболее остро чувствовали недостаточность кислорода на высотах солдаты и молодые офицеры; офицеры постарше и генералы среднего возраста не теряли работоспособности и на высоте 4000 метров.

В целом наша поездка получилась весьма поучительной во многих отношениях. Мы практически познакомились с Памиром, с особенностями передвижения в высокогорных районах и твердо убедились, что через «Крышу мира» возможен маневр небольшой группировки войск.

Очень сердечно встречали нас немногочисленные жители этого края, и особенно пограничники. При этом не обошлось без курьезов. Дело в том, что незадолго перед нашей поездкой на Памир в Советской Армии были установлены генеральские звания. Среди участников поездки генералов оказалось три: Т. Т. Шапкин, А. Д. Калачев и я. На погранзаставах мы стали замечать, что некоторые бойцы стараются протолкнуться поближе к нам и что-то слишком уж внимательно нас разглядывают. Оказывается, они специально отпрашивались у своих командиров, чтобы посмотреть на советских генералов, но, к великому их огорчению, мы еще не имели тогда генеральской формы и ничем не выделялись из общей массы офицеров.

В летний период того же 1940 года в округе проводилась серия усложненных учений. На них применялись, в частности, воздушные десанты численностью до роты.

И я хорошо помню один случай, заставивший всех нас сильно поволноваться.

Парашютнодесантная рота выбрасывалась с высоты 700—800 метров. Погода для прыжков была благоприятной, и все шло хорошо. Вдруг один боец, преждевременно выдернувший кольцо парашюта, зацепился стропами за хвостовое оперение самолета. Мы с земли видели, в какое трагическое положение попал десантник, но помочь ему ничем не могли.

Экипаж самолета тоже переполошился и пытался принять свои меры. Полагая, что при виражах можно сбросить десантника с хвоста и тогда он сумеет открыть запасной парашют, летчик сделал несколько таких попыток. На крутых виражах парашютиста мотало из стороны в сторону, но он по-прежнему оставался на хвосте самолета. Наконец кто-то из состава экипажа пополз по фюзеляжу самолета и обрезал злополучную стропу. Десантник тотчас открыл запасной парашют и вскоре приземлился недалеко от нас. И. Р. Апанасенко послал за ним свою машину.

Когда парашютиста привезли, командующий наградил его за высокое самообладание и приказал дать ему «для сугрева» стопку коньяку. Боец выпил и, сразу осмелев, стал хвастать, что готов повторить еще раз такую же прогулку за хвостом самолета.

— Нет уж, давай отложим это дело на самый крайний случай, — улыбнулся командующий.

Иосиф Родионович Апанасенко принадлежал к славной плеяде командиров, возвращенных нашей партией еще в годы гражданской войны. Выходец из «иностранцев» из Ставрополя, он отличался большой простотой и общительностью, а потому был очень любим в войсках. Его знаниям службы войск и умению руководить боевой подготовкой можно было позавидовать. Лично я всегда видел в нем настоящего военного человека сурового долга.

Последние игры на картах

Перед войной стали чем-то вроде традиции ежегодные совещания в Наркомате обороны по итогам боевой и политической подготовки. Проводились они обычно в ноябре или декабре и всегда с участием руководящего состава из военных округов.

Мне лично на таком совещании впервые пришлось участвовать в 1938 году, и должен сказать, что я вынес с него много нужного и полезного для своей практической работы. То же повторилось и в 1939—1940 годах.

Получив вызов в Москву в декабре последнего предвоенного года, мы, как всегда, вооружились соответствующим отчетным докладом по итогам боевой и политической подготовки. Итоги за этот учебный год в войсках нашего округа оказались в общем положительными, и настроение у нас было бодрое, уверенное.

Только в Москве мы узнали, что на сей раз традиционное совещание выйдет далеко за свои привычные рамки. Наряду с командующими войсками, членами военных советов и начальниками штабов округов приглашались также командующие армиями, некоторые командиры корпусов и дивизий. Да и по времени оно было рассчитано на целую неделю — с 23 по 29 декабря. А вслед за тем планировалась еще оперативно-стратегическая игра на картах.

Необычность совещания определялась своеобразием обстановки 1940 года. К тому времени гитлеровская Германия уже захватила почти всю Западную Европу. Непокоренной оставалась пока только Англия — извечный соперник Германии на мировом рынке. Ее спасали морские проливы, для преодоления которых требовались большой флот и мощная авиация. Не располагая господством над Англией ни на море, ни в воздухе, Гитлер все чаще поглядывал на Восток, где не существовало естественных препятствий для его многочисленной сухопутной армии. Да и противник там был иной — страна социализма, идейный антипод всего капиталистического мира. Мы, конечно, еще не знали тогда, что именно в конце 1940 года рождался пресловутый план «Барбаросса». Однако партия и правительство уже предвидели, в каком направлении может пойти дальнейшее развитие фашистской агрессии, и соответствующим образом готовили к этому наши руководящие военные кадры.

На декабрьском совещании основным докладчиком по общим вопросам боевой подготовки войск выступал начальник Генерального штаба К. А. Мерецков, а содокладчиками являлись генерал-лейтенант А. К. Смирнов, быв-

ший тогда инспектором пехоты, начальник Управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов, генерал-инспектор артиллерии генерал-лейтенант М. А. Парсегов и начальник Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко.

В докладе К. А. Мерецкова основательно критиковались наши недостатки. Он, пожалуй, даже несколько сгустил краски при оценке уровня боевой подготовки частей некоторых военных округов.

Не высоко оценивалась в докладе и подготовленность органов управления. К. А. Мерецков сказал буквально следующее:

— У нас недостаточная оперативная подготовленность и военная культура высшего командного состава, войсковых штабов, армейских и фронтовых штабов, а особенно авиационных. Этим вопросам следует больше уделять внимания.

Немало интересных мыслей высказали и содокладчики. Каждый из них хорошо знал состояние дел на своих участках и сумел поставить перед собравшимися ряд важных задач, требующих немедленного решения.

В прениях выступали командующие военными округами — генерал-лейтенант И. С. Конев, генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, командующий 1-й Отдельной Краснознаменной армией генерал-лейтенант М. М. Попов, начальник артиллерии Киевского особого военного округа генерал-лейтенант Н. Д. Яковлев и другие. Но разговор по проблемам, выдвинутым в докладе Мерецкова, на этом не заканчивался. Он продолжался и в последующие дни, при обсуждении других докладов, в которых разрабатывались главным образом вопросы оперативного искусства: характер современной наступательной операции, характер современной оборонительной операции, ввод механизированного корпуса в прорыв, борьба за господство в воздухе, бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне. Докладчиками по этим вопросам выступали генерал армии Г. К. Жуков, командовавший тогда войсками Киевского особого военного округа, генерал армии И. В. Тюленев, командовавший Московским военным округом, генерал-полковник Д. Г. Павлов, командовавший Западным особым военным округом, ге-

нерал-лейтенант А. К. Смирнов, командовавший Харьковским военным округом, и генерал-лейтенант П. В. Рычагов — начальник Главного управления Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

Все эти доклады произвели на нас хорошее впечатление. В них были изложены основные теоретические взгляды, которые в то время господствовали среди руководящего состава Красной Армии. Здесь было уделено должное внимание и Инструкции по глубокому бою, и проекту нового Полевого устава. Нашел отражение и практический опыт боевых действий Красной Армии на Халхин-Голе, в войне с Финляндией. Учитывались уроки нападения фашистской Германии на своих западных соседей, в частности на Францию.

В разработке этих докладов участвовали десятки наиболее подготовленных генералов и офицеров из окружных управлений. Приложил к ним руку и Генеральный штаб. Таким образом, они являли собой плод коллективной творческой мысли, но при всем том не были лишены некоторых недостатков: докладчики слишком увлеклись «чистой теорией» и часто пренебрегали практикой, неплохо преподносили общие принципиальные положения, но обходили конкретные вопросы построения операций.

Как и следовало ожидать, особый интерес участники совещания проявили к докладу генерала армии Г. К. Жукова «О характере современной наступательной операции». В нем содержался глубокий анализ боевой техники, состоявшей тогда на вооружении передовых армий, и были даны основные расчеты сил, средств, времени и пространства. Докладчик считал, что наступательная операция со стратегической целью должна проводиться на фронте в 400—450 километров, а главный удар надо наносить в полосе 100—150 километров по фронту. Состав войск для такой операции он определял в 85 и более стрелковых дивизий, четыре-пять механизированных корпусов, два-три кавалерийских корпуса и 30—35 авиационных дивизий. Глубина наступления — 200—300 километров при среднесуточном продвижении в 10—15 километров. Общая продолжительность операции — 12—20 дней.

Значительную часть своего доклада тов. Жуков посвятил ударной армии — решающей силе в наступательной

операции фронта. В составе такой армии, по мнению докладчика, следовало иметь до 15 стрелковых дивизий, три — пять танковых бригад, восемь — десять артиллерийских полков усиления, шесть — восемь авиационных дивизий и корпус подвижных войск (механизированный или кавалерийский) для развития успеха.

По докладу Г. К. Жукова высказалось наибольшее число участников совещания. Мне запомнились выступления генерал-полковника Г. М. Штерна, генерал-лейтенантов П. С. Кленова и П. А. Романенко, Ф. Ю. Ремизова, Ф. И. Голикова, генерал-майора М. А. Кузнецова. Почти все они соглашались с основными положениями докладчика. Лишь П. А. Романенко, командовавший в ту пору механизированным корпусом, занял особую позицию.

В общем-то он правильно ставил тогда вопрос о массировании танков в наступательной операции, по находился, очевидно, под большим влиянием успешных действий армии Рейхенау против разгромленных в обороне французских дивизий. Романенко выдвинул свою схему ведения фронтовой наступательной операции и предлагал создать для этого несколько ударных армий весьма громоздкого состава — в каждой по четыре-пять механизированных (танковых) корпусов, три-четыре авиационных корпуса, одной-две авиадесантные дивизии. Ему представлялось, что только такие армии, действуя на флангах фронтов, способны гарантировать разгром противника.

Высказывания Романенко не встретили поддержки. В них совсем не учитывались экономические возможности страны и жизненно необходимые потребности наших Вооруженных Сил. В своем заключительном слове Г. К. Жуков не считал нужным даже полемизировать по этим предложениям.

Командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев выступал с докладом «О характере современной оборонительной операции». Оборону он рассматривал как необходимую форму боевых действий на отдельных, второстепенных, направлениях, а главным в ней считал способность противостоять танкам и артиллерии. Обороняющаяся армия, по взглядам докладчика, должна была иметь две оборонительные полосы и предполье или полосу обеспечения с общей глубиной до 100—120 километров.

У многих участников совещания вызвал недоумение завышенный состав армии. Докладчик определял его в 12—15 стрелковых дивизий, одну-две танковые дивизии, до 20 артиллерийских противотанковых дивизионов, до пяти полков артиллерии РГК и одной авиадивизии. С возражениями по данному вопросу выступил, в частности, начальник штаба Белорусского особого военного округа генерал-лейтенант В. Е. Климовских. Сохранилось в памяти и выступление генерал-лейтенанта В. Д. Соколовского. Он возражал начальнику Академии имени М. Е. Фрунзе М. С. Хозину по части распределения сил обороняющейся армии. Хозин предложил занимать первую полосу обороны одной третью стрелковых частей, а все остальное сосредоточить на второй полосе.

Активно обсуждались также доклады Д. Г. Павлова и П. В. Рычагова. По докладу Рычагова выступили генерал-лейтенант М. М. Попов, генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, авиационные начальники Е. В. Птухин, А. И. Гусев, Г. П. Кравченко, Т. Т. Хрюкин, начальник Главного управления ПВО Красной Армии генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. В обсуждении доклада Павлова приняли участие С. М. Буденный, И. Р. Апанасенко, Ф. И. Голиков, Я. Т. Черевиченко, Я. Н. Федоренко и очень многие командиры мехкорпусов, в частности М. Г. Хацкилевич, А. В. Куркин, А. И. Еременко, Б. Г. Вершинин.

К сожалению, в этих двух докладах да и в выступлениях по ним содержались весьма спорные рассуждения. Д. Г. Павлов, например, явно завысил боевые возможности наших танковых войск. Он сказал:

— Мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению одной-двух танковых или четырех-пяти пехотных дивизий противника.

Участники совещания справедливо расценили это как бахвальство. А вот в отношении авиации получилось хуже. Многие высказались за распыление ее сил. Иные договаривались до того, чтобы включить авиацию организационно не только в состав армий, но и в состав корпусов. Эти ошибочные взгляды не получили надлежащего отпора со стороны руководства ВВС и в какой-то мере отрицательно сказались на первом этапе войны.

Несколько меньше было выступлений по докладу генерал-лейтенанта Смирнова о бое стрелковой дивизии

(С. А. Калинин, В. Н. Курдюмов, П. Г. Понеделин, В. Д. Ссколовский).

Вспоминая об этом очень важном совещании руководящего состава Советской Армии, я сознательно называл так много фамилий генералов, хорошо известных широким слоям читателей по Великой Отечественной войне. Менее чем через полгода им пришлось на практике применить свои знания и свой опыт. У одних это получалось лучше, у других хуже. По молодости лет многим из нас опыта руководства большими массами войск явно не хватало. Но что касается наших знаний, то можно смело сказать — они были не так уж скудны. В предвоенные годы в Советских Вооруженных Силах было немало сделано по подготовке генералов и офицеров к ведению современного боя, современной операции.

К нашему декабрьскому совещанию 1940 года проявлялся большой интерес со стороны Центрального Комитета партии. От начала и до конца на нем присутствовали члены Политбюро. Почти безотлучно здесь находился, в частности, А. А. Жданов.

В самый канун нового, 1941 года из Москвы были отпущены участвовавшие в совещании командиры дивизий и корпусов. А руководящему составу военных округов и командармам предстояла еще дополнительная работа. В первых числах января 1941 года началась большая оперативно-стратегическая игра на картах. Она проводилась в помещении Генерального штаба, и руководил ею лично Нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

Строго говоря, было проведено две игры на разных операционных направлениях: одна на западном, другая — на юго-западном. Участники игр «действовали» в различных ролях. На первой игре наш Западный фронт («восточная» сторона) был представлен командованием Западного особого военного округа (Д. Г. Павловым и В. Е. Климовских), а противную сторону возглавляли генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник Ф. И. Кузнецов (командующий Прибалтийским военным округом). На следующей игре они поменялись местами: Г. К. Жуков командовал основным, Юго-Западным фронтом «восточных», а Д. Г. Павлов — фронтом, представлявшим «западную» сторону.

Мне лично во время этих игр пришлось выступать

сначала в качестве начальника штаба армии, а затем в качестве командира конно-механизированной группы, составленной из двух кавалерийских и одного механизированного корпусов.

Игры проходили в спокойной обстановке: сторонам и всем участникам предоставлялось достаточное время на принятие решений и отработку основных документов. Все пронизывалось идеей глубоких ударов наступающих сторон с целью решительного разгрома крупных группировок противника. Ни для кого из нас эти взгляды не были новыми или неожиданными. Мы уже значительное время изучали (по схемам) основы глубокой операции.

По составу войск фронты отличались громоздкостью (50—80 дивизий в каждом). Управление войсками осуществлялось на большом пространстве (от Полесья до Восточной Пруссии). У многих участников обеих игр вызывало недоумение очень уж незначительное превосходство в силах наступающей стороны (всего в 10—15 дивизий).

Второй особенностью являлось то, что обе стороны имели сравнительно небольшие вторые эшелоны и резервы. Предусматривалось, что боевые действия войска, как правило, будут вести в одном оперативном эшелоне. Превосходство в силах на направлении главного удара создавалось за счет ослабления так называемых пассивных участков фронта.

Завершение игр показалось мне несколько необычным: разбор производился не Наркомом обороны и не Генеральным штабом, а самими участниками — Г. К. Жуковым и Д. Г. Павловым.

Сразу после разбора командующие военными округами стали готовиться к отъезду, а нашего брата начальников штабов еще задерживали в Генштабе. Но 13 января 1941 года положение вдруг круто изменилось. К 12 часам всех пригласили в Кремль.

Правительство делает выводы

В Кремле состоялось заседание Главного Военного совета по итогам наших сборов. Наркомат обороны отчитывался здесь перед Политбюро Центрального Комитета партии и Советским правительством.

Начальник Генерального штаба К. А. Мерецков подробно доложил, чем мы занимались в течение трех недель. Доклад он делал по памяти, не придерживаясь подготовленного текста, и немало погрешил против истины в своих выводах и рекомендациях.

В дальнейшем вызвали критику и его соображения по проекту Полевого устава. Мерецков заявил:

— При разработке Устава мы исходим из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она безусловно разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий противника. В наступлении полторы наши дивизии преодолеют оборону дивизии противника.

И совсем уж неловко получилось, когда К. А. Мерецков стал докладывать соотношение сил сторон при розыгрыше на картах наступательной операции на западном направлении. Выходило так, что «восточная» сторона («красные»), имея всего 60—65 дивизий, успешно преодолела сопротивление «западных», оборонявшихся 55 дивизиями. Сталин тут же задал вопрос: каким образом могло быть достигнуто это при столь незначительном превосходстве в силах? Генерал армии Мерецков отвечал в таком духе:

— Не имея общего превосходства в силах, командующий Западным фронтом сумел взять часть войск с пассивных участков и использовать их в ударной группировке. В результате создано местное превосходство в силах, которое и обеспечило успех наступательной операции.

Тогда Сталин взял слово и решительно возразил докладчику: в наш век механизированных и моторизованных армий местное превосходство в силах не обеспечит успеха наступающей стороне; обороняющийся противник, располагая такими же средствами для маневра, в короткий срок может провести перегруппировку своих войск, усилить их состав в угрожаемом районе и таким образом свести на нет местное превосходство в силах, созданное наступающими.

После того как Мерецков доложил о соотношении сил во второй игре (на юго-западном направлении), ему снова был задан вопрос:

— Ну а кто же победил? Неужели опять «красные»?

Кирилл Афанасьевич пытался уклониться от прямого ответа, отделаться общими фразами: дескать, на военных играх не бывает ни победителей, ни побежденных, а просто руководство дает оценку правильных или ошибочных действий сторон. Но маневр не удался. Кириллу Афанасьевичу напомнили:

— Члены Политбюро, присутствующие на совещании, хотят все же знать — кто из участников игры оказался победителем?

Однако и на этот вопрос убедительного ответа не последовало.

В конце доклада Мерецкова Сталин еще раз брал слово. Решительно расходясь с докладчиком в части оценки боевых действий и возможностей нашей стрелковой дивизии, он высказался приблизительно так:

— Может быть, в Уставе с агитационной целью и следует написать, что наша дивизия во встречном бою способна разгромить дивизию немецко-фашистских войск, а в наступлении полторы наши дивизии в состоянии прорвать оборону целой их дивизии, но в кругу лиц, которые присутствуют здесь, в кругу будущих командующих фронтами и армиями, нужно говорить о реальных возможностях.

По окончании доклада К. А. Мерецкова была дана возможность высказаться и другим представителям Вооруженных Сил, приглашенным на это заседание. Особую активность проявили при этом молодые авиационные начальники, показавшие хорошие боевые качества в Испании и большое мужество при спасении челюскинцев. Участники заседания по-деловому вскрывали недостатки в организационной структуре войск, в обучении личного состава. Но прозвучали и иные голоса...

Тягостное впечатление произвело на всех выступление Г. И. Кулика, являвшегося тогда заместителем Наркома обороны. Кулик упорно ратовал за 18-тысячную пехотную дивизию на конной тяге, по существу отвергая механизацию армии. Он явно не понимал характера развития Вооруженных Сил, недооценивал роль мотора, роль танков. Им делались ошибочные выводы из опыта войны в Испании. Он усвоил, что там, в условиях горной местности, танки применялись только небольшими подразделениями (поротно, иногда побатальонно) для решения ограниченных тактических задач, — и на том стоял.

Выступление Кулика неоднократно прерывалось руководителями партии и правительства. Наконец, ему был задан прямой вопрос: как он считает, сколько нужно иметь нашим Вооруженным Силам механизированных (танковых) корпусов? По уровню своей оперативной подготовки Кулик был далек от понимания этого и пытался схитрить.

— Это смотря по тому, сколько промышленность может дать танков, — уклончиво ответил он.

Председательствующий отреагировал на такой ответ без излишней деликатности. Кулику было указано, что не его дело думать за правительство о возможностях промышленности; от него, как от заместителя Наркома обороны, хотят услышать: сколько танков нужно для армии.

После нового скользкого и туманного ответа Кулика резкое замечание последовало в адрес Тимошенко. Сталин сказал:

— Товарищ Тимошенко, пока в армии будет такая путаница во взглядах на моторизацию и механизацию, у вас не будет никакой моторизации и механизации армии.

Семен Константинович с достоинством возразил, что среди руководящего состава армии есть полное понимание существа механизации и моторизации, только один Кулик путается в этих вопросах, не понимает их.

— Ну что ж, послушаем, что скажут командующие округами, — отозвался на это Сталин и по очереди опросил их о потребном количестве механизированных (танковых) корпусов для соответствующего театра военных действий.

Командующие отвечали в порядке дислокации округов, начиная с правого фланга. Все они были уже ориентированы, что по решению правительства к концу 1940 года закончилось формирование девяти механизированных корпусов, а с февраля 1941 года начнут формироваться еще несколько таких же соединений, и, конечно, успели продумать свои потребности в них. Кирпонос (Ленинградский военный округ) просил один-два корпуса, Кузнецов (Прибалтийский округ) — два-три корпуса, Павлов (Белорусский особый) — три-четыре корпуса, Жуков (Киевский особый) — четыре-пять корпусов, Черевиченко (Одесский округ) — один-два корпуса, Ефремов

(Закавказский округ) — один-два корпуса, Апанасенко (Средне-Азиатский военный округ) — один корпус.

Эти ответы не являлись плодом только личных размышлений командующих. Они отражали коллективное мнение руководящего состава военных округов, и по всему было заметно, что члены Политбюро восприняли их с удовлетворением. Тут же последовало разъяснение, почему так медленно идет процесс оснащения войск танками. Нам объявили, что в течение нескольких лет Центральный Комитет партии и правительство буквально «навязывали» руководству Наркомата обороны мысль о необходимости создания крупных механизированных и танковых соединений, но Наркомат проявил в этом отношении удивительную робость.

Далее Сталин подверг резкой критике ошибочные взгляды Кулика на структуру и количественный состав стрелковой дивизии. При этом проводилась аналогия с позицией противников коллективизации и механизации сельского хозяйства. Вот примерная оценка выступления Кулика:

— Кулик защищает большую восемнадцатитысячную дивизию на конной тяге, он выступает против механизации армии. Правительство проводит механизацию армии, внедряет в армию мотор, а Кулик выступает против мотора. Это же все равно, как если бы он выступил против трактора и комбайна, защищая соху и экономическую отсталость деревни. Если бы правительство стало на точку зрения Кулика, скажем, в годы коллективизации сельского хозяйства, то мы остались бы с единоличными хозяйствами и с сохой...

Под конец Сталин сделал следующее резюме:

— Современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей.

На том и завершилось совещание.

Уходили мы из Кремля с раздвоенными чувствами: перспектива дальнейшей механизации и моторизации армии ободряла и обнадеживала нас, а от некоторых выступлений остался осадок горечи. Явно неудачно выступил начальник Генерального штаба. Мы знали, что материал для доклада и все иллюстрации к нему Оперативное

управление подготовило хорошо. Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин и его ближайшие помощники генерал-майоры А. М. Василевский и А. Ф. Анисов были опытными генштабистами и не могли допустить тех просчетов, которых оказалось так много в докладе К. А. Мерецкова.

А как тяжело переживал все это Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников — старейший деятель советского Генерального штаба. Он понуро сидел в зале, лишь изредка посматривая на своих соседей или в сторону членов Политбюро. Грустное выражение больших умных глаз и легкое подергивание крупной головы выдавали волнение «деда».

После такого совещания следовало ожидать организационных выводов. И они были сделаны в тот же вечер. Я узнал о них от Иосифа Родионовича Апанасенко. Поздно вечером его вызвали в правительство и там сообщили о новом назначении — на Дальний Восток. А 14 января в центральных газетах было объявлено и о других перемещениях в руководстве войсками. Начальником Генштаба стал Г. К. Жуков, а на его место в Киевский военный округ посылался генерал-лейтенант М. П. Кирпонос; командующим войсками Ленинградского военного округа назначили генерал-лейтенанта М. М. Попова, командующим Забайкальского — генерал-лейтенанта П. А. Курочкина, командующим Северо-Кавказского — генерал-лейтенанта И. С. Конева. Генерал армии К. А. Мерецков переводился на должность начальника Главного управления боевой подготовки с оставлением на положении заместителя Наркома обороны.

В этот же день — 14 января — все командующие военными округами выехали из Москвы. Уехал в Ташкент и генерал-полковник И. Р. Апанасенко для передачи округа новому командующему — генералу С. Г. Трофименко.

Несколько дней в Генштабе

Сергей Георгиевич Трофименко имел опыт работы в штабах и хорошую оперативную подготовку. Он быстро вошел в курс наших дел и уверенно взял руководство ими в свои руки.

Помогали ему также (а значит, и всем нам) прочные деловые контакты с местными партийными и советскими органами, налаженные еще при И. Р. Апанасенко. Непо-

средственным результатом этих контактов было то, что в республиках Средней Азии и Казахстане довольно успешно решались оборонные вопросы. Руководители Казахской ССР подготовили передачу в войска автомобилей с большим запасом хода и новой резиной. В Узбекистане по опыту народной стройки Ферганского канала нам удалось еще в 1939—1940 годах построить сквозную гравийную автомобильную дорогу Самарканд — Термез, и теперь наши саперы заканчивали там работы по устройству водоспусков. Дорога получилась приличная, вполне пригодная для движения автотранспорта в любое время года. Правда, гравий брали тут же, на месте, он не отличался высоким качеством, но все же создавал достаточно твердое покрытие.

К слову, не могу не отметить здесь повышенную заботу об армии секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана Усмана Юсупова. По его инициативе, с согласия командующего войсками округа в 1939—1940 годах в районе Ташкента по территориальному принципу была сформирована сверхштатная дивизия. Личный состав ее содержался за счет средств трудящихся. После непродолжительной подготовки с отрывом от производства эта дивизия участвовала на тактических учениях вместе с кадровыми частями и выглядела вполне удовлетворительно. Наблюдая ее действия, И. Р. Апанасенко потирал руки. Однако очень скоро ему пришлось потерять затылок: Нарком обороны в довольно резкой форме отчитал его за самовольство...

Но продолжим рассказ о событиях в Средне-Азиатском военном округе перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. В начале июня мы провели командно-штабное учение. Непосредственное участие в руководстве им принимали ответственные представители Генерального штаба: генерал-майор М. Н. Шарохин, работавший тогда начальником направления по Ближневосточному театру, и полковник С. М. Штеменко. Отрабатывалась тема «Сосредоточение отдельной армии к государственной границе».

11 июня поступил вызов из Москвы. Вызывали или командующего, или меня. С. Г. Трофименко хотелось лично провести разбор учения, да и чувствовал он себя не-

важно, а потому было решено, что по вызову направлюсь я.

12 июня военный самолет СБ доставил меня из района учений в Ташкент, а на следующий день уже рейсовым самолетом я полетел в Москву. Под нами почти все время тянулась железная дорога. По ней шли многочисленные составы, и очень скоро мне стало ясно, что это воинские эшелоны. Головы их были обращены в одном направлении — на северо-запад.

Я хорошо знал, что из состава нашего округа никакой переброски войск не производилось и не планировалось. Значит, это войска из Восточной Сибири или Забайкалья. И тут у меня сами собой стали складываться тревожные предположения. Раз идет переброска войск на запад, стало быть, там назревают серьезные события.

Да, жизнь катилась еще по мирным рельсам, но на них появились уже и воинские эшелоны...

В Генеральном штабе я встретил М. Ф. Лукина, который командовал тогда армией в Забайкальском военном округе. Оказывается, это его армия и передвигалась по железной дороге. Расспрашивать о конечном пункте ее маршрута показалось мне неудобным.

А через день или два я увидел здесь еще нескольких командующих армиями, одетых по-полевому. Ясно, что они ехали не на маневры; о маневрах я бы знал.

Но на загадки и отгадки времени оставалось мало. Надо было заниматься делами, ради которых я прибыл в Генштаб.

Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин предложил мне уточнить некоторые вопросы оперативного плана округа, с учетом последних изменений в составе и организационной структуре войск. Работа над документами заняла у меня четыре-пять дней. И на протяжении их я не мог не заметить все нараставшего оживления в Генштабе.

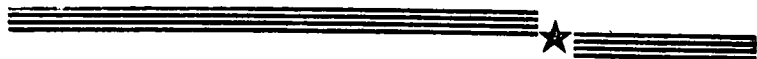
Мне сказали, что идет от мобилизованных вооруженных сил Финляндии, а войска фашистской Германии уже сосредоточились у наших границ. На мой прямой вопрос: «Когда начнется война с фашистской Германией?» — Александр Михайлович Василевский ответил:

— Хорошо, если она не начнется в течение ближайших пятнадцати — двадцати дней.

Утром 20 июня я попал на прием к начальнику Генштаба. Г. К. Жуков пригласил меня вместе с Ватутиным.

Он довольно внимательно полистал нашу разработку, заставил меня на память доложить некоторые ее разделы и спросил напрямую: сможем ли мы, не имея в штабе округа этого документа, развернуть в соответствии с ним войска и выполнить задачу? Я ответил утвердительно, ибо хорошо помнил документы и вполне мог передать их содержание командующему. После этого Жуков разрешил вылететь в Ташкент.

Вечером 20 июня мы с Ватутиным еще раз просмотрели все документы, опечатали папки, сдали в хранилище и надолго распрощались.



НАЧАЛОСЬ

Все для фронта

Даже в самый канун войны не каждому было ясно, что стрелка барометра наших отношений с фашистской Германией склоняется к «буре». Казалось, она колеблется где-то между «переменно» и «ясно». А война между тем надвигалась неотвратно.

Немецко-фашистские войска уже изготовились к прыжку через границу на огромном пространстве от Балтики до Черного моря. Советская Армия принимала меры на случай вражеской агрессии. Проходило от мобилизование войск в некоторых военных округах. Спешно завершалось формирование новых дивизий. Во многих соединениях были призваны на учебные сборы запасники. В приграничных военных округах командиры некоторых дивизий и корпусов по своей инициативе выводили части из мест постоянной дислокации и укрывали их в лесах. В субботу 21 июня кое-где закончились учения, но войска оставались в поле и тщательно маскировались от наблюдения с воздуха.

По-разному вступали люди в войну. По-разному и узнавали о ее начале.

Я прилетел из Москвы в Ташкент в ночь на 22 июня. Два-три часа потребовалось на то, чтобы доложить командующему и подробно рассказать начальнику оперативного отдела М. Ф. Липатову о той работе, которую я выполнял в Генеральном штабе. Поделился с ними, конечно, и своими тревогами, пересказал разговор с А. М. Василевским. На квартиру к себе мне удалось добраться только часам к пяти-шести утра по местному времени.

Было воскресенье. Хотелось по-настоящему отдохнуть.

Однако осуществить это желание не пришлось. Оперативный дежурный доложил, что меня срочно вызывают к телефону правительственной связи для переговоров с Генеральным штабом. Опыт многолетней службы подсказывал, что по пустякам не станут вызывать начальника штаба округа в такое раннее время, да еще в воскресенье. А коль вызвали, значит, произошло что-то значительное.

Буквально через восемь — десять минут я уже держал в руках трубку телефона ВЧ. На другом конце провода был мой однокашник по учебе в Академии Генерального штаба В. В. Курасов. С волнением он сообщил, что немецко-фашистская авиация на рассвете начала наносить бомбовые удары по некоторым нашим городам, по аэродромам и районам размещения механизированных и танковых дивизий Белорусского и Киевского особых военных округов. По поручению начальника Генштаба он просил немедленно доложить об этом командующему войсками округа и поставить в известность руководителей партийных и советских органов союзных республик Средней Азии, что в связи с вероломным нападением на нас фашистской Германии наша страна находится с ней в состоянии войны.

Через двадцать — тридцать минут в штаб прибыли С. Г. Трофименко, член Военного совета Е. П. Рыков, М. Ф. Липатов. Все мы глубоко задумались над тем, как будут разворачиваться события дальше? Когда придется вступить в активные боевые действия нам? Что мы можем сделать для фронта уже сегодня?

Прежде всего надлежало, разумеется, проявить заботу о повышении боевой готовности наших дивизий. И здесь мы сразу же встретились с затруднениями. Дело в том, что республики Средней Азии и Казахская ССР не имели еще указаний о проведении общей мобилизации. Нам пришлось доводить численность войск до штатов военного времени другим способом: военкоматы вызывали запасников персональными повестками и направляли их в части «на учебные сборы». Так же, отдельными вызовами, пришлось поднимать автотранспорт, лошадей и имущество, подлежащее передаче в войска из народного хозяйства.

А фронт уже предъявлял свои требования: поступила директива об отправке в действующую армию двух кав-

лерийских дивизий, 194-й горнострелковой дивизии и механизированного корпуса. Кавалерия и горнострелковые части, предназначенные к отправке, были вполне боевыми и обученными. Мы не сомневались, что эти наши войска с честью выполнят свой патриотический долг. А вот состояние мехкорпуса вызывало беспокойство.

Фактически в корпусе была всего одна мало-мальски боеспособная танковая дивизия, правда укомплектованная машинами устаревших образцов: Т-26 и БТ. Другая же танковая дивизия находилась еще в стадии формирования, танков почти не имела и только-только получила автотранспорт из народного хозяйства Туркменской ССР. В небоеспособном состоянии находилась и третья дивизия этого корпуса — механизированная. Развернувшаяся на базе 19-й кавалерийской дивизии, она имела в основном хорошо обученный личный состав, но не очень хорошие машины, опять-таки мобилизованные из народного хозяйства. Танковый полк ее вовсе не имел танков. Не был еще сколочен и молодой штаб мехкорпуса. Как ни старался энергичный командир корпуса генерал-майор И. Е. Петров, его штаб все же оставался недостаточно подготовленным к управлению боевыми действиями войск.

Мы задавали себе вопрос: какой смысл отправлять корпус на фронт в таком состоянии? Не будет ли это лишь формальным выполнением приказа о переброске в заданные пункты заданного количества дивизий? Думалось (да и теперь считаю так), что наш мехкорпус лучше было бы оставить пока на месте или перебросить его не дальше как на меридиан Волги и там заняться довооружением. Тогда он смог бы сыграть свою роль, ну, скажем, в сражении под Москвой осенью 1941 года. Однако отправили его безотлагательно, и в результате на фронте это наше соединение ничем положительным себя не рекомендовало. Одни из его частей незаметно сгорели в операциях первых месяцев войны, другие подверглись реформированию, а штаб был вовсе расформирован еще до прибытия на фронт. Генерал-майора И. Е. Петрова назначили командовать дивизией в районе Одессы.

Совершенно иная, более счастливая участь была уготована соединениям, которые пошли от нас на фронт несколько позже. В Вооруженных Силах и поныне существует гвардейская имени И. В. Панфилова Краснозна-

менная ордена Ленина и ордена Суворова дивизия. Под номером 316-й стрелковой дивизии она формировалась в первые месяцы войны в районах Алма-Аты и Фрунзе. Мы пестовали ее в течение полутора месяцев. Она была укомплектована до штата. Костяк офицерского состава образовался главным образом из выпускников Ташкентского пехотного училища, в недавнем прошлом отобранных из числа младших командиров в частях нашего же округа. После полуторогодичного обучения все они получили офицерские звания и пошли в 316-ю дивизию на должности командиров рот и взводов. Нашлись у нас для нее и опытные старшие офицеры — командиры частей и их заместители. В полках создались крепкие партийные организации, преимущественно за счет рабочих Алма-Аты и Фрунзе. А во главе дивизии мы поставили республиканского военкома Киргизии генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Нам были хорошо известны его отличные боевые качества и выдающиеся организаторские способности.

В первых же оборонительных боях под Москвой эта дивизия показала изумительную стойкость. Вся страна знает ныне о легендарном подвиге двадцати восьми ее бойцов во главе с политруком В. Г. Клочковым. Вечной славой покрыл себя и командир дивизии Герой Советского Союза И. В. Панфилов, погибший в бою на подступах к столице. Его именем названа не только героическая дивизия, которую он привел в снега Подмоскovie из знойной Средней Азии. Это имя с гордостью носит и один из городов Алма-Атинской области, бывший Джаркент.

Одновременно с 316-й мы заново сформировали еще три стрелковые дивизии, и они тоже ушли на фронт. Вслед за тем округ получил задание сформировать несколько десятков отдельных стрелковых бригад и легких кавалерийских дивизий (без танков и с очень слабой артиллерией).

Формирование новых соединений в целом проходило довольно организованно. Но с вооружением их мы испытывали большие затруднения: на складах округа вовсе не оставалось запасов ни стрелкового, ни артиллерийского оружия. Приходилось проявлять много предприимчивости и изобретательности. Мы изымали оружие из тыловых учреждений, из кабинетов учебных заведений.

Все мобилизовывалось для нужд фронта.

Наконец пришел черед и для нас самих: мы тоже выступили в боевой поход.

В первых числах сентября состоялось подписание соглашения между правительствами СССР и Великобритании, с одной стороны, и правительством Ирана — с другой, об отводе иранских войск из ряда районов и размещении в этих районах советских и английских войск. По тому же соглашению иранское правительство обязано было передать Советскому и английскому правительствам для интернирования членов немецкой колонии, а также выслать за пределы Ирана итальянскую, румынскую и венгерскую миссии.

Войска Средне-Азиатского военного округа перешли советско-иранскую границу на всем ее тысячекилометровом протяжении — от Каспийского моря до Зульфагара. Перед нами вставала страна, которую мы изучали и в общем-то знали, за поведением которой внимательно следили, но еще не видели собственными глазами. Многие здесь вызывало у нас удивление, ко многому надо было еще присмотреться, чтобы лучше понять.

Большим разнообразием отличается природа Ирана. В благодатной приморской части можно увидеть цитрусовые прямо у городских тротуаров. А ближе к афганской границе — голая каменистая пустыня, приводящая в уныние. Лишь кое-где встречались здесь остатки древних оросительных систем — следы упорных трудов человека.

Вступление советских войск в Иран было мерой вынужденной и в той обстановке необходимой. В Иране еще до войны стало очень заметно проявляться влияние фашистской Германии. Началось, как водится, с проникновения германского капитала в экономику страны. Одновременно сюда густым потоком хлынула фашистская агентура под видом различных специалистов и представителей фирм. Перед войной число эмиссаров «третьего рейха» на территории Ирана приближалось к четырем тысячам. Это явилось логическим продолжением традиционной борьбы германского империализма с британским за влияние на Ближнем Востоке, за владение нефтеносными богатствами.

Через Иран планировалось наступление немецко-фашистских войск с Балканского полуострова и из Турции на Индию. Но особые надежды гитлеровцы возлагали на использование Ирана — его территории и природных богатств — в войне против Советского Союза.

С момента развязывания войны против СССР нацистская агентура стала готовить в Иране государственный переворот. Не случайно здесь еще перед войной подвизался небезызвестный адмирал Канарис, набивший руку на шпионаже и диверсиях при аншлюсе Австрии, оккупации немецко-фашистскими войсками Чехословакии. Подготовка к перевороту зашла настолько далеко, что в Иран были уже завезены новые государственные флаги со свастикой. На наших южных границах вот-вот мог появиться новый фронт.

Советское правительство не могло допустить этого. В нотах от 26 июня, 19 июля и 16 августа оно трижды предупреждало шаха Ирана об угрожающей ситуации. Но шах и не думал принимать какие-либо меры. Он не решался «обидеть германских друзей». И тогда последовала директива войскам Закавказского и Средне-Азиатского военных округов о вступлении на территорию Ирана.

Основание и юридическое право на это давал нам Советско-иранский договор от 26 февраля 1921 года. В нем было оговорено, что, если какие-то враждебные элементы попытаются использовать Иран в качестве базы для нападения на нас, мы можем в целях самообороны ввести туда свои войска. Само собой разумеется, что этот вынужденный шаг ни в коем случае не затрагивал территориальной целостности и государственной независимости Ирана.

Из нашего округа в Иран вводилась 53-я отдельная среднеазиатская армия (сокращенно — 53 ОСАА). Командовал ею генерал-лейтенант С. Г. Трофименко. Начальником штаба был назначен я.

Состояла 53 ОСАА из трех группировок, действовавших на изолированных операционных направлениях. Западную, или приморскую, группировку в составе 58-го стрелкового корпуса возглавлял командир этого корпуса генерал-майор М. Ф. Григорович. Центральной, ашхабад-

ской, группировкой в составе 83-й горнострелковой дивизии командовал полковник А. А. Лучинский. Восточная группировка, в которую входил 4-й кавалерийский корпус двухдивизионного состава, выступала под командованием геперал-лейтенанта Т. Т. Шапкина.

Мы имели основания предполагать, что иранская армия по приказу шаха может оказать сопротивление нашему продвижению. Наибольшую опасность в этом отношении представлял горный район, прикрывающий направление Ашхабад, Новый Кучан, Мешхед с перевалами Гаудан, Карабах, Алемли на высоте 2000—2200 метров. Некоторое беспокойство вызывал также перевал Муздеран, прикрывавший путь на Мешхед из Серахса.

Непосредственное сопротивление нам могли оказать две дивизии иранцев: 9-я пехотная в составе шести полков, дислоцированная в районе Мешхед, и 10-я пехотная обычной организации, дислоцированная в районе Горган, Шахруд. Прибытие дополнительных сил иранской армии с юга страны или из района Тегерана казалось нам маловероятным: они, конечно, должны были оказаться задействованными против войск Закавказского военного округа, переходивших границу двумя днями раньше нас, а также против английских частей, вступавших в Иран с юга.

Особо важное значение для нас имели внезапность действий и стремительность продвижения. Нужно было как можно быстрее выполнить поставленную перед войсками задачу и постараться обойтись без кровопролития. Для ускорения темпов наступления на некоторых направлениях мы создали импровизированные моторизованные отряды небольшого состава. Действуя на значительном удалении от главных сил, они заблаговременно овладевали перевалами и узкими дефилами.

В первой половине дня 27 августа мы не встретили никакого сопротивления со стороны иранской армии. 10-я горганская дивизия просто-напросто разбежалась, побросав оружие и снаряжение. Более организованно вела себя 9-я мешхедская. Один из ее батальонов на маршруте Серахс — Мешхед, судя по всему, намеревался оказать сопротивление. Но уже 29 августа заместитель командира этой дивизии прибыл в Новый Кучан для переговоров с командиром нашей 83-й горнострелковой дивизии А. А. Лучинским. Я в то время находился в штабе

Лучинского и принимал участие в переговорах с иранским полковником. От имени командира дивизии и губернатора провинции он заверял нас в полной готовности сложить оружие. Полковник тут же сам сдал свою шпагу и попросил нас изложить основные наши требования. Я взял лист бумаги и своим обычным очень мелким почерком записал на нем два-три пункта об организованной сдаче оружия и недопущении ухода вооруженных войск из своих районов расположения.

По неопытности эта моя записка была вручена иранскому полковнику, а потом оказалась в других руках и вызвала неприятные последствия. Но об этом — несколько позже.

Различные слои населения Хоросанской и Горганской провинций реагировали на наш приход по-разному. Но если говорить о народе в целом, то он отнесся к вступлению советских войск спокойно, не ожидая и не видя в этом ничего для себя плохого. Разговаривая с простыми иранцами, мы убедились, что здесь правильно понимают наши цели. Правда, некоторая часть трудового населения — рабочие фабрик и сельскохозяйственные рабочие — ждала от нашего прихода значительно большего: они надеялись на ликвидацию эксплуататорских классов Ирана. Кое-где рабочие прямо спрашивали наших офицеров:

— Можно ли прогнать хозяина и взять дело в свои руки?

А бедняки крестьяне ставили вопрос еще более категорично:

— Когда можно начать делить земли помещиков?

Трудновато приходилось нашим политработникам выдерживать такой напор. Они снова и снова разъясняли населению, что мы не можем вмешиваться во внутренние дела суверенного государства.

Буржуазия первое время выжидала, как будут развиваться события, однако заметного беспокойства тоже не проявляла. Почти все оставались на местах. Торговцы продолжали торговать. Только наиболее реакционные элементы бежали в Тегеран. Сбежал и губернатор Мешхеда.

Спокойствие иранского населения при вступлении со-

ветских войск объясняется очень просто. Иранцы помнили, что Советское государство с первых же дней своего существования проявляло к их стране дружеские чувства. Понимали они и то, что вступление советских войск обеспечивает Ирану мирную жизнь. А мир всегда дорог любому народу.

На каждом шагу нас поражали здесь нищета и запустение, удивительная отсталость. Мы не увидели в Иране промышленности в том смысле, как понимается это у нас. На глаза не попадались ни заводские трубы, ни линии электропередач, ни железные дороги. Куда ни глянешь — унылая, пустынная степь. В Хоросанской и Горганской провинциях действовало всего лишь несколько небольших текстильных фабричонков и полукустарные заводы по переработке фруктов, в частности по приготовлению кишмиша. На них за ничтожную плату работало много детей. Нам удалось сфотографировать группу маленьких, истощенных и забитых оборванцев. Оказывается, это были безработные. В свои десять — двенадцать лет они уже знали, что такое безработица!

Примитивными методами велось и земледелие. Просто не верилось, что еще в далеком прошлом, в период могущества Персии, здесь существовали хорошо развитые ирригационные системы, обеспечивавшие полив земель. Эти сооружения плохо поддерживались и постепенно приходили в упадок. Казалось, никто не заинтересован в развитии хозяйства.

Мы не могли не обратить внимания на довольно приличные государственные шоссе с заправочными пунктами. По ним курсировали элегантные автобусы английских компаний. Дороги обслуживались штатными рабочими, одетыми в специальную форму. Рабочие получали домик и небольшой участок земли на условиях выкупа в рассрочку. Внешне все выглядело вполне благопристойно. Но беда в том, что одному поколению никогда не удавалось выкупить ни домик, ни землю, и дети дорожных рабочих рождались уже должниками. В случае же, если кто-нибудь из них вызывал хоть малейшее неудовольствие администрации, все шло прахом: договор расторгался и семья выбрасывалась на улицу. Жаловаться или просить защиты не у кого — живи дальше как придется. Можешь и умирать — это никого не беспокоит. На твое место найдутся десятки других: во всех

городах и поселках — множество бедных, обездоленных людей, ищущих любой работы...

Иранские контрасты производили особенно сильные впечатления на наших солдат и молодых офицеров, которые выросли уже при Советской власти.

Союзники и мы

Наши войска обосновались в городах гарнизонами, используя казарменные фонды иранской армии. В Мешхеде разместились 83-я горнострелковая дивизия. Начальником гарнизона здесь был назначен полковник А. А. Лучинский. В Сари, Шахруд, Горган, Шахи, Баболь начальниками гарнизонов стали командиры частей 68-й горнострелковой дивизии. На каждого из них ложилась ответственность за обеспечение общественного порядка, поддержание постоянной боевой готовности в войсках и ограждение последних от проникновения иностранных разведок. Третья задача была особенно сложной: к нашим войскам проявляли повышенный интерес не только вражеские лазутчики, но и разведка англичан.

Несколько выше я говорил об одной своей записке, в которой кратко были перечислены условия капитуляции 9-й иранской дивизии. Она попала (очевидно, через губернатора Мешхеда) в руки наших союзников, и те предъявили ее впоследствии в качестве подтверждения, будто наши войска вели боевые действия даже тогда, когда иранская армия по приказу шаха капитулировала. Моя записка действительно была датирована тем же числом, что и шахский приказ. Однако фактически капитуляция иранской армии происходила не одновременно: с 29 августа по приказу шаха сложили оружие войска иранской армии, действовавшие только против англичан, а те, что противостояли нам, сделали это лишь на следующий день.

Выступление английской дипломатии с моей злоплучной запиской трудно представить как дружеский союзнический шаг; оно сыграло на руку немецко-фашистской пропаганде, против которой выступила даже иранская «Журналь де Тегеран». 7 сентября эта газета опровергла лживые сообщения о том, что якобы северо-западная часть Тегерана подвергалась бомбардировке советской авиацией.

Очень ревниво следили союзники и за количеством советских войск, введенных на территорию Хоросанской и Горганской провинций. Английским дипломатам казалось, в частности, что у нас слишком велик гарнизон в Мешхеде. Дело в том, что наша организация войск не соответствовала английской: у них была бригадная система, а у нас существовали дивизии. Но мы строго придерживались заключенного соглашения и потому разместили в Мешхеде не всю 83-ю горнострелковую дивизию, а лишь часть ее, соответствующую по численности английской бригаде. Тем не менее союзники все время стремились уличить нас в недобропорядочности.

Английской разведке и на сей раз потребовались документальные подтверждения. И вот она подсылает к Лучинскому своего человека — губернатора Мешхеда — за разрешением на право охоты в окрестностях города. Естественно было предположить, что на такого рода разрешении окажется отпечаток печати войсковой части. Но полковник Лучинский уклонился от удовлетворения этой странной просьбы. Он ответил, что влияние его как начальника гарнизона распространяется только на город Мешхед, а в черте города никакой охоты нет; поездка же губернатора по своей провинции не нуждается ни в каких разрешениях.

После этой неудачи английские разведчики попытались «поймать» Лучинского на другом. Они подстраивают ему встречу с полковником английских войск, прибывшим из Индии. Тот отрекомендовался командиром части и назвал ее полное наименование, ожидая, что Лучинский ответит тем же. Но Лучинский представился как начальник гарнизона. За этим последовал уже прямой вопрос: кем по основной должности является господин Лучинский?

— Всего только начальником гарнизона советских войск в Мешхеде, — ответил Александр Александрович.

Были и другие аналогичные попытки. Но все они оказались тщетными. Наши офицеры, особенно командиры соединений и старшие офицеры штабов, наиболее часто общавшиеся с местными властями и англичанами, вели себя с достоинством, службу несли бдительно.

Вообще поведение советских военнослужащих в Иране было безукоризненным. Весь личный состав наших частей был проникнут горячими патриотическими чув-

ствами, рвался в бой с немецко-фашистскими захватчиками. Но задача выпала ему другая, и бойцы рассуждали так: «Ну что ж, не удалось попасть на фронт, значит, надо честно выполнять свой долг здесь». Они выгодно отличались от английских солдат. Те в своей «колоннальной» форме (безрукавках с расстегнутыми воротниками и шортах) даже внешне выглядели как-то не воински да и вели себя в чужой стране, пожалуй, слишком вольно.

В этой связи мне вспоминается совместная с англичанами воскресная прогулка по Тегерану. Перед тем мы долго обсуждали со своими союзниками вопрос, в каком порядке пойдут подразделения: чьи первыми, а чьи последними. В конце концов было принято «соломоново» решение — идти одновременно: англичане — по одной стороне улицы, наши — по другой. И тут произошло непредвиденное: как только на улицах иранской столицы появились эти две колонны, публика начала перебегать с английской стороны на нашу.

Наших солдат бурно приветствовали, от англичан отворачивались.

Шах удаляется с престола

С приходом советских войск в северные районы Ирана общая обстановка в стране несколько улучшилась. Но шах и его правительство продолжали проводить двойственную политику. Несмотря на подписание соглашения о высылке дипломатических миссий враждебных нам государств, прогермански настроенные элементы, в том числе и некоторые высокопоставленные лица, явно противодействовали осуществлению этого мероприятия, а следовательно, и развитию нашей дружбы с иранским народом.

Тегеранская газета «Эттелаат» в передовой статье за 10 сентября откровенно пролила слезы по случаю закрытия дипломатических представительств стран «оси». Однако и после этого сроки отъезда их персонала откладывались со дня на день. Немецко-фашистская агентура продолжала свою подрывную деятельность на территории Ирана, и в особенности в Тегеране. В связи с этим Советское и британское правительства вынуждены были принять решение о вводе войск в столицу.

Мы получили такие указания из Генштаба 15 сентября. 53 ОСАА предписывалось 17-го числа выдвигнуться на юго-восточную окраину Тегерана. Непосредственно в Тегеран вступали войска Закавказского военного округа и одна английская бригада. Вступление туда было назначено на 15 часов 17 сентября.

Детальное изучение маршевых возможностей вызвало у нас в штабе немало беспокойства. Примерно на одинаковом расстоянии от Тегерана находились передовые части Закавказского военного округа и англичан. Из нашей же 53 ОСАА ближайшая от иранской столицы 39-я кавалерийская бригада располагалась в Семнани, то есть примерно в двухстах километрах. По расчетам получалось, что если конницу направить походным порядком, то ей потребуется не менее двух-трех форсированных переходов, чтобы достичь Тегерана. А у нас в распоряжении было не более суток.

Как выполнить задачу?

Штаб разработал план переброски наших войск в Тегеран двумя способами: от 39-й кавалерийской дивизии стали готовить моторизованный отряд (численностью до эскадрона) под командованием капитана Аршинова, а другой, более крупный отряд (в составе одного горнострелкового полка 68-й дивизии) решили перевезти по железной дороге. Так и сделали. В течение ночи на 17 сентября железнодорожный эшелон достиг ближайшей к Тегерану станции и разгрузился там. А в 10 часов дня отряд 53 ОСАА вступил в Тегеран. Ровно в 15 часов туда же вошла одновременно с англичанами и мехгруппа от 24-й кавалерийской дивизии Закавказского военного округа в составе 54-го мехполка, 24-го танкового полка и бронеэскадрона.

Англичане опять предъявили нам претензию: почему советские войска оказались в Тегеране раньше обусловленного времени? Мы объясняли это энтузиазмом личного состава и отнюдь не грешили против истины. Да и можно ли было всерьез рассматривать это как нарушение договоренности? Я рассуждал по-солдатски: прибыли раньше срока — и молодцы. За всю мою многолетнюю военную службу мне никак не удастся вспомнить хотя бы один такой случай, когда старший начальник проявил бы недовольство досрочным выполнением его приказа.

Еще до вступления в столицу советских и английских

войск шах Ирана Реза Пехлеви отказался от престола. Он очутился, так сказать, в матовом положении: потерял поддержку не только в народе, но даже и среди правящей знати. Для сохранения династии Реза Пехлеви назначил своим преемником сына — Мохаммеда Реза Пехлеви. Меджлис принял отречение шаха в тот же день и одобрил передачу трона по наследству сыну. К старому шаху было проявлено великодушие: ему разрешили выезд за границу и ассигновали на содержание довольно крупную сумму.

18 сентября мы узнали из сообщения ТАСС многие факты закулисной деятельности Реза Пехлеви, о его покровительстве агентам фашистской Германии. Газеты высказывали предположение, что отречение Реза Пехлеви от престола будет иметь крупное значение для общественно-политического развития Ирана. И в какой-то степени это сбылось.

Необходимость существования 53 ОСАА в скором времени отпала. Нам было разрешено свернуть командный пункт, расформировать управление армии и всему руководящему составу округа возвратиться в Ташкент.

Управление войсками, оставшимися в Иране, стало осуществляться из Ашхабада, где был оставлен временно заместитель начальника штаба округа полковник Н. А. Чернышев. Впоследствии произошло объединение всех советских войск на территории Ирана под единым командованием, численность их значительно сократилась, а потом они и вовсе ушли оттуда.

Смотрим на Запад

Поход в Иран и связанные с этим события лишь ненадолго захватили наше внимание. На фоне той грандиозной борьбы, какую вел советский народ с немецко-фашистскими захватчиками, наши дела казались малозначительными. С болью слушали мы сообщения Совинформбюро об оставлении Советской Армией новых и новых городов в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Российской Федерации. С горькими думами передвигали все дальше к востоку флажки на своих картах.

Не совсем понимали мы тогда истинные причины происходящего. Ведь каждый из нас знал еще по мирному времени о прекрасных боевых качествах личного состава

Советской Армии, о глубокой преданности бойцов и командиров своей Родине и народу, о беспредельной их вере в мудрость Коммунистической партии и Советского правительства. Да и уровень боевой подготовки войск был, с нашей точки зрения, высоким.

Вспоминалось декабрьское совещание руководящего состава Армии. Его участники, командовавшие теперь корпусами и армиями, уже тогда обнаруживали достаточную оперативную зрелость.

В чем же дело?

Мы пытались связываться по телефону со знакомыми фронтовиками. Помню несколько таких разговоров с Рыковым и Баграмяном, находившимися на Юго-Западном фронте. Прислушивались даже к интонациям их голосов, ловили каждое слово, но наши фронтовые друзья, конечно же, ничего не могли разъяснить нам. Они сами, я думаю, задавали себе те же вопросы, что и мы.

Вести об упорной обороне Одессы родили надежду, что в ходе таких боев противник будет ослаблен и остановлен повсеместно. Крупных оперативных результатов ждали мы и от контрударов советских войск в районе Смоленска. Но эти надежды и ожидания опять рухнули. Сводки Совинформбюро по-прежнему сообщали об отходе наших войск. В сентябре враг подходил уже к окраинам Ленинграда и продолжал рваться к Москве.

В Средне-Азиатском военном округе в это время завершалось формирование нескольких десятков отдельных стрелковых и легких кавалерийских бригад. Затем проводилась некоторая реорганизация военных округов, которая частично затронула и нас. Во вновь созданный Южно-Уральский военный округ, с центром в Оренбурге, от нас перешли Актюбинская, Акмолинская и Гурьевская области, в Уральский военный округ мы передали Кустанайскую область, в Сталинградский — Западно-Казахстанскую.

При решении этих вопросов в Государственном Комитете Оборона сразу назначались и командующие округами, члены военных советов, начальники штабов. И тут случился один неприятный казус. Из директивы ГКО мы с удивлением узнали, что командующим войсками Средне-Азиатского военного округа назначен генерал-майор

П. С. Курбаткин, являвшийся до этого заместителем С. Г. Трофименко. Произошло непонятное: при живом, работающем командующем на его должность назначен другой, а о нем самом в директиве ни слова.

Директива эта поступила к нам в штаб поздно вечером, когда С. Г. Трофименко уехал к себе на квартиру. Я решил не тревожить его до утра, но тут же позвонил в Генштаб А. М. Василевскому. Александр Михайлович был удивлен моим вопросом о судьбе Сергея Георгиевича, обещал все выяснить и немедленно сообщить результаты по телефону. Через час-два от него действительно последовал звонок. Александр Михайлович разъяснил, что директиву ГКО готовил аппарат Главупрформа, а там не знали, что С. Г. Трофименко уже давно возвратился из Ирана, и так как в его отсутствие упрформовцы имели дело с Курбаткиным, то и включили фамилию последнего в проект директивы.

Когда об ошибке доложили в ГКО, оттуда последовал ответ:

— Раз назначен Курбаткин командующим округом, то пусть и командует, а для Трофименко подберем хорошую работу на фронте.

Сергей Георгиевич, конечно, понервничал, но так как он, подобно любому из нас, сам рвался на фронт, то такой ответ вполне его успокоил. И действительно, очень скоро наш бывший командующий получил вызов в Ставку.

А через три недели была удовлетворена и моя просьба о направлении в действующую армию. Меня назначили начальником штаба Брянского фронта.

Сборы были недолги. Передал дела Макарию Федоровичу Липатову — и в путь. Сослуживцы искренне завидовали мне и прозрачно намекали, чтобы я при случае вспомнил о них.

В первых числах января 1942 года я уже был в Генштабе у А. М. Василевского.



В ОЖИДАНИИ БОЛЬШИХ СОБЫТИЙ

Первые впечатления

Празднoм немецко-фашистских войск под Москвой под-
нял настроение у всех советских людей. Это я почув-
ствовал еще в Ташкенте, до отъезда на фронт. По-восточ-
ному темпераментно, даже несколько восторженно, вос-
приняли весть о первой нашей большой победе секретари
ЦК КП Узбекистана, члены республиканского правитель-
ства. Провожая меня, они не скупились на счастливые
прогнозы и добрые пожелания.

Но радость победы для меня была омрачена. Битва
под Москвой, вместе с тысячами других, унесла и очень
близкого мне человека — моего младшего брата Ивана
Ильича. Перед войной он учился в Военно-политической
академии имени Ленина.

Недалеко от Солнечногорска, возле деревни Пешки,
Иван повел в атаку спешенные кавэскадроны и был убит
осколком немецкой мины. Похоронили его там же, в брат-
ской могиле.

Эту печальную весть я узнал перед самым отъездом
из Ташкента и, конечно, будучи в Москве, выкроил ча-
сок, чтобы навестить вдову брата — Веру Ивановну. Вме-
сте со мной ехал на фронт и мой сын — лейтенант
Т. М. Казаков, закончивший перед тем ускоренный курс
Ташкентского пехотного училища. И вот мы вдвоем при-
шли на 2-ю Мещанскую.

Веру Ивановну дома не застали — она уехала разы-
скивать могилу мужа. Молча посидели в комнате покой-
ного, и очень многое вдруг всколыхнулось в моей па-
мяти.

Меня с восьми лет оставляли в летнюю пору дома
присматривать за младшими — пятилетней сестренкой и

восьмимесячным братишкой. Первые два года он рос буквально на моих руках. Затем я помогал ему выбрать профессию, определить свое место в жизни.

Вспоминая те годы, невольно перевожу взгляд на сына, который тоже очень любил своего дядю Ваню. Когда он учился в восьмом классе, Иван Ильич был уже старшим политруком и намеревался поступить в академию. Сын помогал ему готовиться к экзаменам по математике. Часто они сидели за столом, едва не касаясь друг друга головами, — вместе решали задачи. А вот теперь мы с сыном сидим в опустевшей комнате Ивана и тоже склонили головы над столом...

Личное горе переплелось в мыслях с большой всенародной бедой. Снова и снова думалось о делах на фронте. Враг был на подступах к самой столице...

Из Москвы мы выбрались еще затемно и на рассвете были уже за линией первых противотанковых препятствий — рвов, надолбов, «ежей». Дорога — хорошая, ее подравнил снег и основательно укатали фронтовые машины. Ехали довольно быстро.

Южнее Тулы все чаще стали встречаться следы недавних боев. В кюветах у дороги и в стороне от нее, прямо на полях валялись разбитые и сожженные немецкие танки, колесные машины.

Грустное зрелище представляли собой деревни. Многие сожжены дотла. В других почти все дома стояли с забытыми окнами и дверями — люди покинули их, вероятно, еще осенью, когда подходили немцы. В редких обитаемых избах встречались только женщины и дети.

Да, неприглядно было лицо войны!..

К концу дня я прибыл на командный пункт Брянского фронта в городе Ельце. В тот же вечер представился командующему и успел побеседовать с руководящим составом штаба.

Войсками Брянского фронта командовал в то время генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, старый конармеец. До 1941 года он стоял во главе войск Одесского военного округа, а с первых дней войны командовал войсками 9-й отдельной армии. Ему уже пришлось лично пережить и тяжелый отход, и радость первых наступательных боев в районе Ростова.

Членом Военного совета фронта был у нас А. Ф. Колобяков, тоже немолодой человек и опытный армейский

политработник. Пост начальника штаба фронта до моего назначения занимал здесь генерал В. Я. Колпакчи.

Управление фронта незадолго перед тем претерпело организационную ломку. В ноябре 1941 года по решению ГКО его начали было расформировывать, и некоторые генералы, а также старшие офицеры, получив новые назначения, успели уехать. Другие же, пережив расформирование, так и не доведенное до конца, оказались в состоянии какой-то неопределенности — то ли останутся здесь, то ли тоже поедут куда-то. Требовалось некоторое время, чтобы полностью восстановить работоспособность штаба. И к моему приезду это было уже достигнуто — штаб работал в полную силу.

Принят я был хорошо. Мне удалось сравнительно быстро наладить деловые контакты с моими новыми сослуживцами. Работники были здесь подготовленные, способные обеспечить надежное управление войсками. Военно-Воздушными Силами фронта командовал генерал-майор С. А. Красовский, артиллерией — генерал М. П. Дмитриев. Оперативное управление возглавлял генерал-майор М. В. Ивашечкин, разведку — генерал-майор М. А. Кочетков.

Частные операции

В полосе Брянского фронта противник имел довольно крупную группировку. Она состояла более чем из двадцати дивизий, в том числе трех танковых и трех моторизованных. В октябре — ноябре 1941 года значительная часть этих войск под командованием Гудериана безуспешно пыталась овладеть Тулой. Теперь они располагались в районе Орла и Мценска. Южнее находились части 2-й немецкой армии.

Противник еще не успел создать прочной обороны. В качестве опорных пунктов он использовал села и города с каменными постройками. Обилие и добротность таких построек создавали для обороняющихся немецких частей определенные преимущества.

В состав Брянского фронта входили тогда три армии: 61, 3 и 13-я, в которых насчитывалось до двадцати стрелковых дивизий. Оперативное построение наших войск было здесь в один эшелон с небольшими армейскими резервами. Фронтной резерв представляли два кавалерий-

ских корпуса, каждый в составе трех дивизий. Пехоты во фронтовом резерве не имелось совсем.

Наиболее многочисленной была 61-я армия, которой командовал генерал-лейтенант М. М. Попов. Она действовала на местности средней пересеченности, без естественных препятствий, занимая по фронту до 70 километров.

Войска 3-й армии располагались на рубеже рек Ока и Зуша, имея фронт до 120 километров. Этой армией командовал генерал-лейтенант П. И. Батов.

13-я армия под командованием генерал-майора Н. П. Пухова вела бои на фронте Новосиль, Выше-Долгое общим протяжением в 110 километров.

Соседняя с ней 40-я армия Юго-Западного фронта, впоследствии тоже отошедшая к нам, имела фронт немногим более 100 километров, простиравшийся по совершенно открытой местности, без каких бы то ни было естественных преград. Командовал ею генерал-лейтенант М. А. Парсегов.

При изучении обстановки я не мог не обратить внимания на то, что и у нас в штабе фронта и в штабах армий никто по-серьезному не проявлял заботы о создании вторых эшелонов, а войска первого эшелона не имели настоящих оборонительных сооружений.

Хочется сказать и еще об одной «болезни», которой страдали тогда некоторые генералы и офицеры управления фронта и армий, — это увлечение частными операциями с ограниченными целями.

В начале января 1942 года некоторые соединения 13-й армии (6-я и 148-я стрелковые дивизии) проводили частную операцию во взаимодействии с кавалерийской группой В. Д. Крюченкина. Она окончилась безрезультатно. Проводились частные операции и в полосе 61-й армии, тоже не принесшие нам никаких успехов. Но больше всего подобных попыток делалось в полосе 3-й армии, и особенно на ее правом фланге.

В принципе частные операции, конечно, не исключаются. Иногда они полезны и даже необходимы. Особенно если наступающая сторона предпринимает их с целью дезориентации противника, стремясь своей активностью на каком-то участке фронта связать его силы или отвлечь

сюда внимание с другого направления, где готовится главный удар.

Здесь же ничего такого не было. Тем не менее частные операции целиком захватили меня с первых же дней вступления в должность. Все они требовали время на подготовку. Все были связаны с потерями в личном составе и большими расходами материальных ресурсов. Показательно, что в 3-ю армию, где такие операции проводились чаще, чем у других, направлялся основной поток пополнения. В январе, например, в войска этой армии было направлено восемь лыжных батальонов — из четырнадцати, полученных нами, и шесть маршевых рот — из десяти, прибывших на Брянский фронт.

Много труда мы вложили в подготовку частной операции, проводившейся в полосе 3-й армии в феврале — марте 1942 года. Руководящий состав армии серьезно верил в ее успех. Поверил в это и Военный совет фронта. К участию в ней предусматривалось привлечь несколько стрелковых дивизий, в том числе три наиболее полнокровные, только что влившиеся в состав фронта — 60, 287 и 240-ю.

Укомплектованность частей личным составом многие считали тогда основным и, пожалуй, единственным критерием, определяющим боеспособность. Поэтому и в данном случае на новые, хорошо укомплектованные дивизии возлагались наибольшие надежды. А между тем их командиры и штабы не знали толком ни обстановки, ни района предстоящих действий, личный состав не имел еще надлежащего боевого опыта. Больше того, 240-я стрелковая дивизия и вооружена-то была не полностью.

Не лучше выглядели и танковые бригады, предназначенные для участия в этой операции. В 150-й танковой бригаде полковника Б. С. Бахарова перед началом операции насчитывалось всего 38 боевых машин, из них всего лишь два тяжелых танка КВ. Примерно половину парка бригады составляли БТ и Т-26, около 40 процентов — легкие танки типа Т-60.

Слабым местом в подготовке этой операции являлись отсутствие танков непосредственной поддержки пехоты и незначительная плотность артиллерийского огня. Танковые бригады предназначались для развития успеха, но как раз успеха-то получить нам не удавалось. И вышло

так, что даже те небольшие танковые силы, которыми мы располагали, практически бездействовали.

Много надуманного, нереального вносилось тогда и в тактику стрелковых подразделений. В некоторых частях, например, при организации наступления предусматривали транспортировку пехоты на саних, буксируемых танками. Сани делали из прочных бревен, боковые борта их поднимались до метровой высоты. И многие старшие офицеры всерьез верили, что стоит нескольким таким десантам пехоты ворваться в оборону противника, как она затрещит по всем швам. Это являлось печальным заблуждением.

Штаб фронта уделил много внимания контролю за описываемой операцией в полосе 3-й армии. Собственно, только о контроле и можно здесь говорить, ибо никаких реальных средств для влияния на ее ход командующий фронтом не имел. Сидели мы в маленькой деревушке, недалеко от города Чернь, поддерживая непрерывную связь с П. И. Батовым, с Главкомом Юго-Западного направления и Генеральным штабом. А армии левого крыла фронта, то есть большая часть наших войск, действовали сами по себе — они управлялись из Ельца с основного командного пункта, где в то время оставались лишь второстепенные работники.

Правильно ли было такое управление войсками? Конечно неправильно. Всецело занявшись делами одной армии, мы упускали из поля зрения нужды и возможности фронта в целом. Правда, возможностей у него было не так уж много, зато нужд — предостаточно. После напряженных боев конца 1941 года войска остро нуждались в пополнении и боевом сколачивании. Особой заботы требовали кавалерийские дивизии. Состояние их конского состава оказалось настолько тяжелым, что о боевом использовании конницы не могло быть и речи вплоть до летнего периода. Объемистого фуража мы совсем не имели, зерна давали нам мало. Кавалеристам приходилось скармливать лошадям солому с крыш домов и сараев.

Всем войскам фронта следовало бы более серьезно заниматься развитием оборонительных сооружений. Как правило, дивизии, занимавшие оборону, имели только спгевые траншеи и окопы. Не было развитой системы ходов сообщения.

Управление в оперативном звене осложнялось многоступенчатостью. Существовала Ставка Верховного Главнокомандующего, но был еще и Главком Юго-Западного направления со своим штабом. По совести сказать, эта промежуточная ступень казалась нам лишней. Сравнительно легко укладывалось в нашем понимании, что два фронта — Южный и Юго-Западный, может быть, и целесообразно было объединить в одних руках, поскольку общей задачей их являлась оборона южной части Европейского театра СССР, и в частности прикрытие Харькова и Донбасса. Но ведь совсем иные задачи имели войска Брянского фронта: мы обороняли орловско-тульское операционное направление. Не случайно уже к весне 1942 года решением ГКО Брянский фронт был выведен из подчинения Главкома С. К. Тимошенко и стал управляться непосредственно Ставкой.

Весенний поток

Не успели затихнуть орудия в районе Зуши и Мценска, не успели остыть моторы танков, участвовавших в этих боях, как в полосе нашего фронта началось новое оживление. Весенним потоком хлынули к нам свежие войска. В апреле и первой половине мая 1942 года мы получили семь стрелковых дивизий, одиннадцать стрелковых бригад, четыре танковых корпуса, несколько отдельных танковых бригад и порядочное количество артиллерийских полков. Хлопот прибавилось. Но это были, как говорят, приятные хлопоты.

Прибывшие части и соединения были хорошо укомплектованы и добротнo вооружены. Почти все стрелковые дивизии уже имели опыт боевых действий против немецко-фашистских захватчиков. В отличие от них отдельные стрелковые бригады, сформированные осенью 1941 года и зимой 1942 года, еще не участвовали в боях, но зато располагали прекрасным личным составом — молодыми крепкими ребятами, среди которых много встречалось курсантов из военных училищ. Эти бригады рассматривались нами как ударные соединения. Они отличались высокой подвижностью, так как не имели громоздких тылов. Правда, у них маловато было артиллерии, что являлось, конечно, их относительной слабостью.

К маю в составе войск Брянского фронта насчитывалось 29 стрелковых дивизий, 11 стрелковых и восемь

танковых бригад, четыре танковых и два кавалерийских корпуса. Тогда же, весной 1942 года, мы сформировали еще одно армейское объединение — 48-ю армию. В нее вошли четыре стрелковые дивизии, восемь отдельных стрелковых бригад и две танковые бригады. Первым командующим этой армией был генерал-майор Г. А. Халюзин, а начальником штаба генерал-майор С. С. Бирюзов. Поставили мы ее на стыке 3-й и 13-й армий.

В апреле того же года произошла реорганизация Военно-Воздушных Сил. Авиацию изъяли из подчинения командующих общевойсковыми армиями и свели в самостоятельную 2-ю воздушную армию. Эта армия имела в своем составе одну бомбардировочную дивизию, три дивизии штурмовиков Ил-2 и три дивизии истребителей. Возглавил ее С. А. Красовский.

Все четыре танковых корпуса находились во фронтовом резерве и размещались на удалении 40—60 километров от линии фронта: 3-й танковый корпус под командованием Д. К. Мостовенко — в полосе 61-й армии; 1-й танковый корпус М. Е. Катукова — на стыке 48-й и 13-й армий; 16-й (командир М. И. Павелкин) — на стыке 13-й и 40-й армий восточнее реки Кшень; 4-й (командир В. А. Мишулин) — в полосе 40-й армии. Танковые корпуса имели однотипную организацию — три танковые бригады, одна мотострелковая и один дивизион гвардейских минометов. В каждом корпусе было: 24—28 тяжелых танков КВ, 88—95 средних танков Т-34, 60—70 легких танков типа Т-60. В отдельных танковых бригадах — по 25—30 средних танков (Т-34 или МК-2), 6—8 КВ и 15—20 Т-60.

Кавалерийские соединения размещались следующим образом: 7-й корпус — в тылу 61-й армии на восточном берегу Оки, а 8-й — в тылу 3-й армии в районе Ефремова.

Мы еще не имели указаний о предназначении вновь прибывших войск. Но и без того можно было понять, что такая сильная группировка создается Ставкой не для обороны. Чувствовалось, что летом на нашем направлении должны развернуться большие события. И единственно, что нас несколько беспокоило, — это недостаточная подготовленность штабов танковых корпусов. Ведь танковые корпуса были новыми формированиями.

Надо признать, что и штаб фронта, и штабы армий тогда еще не имели опыта управления крупными танко-

выми соединениями. Все наши познания в этой области ограничивались лишь тем, что мы получили до войны на занятиях по оперативному искусству.

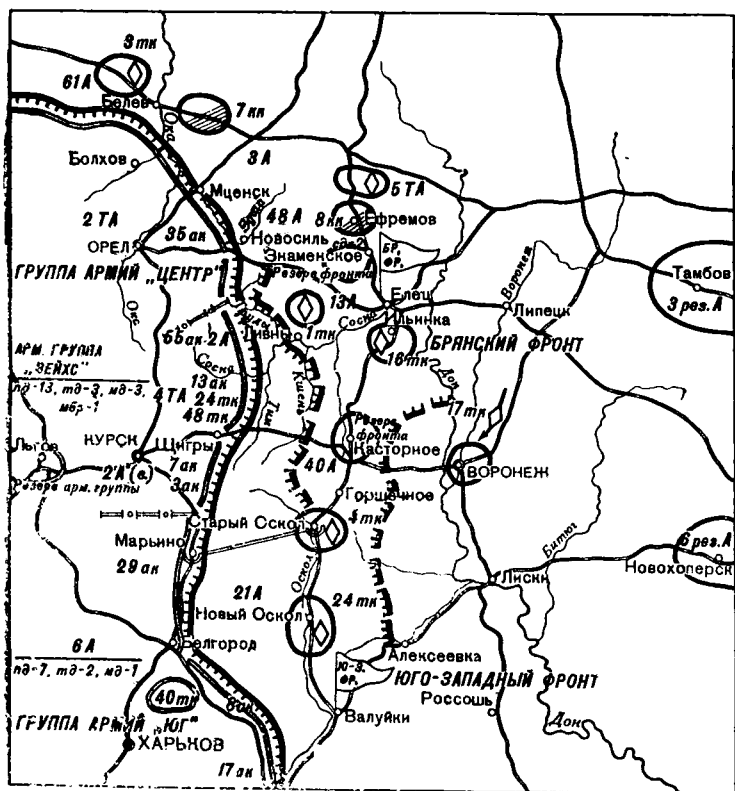


Схема 1. Обстановка на воронежском направлении к концу июня 1942 г.

Танковые корпуса рассматривались в то время только как эшелон развития прорыва, осуществляемого стрелковыми дивизиями. Об ином использовании крупных танковых соединений и речи не было.

Директивы Ставки

Наши предположения о характере дальнейших действий очень скоро подтвердились. 20 апреля мы получили

директиву Ставки о подготовке к наступательной операции на курско-льговском направлении. Нам предстояло в первых числах мая нанести одновременно удары на двух самостоятельных направлениях силами 40-й и 48-й армий.

Наиболее мощный удар намечался в полосе 40-й армии. В осуществлении его должны были участвовать шесть стрелковых дивизий, три стрелковые бригады, 4-й танковый корпус и две отдельные танковые бригады. Общее направление — Сараево, Черемошное, Китаевка, в обход Курска с юго-запада. В качестве главного объекта для танкового корпуса планировался Льгов.

48-я армия, в составе четырех стрелковых дивизий, восьми отдельных стрелковых и двух танковых бригад, должна была наступать в направлении Введенская, Отрошково.

Остальным войскам фронта (до 20 стрелковых дивизий и три танковых корпуса) директивой определялась прежняя задача — оборона.

Такое использование сил фронта — когда три четверти их остаются в обороне и лишь одна четвертая часть получает наступательную задачу — в наше время объяснить трудно. Может быть, это явилось следствием того, что ожидалось повторное наступление немцев на Москву.

У нас же, тогдашних руководителей Брянского фронта, такое распределение войск по задачам рождало некоторую раздвоенность мышления. Мы никак не могли уяснить, что же для нас является главным — наступление или оборона? Складывалось что-то похожее на те частные операции, которые мы так усиленно и так безуспешно проводили минувшей зимой.

Но дело шло своим чередом: директива выполнялась. В течение трех суток мы подготовили план-схему, и в ночь на 24 апреля новый командующий фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков выехал в Ставку с докладом.

Но, как на грех, именно в ту ночь над северной частью Воронежской и восточной частью Орловской областей пронесся сильный снежный буран. В результате этой апрельской шутки природы в лощинах образовались настолько мощные сугробы, что никакой автотранспорт пробиться через них не мог.

Вполне понятно, что нас встревожила судьба командующего. С рассветом мы организовали поиски его. Из

3-й армии выслали на дорогу людей. По всему маршруту совершала полеты разведывательная авиация. Но пока суд да дело, мне пришлось выдержать несколько неприятных разговоров с Генеральным штабом и даже с Верховным Главнокомандующим.

Сначала вообще никто не верил, что над нашими районами разразился снежный буран такой силы. Затем нас стали обвинять в плохой организации поездки командующего. Мои заверения, что ничего плохого с ним случиться не должно, звучали, очевидно, неубедительно. Вмешался даже НКВД. Ответа требовали не только от штаба фронта, но и от Тульского обкома партии:

— Как могло случиться, что на территории вашей области потерялся командующий фронтом с оперативными документами?

Лишь в двенадцатом часу дня разведывательной эскадрилье удалось наконец обнаружить машины Ф. И. Голикова. Летчик совершил рядом с ними посадку и установил, что командующий фронтом пешком отправился на ближайший железнодорожный разъезд. В дальнейшем поиски пошли уже легче. Выяснилось, что на разъезд Ф. И. Голиков поспел как раз к проходящему поезду, доехал на нем до узловой станции, а оттуда отправился в Москву специальным составом.

Тревога, как и буран, улеглась. Оставалось только нетерпеливое ожидание — с чем вернется командующий из Ставки? Провожая его, мы все втайне надеялись на расширение масштабов наступательной операции.

Именно с этим и вернулся Ф. И. Голиков 26 апреля. А вслед за ним шла письменная директива о подготовке Брянского фронта к Орловской наступательной операции. На этот раз нам предписывалось нанести удар силами 61-й и 48-й армий. Общей их оперативной целью был обход орловской группировки противника. Войсками 61-й армии он осуществлялся с севера, а войсками 48-й — с юга. Остальные армии должны были держать оборону и готовить частью сил вспомогательные удары в своих полосах.

К планированию операции допускался очень ограниченный круг лиц. В штабе фронта, например, кроме меня этим занимались начальник оперативного отдела, командующий артиллерией, командующий 2-й воздушной армией и еще один офицер, на обязанности которого

лежало оформление схем. Даже начальник тыла фронта генерал-майор В. Н. Власов не знал всего плана. Ему сообщались только данные о составе основных группировок войск да их потребности в горючем, продовольствии, фураже и транспортных средствах для подвоза боеприпасов.

Из истории Великой Отечественной войны мы знаем теперь, что одновременно с Орловской операцией на соседнем с нами Юго-Западном фронте подготавливался разгром харьковской группировки противника и освобождение Харькова. Но тогда Генштаб почему-то не ориентировал нас относительно замыслов соседа.

Для обоих фронтов было установлено одно и то же время начала действий — 10—12 мая, хотя степень фактической готовности у них была далеко не одинаковой. Юго-Западный фронт уже имел ударные группировки на Барвенковском выступе и в районе Волчанска, когда на Брянском шло лишь сосредоточение войск.

Как мы ни старались, по всем расчетам выходило, что будем готовы к наступлению не раньше 15 мая. Командующий доложил об этом в Ставку и получил согласие на отсрочку. Но наш нетерпеливый сосед с ведома Ставки 12 мая уже начал наступление.

Известно, что оно проходило с большими осложнениями. Ведь немецко-фашистское командование тоже планировало наступательную операцию в районе Харькова и сосредоточило здесь крупные силы. Это позволило противнику нанести сокрушительные контрудары по флагмам Юго-Западного фронта и поставить его в тяжелое положение.

Между тем войска нашего Брянского фронта все еще продолжали подготовку к наступлению. Она закончилась только 16 мая, однако поздним вечером того же числа из Генштаба сообщили, что предстоят некоторые изменения нашего плана. Утром 17 мая к нам на КП прибыл из Москвы генерал-лейтенант П. И. Бодин и довел до нас устно следующую директиву Ставки:

— С целью оказать содействие войскам Юго-Западного фронта и воспрепятствовать переброске резервов противника в район Харькова, надо провести частную наступательную операцию войсками сороковой армии со-

гласно разработанному плану. Наступление поддержать всей авиацией фронта...

Генерал Бодин рекомендовал нам усилить 40-ю армию несколькими артиллерийскими полками и передал некоторые пожелания Ставки относительно действий танкового корпуса и авиации. Нам советовали не допускать отрыва танков от пехоты, то есть использовать танковый корпус в качестве непосредственной поддержки пехоты. Такая установка нам казалась недостаточно оправданной.

А вот рекомендации по тактике ВВС пришлось нам по сердцу. Ставка требовала, чтобы авиация тщательно обрабатывала передний край обороны противника до начала атаки и взаимодействовала с пехотой в процессе наступления.

Приняв указание от П. И. Бодина, командующий фронтом назначил наступление 40-й армии на 20 мая и сам выехал в ее войска.

При сложившейся обстановке частная операция 40-й армии вряд ли могла облегчить положение войск Юго-Западного фронта. И не случайно уже через сутки она была отменена самой Ставкой.

После окружения советских войск, действовавших на Барвенковском выступе, инициатива всецело перешла к противнику. Последствия нашего поражения под Харьковом сказались в дальнейшем под Сталинградом. Размышляя над этим, еще и еще раз приходишь к выводу, насколько велика ответственность военачальника, принимающего решение на ту или иную операцию. Как необходимы здесь всестороннее знание противника и трезвая оценка своих сил, выбор места и времени для нанесения удара!

Опять к обороне

Голикова вновь вызвали в Ставку. 24 мая он вернулся оттуда с указанием о переходе Брянского фронта к обороне с глубоким эшелонированием войск.

Полосы армий остались прежними, так что у них имелись все возможности для создания сильных вторых эшелонов. 61-я армия вывела во второй эшелон две стрелковые дивизии, две отдельные стрелковые бригады и три бригады танковые. 13-й армией во второй эшелон выводились две стрелковые дивизии и одна танковая бригада.

Особо глубоким эшелонированием отличалась оборона 48-й армии, поскольку недавно здесь готовилось наше наступление.

В резерве командующего фронтом оставались две стрелковые дивизии, одна отдельная стрелковая бригада, семь артиллерийских и два минометных полка. Фронтвой резерв составляли также четыре танковых и два кавалерийских корпуса. Они находились на удалении 40—100 километров от переднего края обороны.

На основании многих источников разведки нам было известно, что противник уже начал создавать против нас две ударные группировки: одну (в составе не менее трех танковых и трех пехотных дивизий) в районе Орла, другую (до пяти дивизий, в том числе две-три танковые) в районе Курск, Щигры. Отсюда мы делали вывод, что в полосе нашего фронта немцы собираются наступать либо в направлении Мценск, Тула, либо на Касторное, Воронеж. В отношении стратегических замыслов противника у нас не было тогда расхождений с мнением Ставки: нам тоже казалось, что летом 1942 года враг опять будет стремиться разгромить советские войска па московском направлении и обойти Москву или кратчайшим путем через Тулу, Рязань, или же через Воронеж, Тамбов.

В решении командующего Брянским фронтом проводилась идея активной обороны. Планом предусматривалось нанесение противнику сильных контрударов. Если он поведет наступление на Мценск, Чернь, Тулу, планировался контрудар из Ефремова на Чернь силами вновь сформированной 5-й танковой армии (составлявшей резерв Ставки) и из полосы 61-й армии, с правого берега реки Зуша, также на Чернь — силами 7-го кавалерийского корпуса и двух танковых бригад. В случае же прорыва противника па Щигры, Касторное, Воронеж контрудар намечалось панести опять-таки с двух направлений: с севера — силами 1-го и 16-го танковых корпусов, а с юга (из района Старый Оскол) — силами 4-го танкового корпуса.

Слабой стороной нашего решения на оборону было то, что мы не предусмотрели создания второго оперативного эшелона. Фронтвой резерв был относительно невелик и очень рассредоточен. Мы имели тогда возможность вывести во второй эшелон одну из общевойсковых армий, но не сделали этого. А наиболее сильная группировка тапков

(480 единиц) — 5-я танковая армия готовилась к нанесению контрудара только по одному варианту и в одном направлении — на Чернь.

Дополнительные разведывательные данные о противнике, полученные в июне, стали убеждать нас, что под наибольшей угрозой находится южный участок нашего фронта, то есть полоса 40-й армии, и левое крыло 13-й. В пользу такого предположения говорила и местность, позволявшая действовать здесь крупным танковым группировкам противника. С меридиана Щигры, Курск до реки Дон перед ним не было ни одной серьезной водной преграды, ни одного сколько-нибудь существенного оперативного рубежа.

Командующий фронтом принял ряд мер к усилению обороны в полосе 40-й армии. Уже в июне она выглядела так: в первом эшелоне на фронте 110 километров оборонялись пять стрелковых дивизий; в тылу их находились две танковые бригады (14-я и 170-я), предназначенные для контратак в тактической зоне обороны; во втором эшелоне, на рубеже реки Кшень, — 111-я и 119-я отдельные стрелковые бригады, а южнее их на этой же линии — 6-я стрелковая дивизия. Наконец, в оперативной глубине (район Касторное) готовила оборону 284-я стрелковая дивизия фронтового резерва, усиленная одним отдельным артиллерийским полком и одной артбригадой из состава 1-й истребительной противотанковой дивизии. Там же сосредоточивались 115-я и 116-я отдельные танковые бригады фронтового резерва. Для боевых действий в полосе 40-й армии предназначались и два танковых корпуса. Один из них (16-й) размещался на стыке с 13-й армией в районе Урицкое, а другой (4-й) — в районе Старый Оскол.

Пока создавалась эта группировка, замыслы немецкого командования прояснились еще больше. 19 июня на Юго-Западном фронте, в районе Нежеголь, был сбит немецкий военный самолет. Все, кто находились в нем, погибли, но в планшете одного из погибших сохранились карта масштаба 1 : 100 000 и еще какие-то документы. При тщательном изучении удалось установить, что планшет принадлежал майору Рейхелю, начальнику оперативного отдела 23-й танковой дивизии, и что этот самый Рейхель доставлял в свой штаб директиву командира 40-го тан-

кового корпуса 6-й немецкой армии о предстоящей наступательной операции «Бляу».

Особенно подробно была расписана в директиве задача 40-го танкового корпуса, который имел в своем составе две танковые дивизии (3-ю и 23-ю), одну моторизованную (29-ю) и две пехотные (100-ю и 376-ю). На первом этапе операции корпусу надлежало наступать частью сил из района Волчанск в общем направлении на Волоконовка, Старый Оскол, с тем чтобы у Старого Оскола соединиться с войсками 4-й немецкой танковой армии, наступающей из района Щигры, и замкнуть кольцо окружения значительной группировки советских войск. В дальнейшем эти части противника становились авангардом его 6-й полевой и 4-й танковой армий, коим предстояло вести наступление дальше — вдоль реки Дон на юго-восток.

Операция «Бляу» была немаловажной составной частью захватнических планов Гитлера на время летней кампании 1942 года. В полном объеме мы смогли ознакомиться с ними лишь после войны. Они были изложены в директиве № 41 верховного командования немецко-фашистской армии от 5 апреля 1942 года. Главная задача формулировалась там таким образом: сохраняя положение на центральном участке¹, на севере взять Ленинград и установить по суше связь с финнами, а южным крылом фронта осуществить прорыв на Кавказ. Далее в директиве указывалось, что выполнение этой задачи расчленяется на несколько этапов и первым из них является операция, имеющая целью «разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее реки Дон». Иначе говоря, противник намеревался прежде всего разгромить и уничтожить войска Брянского (впоследствии Воронежского) фронта в обширном районе, включавшем Елец, Ливны, Касторное, Старый Оскол, Коротояк, Лиски, Умань и Воронеж. Директива № 41 недвусмысленно констатировала, что «началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж».

Для осуществления этих намерений противник со-

¹ То есть на московском направлении.

средоточил на стыке наших 13-й и 40-й армий свыше четырнадцати пехотных дивизий (из них четыре венгерские), три танковые и три мотодивизии. А на подходе были еще семь пехотных дивизий (в том числе пять венгерских) и одна танковая. Все это составляло три крупных объединения: так называемую группу «Вейхс»¹, 2-ю венгерскую армию и 4-ю танковую армию.

К сожалению, несмотря на большую интенсивность работы всех видов нашей разведки — и авиационной, и наземной, — нам не удалось установить тогда с достаточной точностью состав сил противника. Мы знали лишь общее количество его дивизий, предназначенных для наступления в первом эшелоне (с ошибкой в две-три единицы), но не имели данных о танковых и моторизованных соединениях. А ведь в них, как выяснилось потом, насчитывалось до 650 танков.

Противник выжидает

Из захваченной нами оперативной директивы командира 40-го танкового корпуса немцев мы узнали, что противник намеревается начать наступление 22 июня. Штаб фронта, армейские штабы и войска готовились к этому. Тщательно отработывалось взаимодействие, особенно на стыке 13-й и 40-й армий.

Командарм 40 М. А. Парсегов — человек увлекающийся, у него порой не хватало терпения на детальный анализ обстановки. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронтом.

— Как оцениваете свою оборону? — спросил Ф. И. Голиков.

— Мышь не проскочит, — уверенно ответил командарм.

Не вполне осознавали главную слабость нашей обороны и некоторые генералы штаба фронта. А состояла она в ничтожной плотности противотанковой артиллерии, не превышавшей пяти орудий на километр фронта. Ведь в то время еще никакими планами не предусматривалось использование собственных танков в качестве неподвиж-

¹ Это крупная группировка войск противника называлась так по фамилии поставленного во главе ее генерала фон Вейхса.

ных огневых точек для отражения танковых атак противника.

За четыре-пять месяцев, в течение которых 40-я армия находилась в составе Брянского фронта, нам удалось несколько усилить ее. Но наш левый сосед — теперь уже 21-я армия Юго-Западного фронта — был по-прежнему слаб, и мы неоднократно докладывали в Генштаб свои соображения по упрочению межфронтового стыка. А там подумывали о другом: не лучше ли передать 21-ю армию в состав Брянского фронта, а нашу правофланговую 61-ю армию переподчинить Западному фронту? Практически это сулило нам новые осложнения. При таком решении вопроса Брянский фронт должен был одновременно оборонять два весьма ответственных операционных направления: Мценск, Тула, Москва и Курск, Воронеж, Саратов, располагая ничуть не большими, а скорее даже меньшими силами.

Нам представлялось куда более целесообразным создать в Воронеже новое фронтовое управление. Оно могло бы объединить 40-ю и 21-ю армии, а во втором эшелоне иметь еще две армии резерва Ставки (3-ю и 6-ю), формирование которых к тому времени уже заканчивалось. Но это разумное предложение не было доведено до Верховного Главнокомандующего. Представитель Генштаба генерал-лейтенант Бодин при разговоре с нами по телефону ВЧ категорически отверг его.

— Что вы лезете в наши резервы! — возмутился он.

С досадой думаю теперь: почему мы не проявили должной настойчивости? События, последовавшие в июле, подтвердили, насколько правилен был наш расчет. Ставке пришлось создавать новое фронтовое управление уже в условиях тяжелых оборонительных боев.

В не меньшей степени приходится сожалеть и о собственных упущениях при построении обороны. Поскольку противник готовил удар в районе Воронежа танковыми войсками, основной силой для противодействия ему тоже должны были стать танковые соединения, взаимодействующие с пехотой. Но мы не создавали крупных контрударных группировок, включавших танковые (механизированные) корпуса и, конечно, стрелковые дивизии. А возможности для этого имелись. В середине июня в составе Брянского фронта насчитывалось свыше 1500 танков, в том числе 780 вполне современных боевых машин.

Завершая подготовку к ожидаемому наступлению противника, штаб фронта покинул гостеприимный Елец, где находился с осени 1941 года, и перебравлся в район Архангельского. Сменили места дислокации и армейские управления. Командный пункт 61-й армии обосновался в Болтенках, 3-й армии — в районе Липцы, 48-й армии — в районе Глотова, 13-й армии — в Покровском, 40-й — в Быкове.

Ночь на 22 июня повсеместно прошла в тревогах и заботах. На новых КП почти все бодрствовали. Отдавались последние указания. Время от времени запрашивались командиры дивизий: как ведет себя противник?

Но кончилась ночь, минуло утро, истек весь день, а немцы не наступали. Как всегда в подобных случаях, мы начали уже подшучивать друг над другом — дескать, «разведка доложила точно». Появились сомнения в полноте оперативной директивы, захваченной у немецкого офицера 19 июня. Высказывались предположения, не является ли этот документ хорошо продуманной дезинформацией. Об одном мы не догадывались — еще больше, чем у нас, беспокойстве в стане врага. Как стало известно теперь из дневника бывшего начальника штаба сухопутных войск немецкой армии генерал-полковника Гальдера, исчезновение самолета с майором Рейхелем и пропажа совершенно секретных документов по операции «Бляу» всполошили всю нацистскую клику. В генеральный штаб был вызван для объяснений командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок. Решением самого Гитлера были отстранены от должностей командир и начальник штаба 40-го танкового корпуса, а также командир 23-й танковой дивизии. Наступление отложили.

С 24 июня немцы начали интенсивную перегруппировку своих танковых и моторизованных войск. Авиационная разведка утверждала, что противник накапливает силы в районе Цигры, Колпна. Отсюда следовало, что он продолжает готовиться к наступлению в полосе нашего фронта. Но время шло, а у нас все оставалось как будто спокойно. И тогда мы опять обратились к плану Орловской наступательной операции.


По указанию командующего фронтом с утра 27 июня я снова сел за разработку этого плана. За основу прини-

мался наш весенний вариант, но с поправками, подсказанными из Генштаба. Теперь Брянский фронт собирался нанести вместо двух один сильный удар на стыке 48-й и 13-й армий. Вопрос об участии в Орловской наступательной операции нашей правофланговой 61-й армии отпал. Она передавалась в состав Западного фронта.



ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО

Обстановка круто меняется

 очь на 28 июня 1942 года на всем нашем фронте прошла совсем тихо. До трех часов мы, как обычно, работали. Закончив оперативную сводку и боевое донесение, снова сели за план Орловской наступательной операции. Ее основной замысел, ее канва уже довольно отчетливо вырисовывались на карте. Мы настолько вжились в этот план, что порою представляли себе различные его варианты как реальные события.

В три часа я отпустил всех спать. Поспать на войне хотя бы два-три часа без перерыва было мечтой каждого, кто работал в штабах. На этот раз все мы были уверены, что отдохнем хорошо. Но...

На войне очень часто врывается в нашу жизнь это самое «но». И тогда все вдруг круто меняется. Вчерашние планы и замыслы сразу устаревают, и, чем скорее от них освободишься, чем быстрее настроишься на решение новых задач в новой, изменившейся обстановке, тем лучше для тебя самого и для дела.

Так было и в данном случае.

На рассвете 28 июня пошли тревожные звонки из 13-й и 40-й армий. Звонили по всем линиям: оперативные дежурные, офицеры разведки, работники артиллерийских штабов. Беспокойство было не напрасным: противник перешел к активным действиям. Пока что, судя по всему, он проводил силовую разведку на левом крыле 13-й и правом крыле 40-й армий с рубежа Греково, Вышне-Долгое, Полевое, Рождественское. Наиболее упорными были его атаки в полосе 15-й стрелковой дивизии (13-я армия), а также перед фронтом 121-й и 160-й дивизий (40-я армия). На каждом из этих направлений действовало до батальона пехоты с танками.

В шесть часов утра я переговорил с начальниками армейских штабов — А. В. Петрушевским и З. З. Rogo-ным. После короткого обмена мнениями мы пришли к единодушному выводу, что вот-вот двинутся в наступление главные силы противника. Первые же утренние вылеты наших разведывательных самолетов установили сосредоточение крупной группировки немцев на стыке 13-й и 40-й армий.

К восьми часам вражеские батальоны, осуществлявшие разведку боем, повсеместно были отброшены на свои исходные позиции. Им нигде не удалось вклиниться в нашу оборону. На фронте опять установилось относительное спокойствие. Но мы-то понимали, что это ненадолго.

И действительно, в десять часов на боевые порядки наших войск обрушился мощный удар фашистской авиации и артиллерии. Возобновились атаки пехоты и танков.

На главном направлении удара противника действовали войска его 4-й танковой армии. Они наступали из района Щигры на узком фронте, в плотных построениях. Танковые дивизии (24, 9 и 11-я) перемежались с моторизованными или пехотными.

На флангах ударной группировки немцев наступали: с севера (в общем направлении на Ливны) до трех дивизий 55-го армейского корпуса, а с юга войска 7-го армейского корпуса 2-й венгерской армии.

Наступление пехоты и танков поддерживалось сильными ударами авиации и артиллерии. Как правило, авиация противника наносила свои удары группами в 20—30 бомбардировщиков с хорошим истребительным прикрытием. Ее воздействие распространялось не только на боевые порядки нашего первого эшелона, но и на оперативную глубину вплоть до меридиана реки Дон.

В первый день наступления немцам удалось добиться некоторого успеха. Они продвинулись на 10—12 километров и достигли реки Тим. Но наши войска, хотя и понесли серьезные потери, далеко не утратили своей боеспособности. Исключение составлял, пожалуй, только один из полков 15-й стрелковой дивизии. Он пострадал гораздо больше других и в беспорядке отходил к востоку.

В ночь на 29 июня Ставка очень оперативно приняла меры по усилению Брянского фронта. Нам возвратили 4-й танковый корпус, ранее переданный Юго-Западному

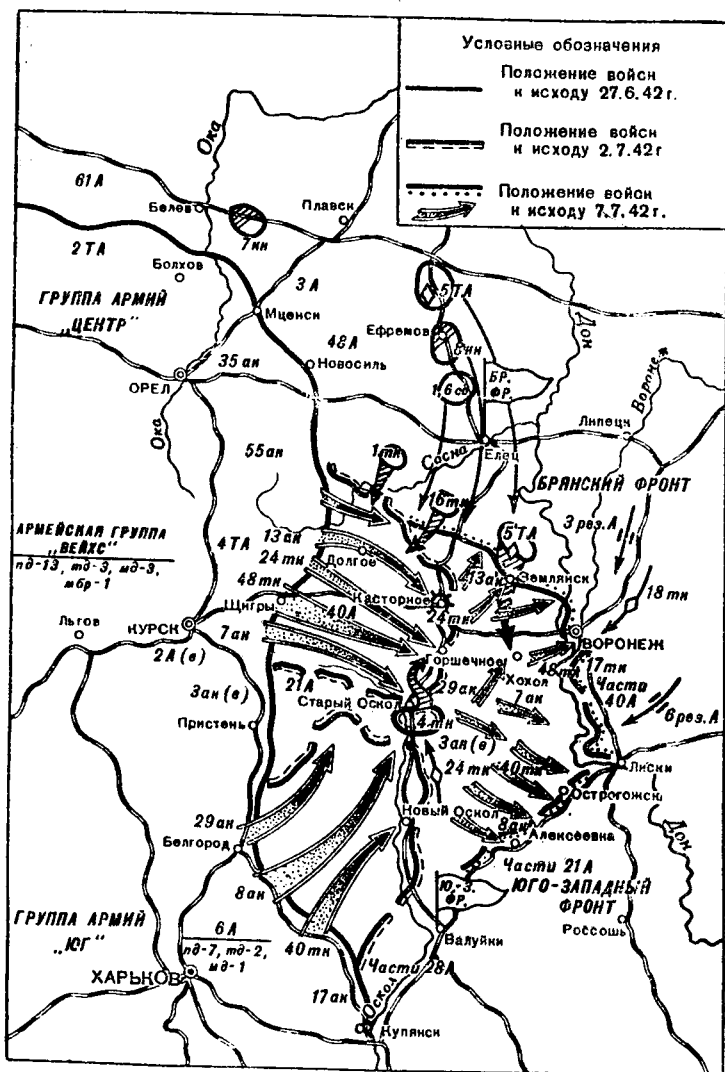


Схема 2. Оборонительная операция Брянского фронта
на воронежском направлении 28.6—7.7 1942 г.

фронту, и, кроме того, добавили еще два таких же корпуса: 24-й из состава Юго-Западного фронта и 17-й из резерва Ставки. Первые два должны были сосредоточиться в районе Старый Оскол, а 17-й танковый корпус выдвигался из Воронежа в район Касторное.

Усиливалась и наша воздушная армия. Из резерва Ставки в нее переходили четыре истребительных и три штурмовых авиаполка. Правда, перебазирование их к нам задержалось: по вине тыла ВВС они не получили вовремя горючее.

Командующий фронтом провел некоторую перегруппировку наличных сил. По его приказу 16-й танковый корпус выводился на рубеж реки Кшень в стык между 13-й и 40-й армиями. Две танковые бригады (115-я и 116-я) из фронтового резерва передавались в подчинение командарма 40. К сожалению, Парсегов недооценил угрозы, нависавшей над его войсками. Его штаб находился в районе Быково, во второй оборонительной полосе. В течение 28 июня ни сам командарм, ни его заместители ни разу не побывали в 121-й и 160-й стрелковых дивизиях, которые вели тяжелые бои. Управление войсками осуществлялось только по телефону. Даже вновь прибывшим 115-й и 116-й танковым бригадам генерал Парсегов не поставил задачу лично, а сделал это через офицера связи.

Такие методы руководства войсками в обстановке напряженного оборонительного сражения явно не годились.

С утра 29 июня погода несколько ухудшилась: прошли дожди, уменьшилась видимость, и наши войска хоть немного отдохнули от воздействия немецкой авиации. К полудню опять проглянуло солнце, раскисшие было дороги начали быстро просыхать. И в 13 часов наступление противника возобновилось. Точно так же, как и накануне, атакам его танков и мотопехоты предшествовала интенсивная авиационная и артиллерийская обработка боевых порядков наших войск.

Немцы стали предпринимать более настойчивые попытки расширить прорыв в сторону флапгов. Одновременно они упорно атаковали передний край нашей обороны в направлениях Ливпы (силами двух-трех пехотных дивизий) и Тим (частями 7-го армейского корпуса). Однако войска 13-й армии оборонялись достаточно стойко. К Ливнам враг не прорвался. Захлебнулись его атаки и в районе Тим.

А вот в направлении своего главного удара противник добился значительных успехов: он преодолел здесь сопротивление наших дивизий первого оперативного эшелона и вышел к рубежу реки Кшень на 40-километровом фронте. Немецкие танковые дивизии вступили в боевое соприкосновение с частями нашего 16-го танкового корпуса и стрелковыми соединениями, составлявшими второй эшелон 40-й армии.

Вечером 29 июня стало ясно, что дальнейшее продвижение противника в направлении Касторное поведет к серьезному осложнению обстановки. Нарастала реальная угроза обхода войск левого крыла 40-й армии. Ее 45-я стрелковая дивизия уже начала разворачиваться фронтом на север.

А на армейском КП в районе Быково все еще медлили. И дождались наконец того, что вражеские танки приблизились вплотную к Быкову. Этого оказалось достаточно, чтобы генерал Парсегов и его штаб потеряли связь с войсками. Командующий армией поспешно «отскочил» юго-восточнее Касторного.

Продолжая использовать успех в районе Быково, противник подтянул сюда моторизованные и пехотные дивизии для развития удара в направлении Горшечное, Старый Оскол. Создалась явная угроза окружения войск левого крыла 40-й и правого крыла 21-й армий. Это вызвало озабоченность в Ставке Верховного Главнокомандующего. В ночь на 30 июня Сталин лично вызвал к телефону командующего фронтом и заявил ему следующее:

— Нас беспокоят две вещи. Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-восточнее города Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам сороковой армии... Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам тринадцатой армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков, по во втором эшелоне у него нет сколько-нибудь серьезных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными и как вы думаете рассчитаться с ними?¹

¹ Этот телефонный разговор со Ставкой дублировался по аппарату Бодо. Приведенные здесь слова Верховного Главнокомандующего записаны мною с телеграфной ленты. — *Прим. автора.*

Ф. И. Голиков довольно спокойно доложил о всех уже предпринятых и предпринимаемых нами мерах с целью противодействия намерениям противника. За 13-ю армию мы не волновались — она прочно удерживала оборону. К тому же в полосах 13-й и соседней с ней 48-й армий у нас имелись достаточные силы для нанесения контрудара, если бы даже немцы добились какого-либо успеха в районе Ливны. А вот 40-ю нужно было выручать из беды.

Пользуясь случаем, Ф. И. Голиков доложил Верховному Главнокомандующему, что сосредоточение 4-го и 24-го танковых корпусов в районе Старый Оскол проходит очень медленно, а с 17-м положение еще хуже: на марше он растерял свои тылы, и части остались без горючего. Под конец доклада была высказана просьба об отводе войск левого крыла 40-й армии на рубеж Быстрик — Архангельское. Таким образом мы надеялись уберечь эти войска от окружения и обеспечить им более выгодное для обороны положение. Однако Верховный Главнокомандующий не согласился с нашим предложением. По аппарату Бодо нам был передан следующий ответ:

«1. Мы считаем, что простой и неподготовленный отвод армии Парсегова на рубеж Быстрик — Архангельское будет опасен, так как рубеж этот не подготовлен и отвод превратится в бегство.

2. Самое плохое и непозволительное в вашей работе состоит в отсутствии связи с армией Парсегова и танковыми корпусами Мишулина и Баданова¹. Пока вы будете пренебрегать радиосвязью, у вас не будет никакой связи и весь ваш фронт будет представлять неорганизованный сброд. Почему вы не связались с корпусами через Федоренко? Есть ли у вас связь с Федоренко?

3. Хорошо бы из района Оскол один танковый корпус, например корпус Мишулина, направить для удара на Горшечное, а танковый корпус Фекленко² направить с севера на юг тоже для удара на Горшечное. Все это против танков, занявших Быково. Сюда же надо напра-

¹ В. А. Мишулин командовал тогда 4-м танковым корпусом, а В. М. Баданов — 24-м.

² Н. В. Фекленко командовал 17-м танковым корпусом.

вить корпус Павелкина¹, рядом с Фекленко или во втором эшелоне.

4. Парсегов жалуется на авиацию, а что делала наша авиация?..»

Тяжело нам было принимать все эти упреки. В значительной части они казались незаслуженными. Скажем, радиостанции, состоявшие тогда на вооружении, не могли обеспечить надежную связь на такую дальность, какая разделяла штаб фронта и танковые корпуса. Но свои обиды мы отбросили прочь и с полным вниманием отнеслись к указанию о перенесении усилий наших четырех-пяти танковых корпусов с фланга танковой группировки противника на острие ее клина в районе Горшечное, Старый Оскол. Сюда устремились 24-я танковая дивизия и основные силы 7-го армейского корпуса, а несколько позже к Старому Осколу должны были выйти также 23-я танковая дивизия и части 8-го корпуса 6-й немецкой армии.

Осуществление контрмер осложнялось рассредоточенностью наших танковых корпусов и необеспеченностью их горючим. В Ставке, вероятно, учли серьезность положения и пытались выправить его. Но не все эти попытки были удачными. На фронтовом вспомогательном пункте управления, развернутом в районе Касторное, находился в то время командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии Я. Н. Федоренко. И вот на его имя из Ставки телеграфом передается директива:

«1. Тов. Федоренко немедленно вылететь в район расположения корпуса Мишулина и незамедлительно двинуть Мишулина для занятия Горшечное.

2. Если у тов. Мишулина мотострелковая бригада еще не готова, пусть выступит с теми частями корпуса, которые готовы, а остальные подтянутся потом.

3. Если танковые бригады Фекленко готовы к бою, можно и следовало бы двинуть на Горшечное хотя бы одну...»

Так у нас появился ответственный представитель Ставки, независимый от командующего фронтом. Он имел полномочия управлять крупными соединениями, но не

¹ М. И. Павелкин командовал 16-м танковым корпусом.

располагал при этом ни соответствующим штабом, ни средствами связи.

Сразу же вслед за телеграммой на имя Федоренко последовало указание Голикову:

«Запомните хорошенько, у вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника пет и 500 танков. Это первое. Второе — на фронте действия трех танковых дивизий противника у вас собралось более 500 танков, а у противника 300—400 танков самое большее. Все теперь зависит от вашего умения использовать эти силы и управлять ими по-человечески»¹.

Переговоры с Москвой продолжались в течение двух часов. При этом использовались разные средства связи. Мы переходили от телефона ВЧ к телеграфному аппарату Бодо, потом опять возвращались на телефон. Командующему фронтом пришлось выслушать немало горьких слов.

С наступлением утра московские телефоны наконец умолкли, зато всю заговорили наши фронтовые.

Начинался третий день упорных боев.

Запоздалые меры

30 июня положение на воронежском направлении осложнилось еще больше. Противник нанес удар по обороне 21-й армии Юго-Западного фронта, довольно легко прорвал ее и начал быстро продвигаться на Волоконовку и Новый Оскол. В этих условиях мы получили разрешение Ставки на отвод войск левого крыла 40-й армии. Оно поступило к нам уже в ночь на 1 июля в 2 часа 50 минут.

К тому времени танковые части противника, наступавшие в направлении Быково, Горшечное, оказались по отношению к Старому Осколу значительно ближе, чем левофланговые соединения нашей 40-й армии, а группа немецких войск, действовавшая в полосе 21-й армии, уже подходила к Новому Осколу.

Организация отвода войск, оказавшихся под угрозой окружения, осложнялась тем, что командующий 40-й ар-

¹ Данные о танках противника здесь несколько даже преувеличены. В районе Горшечное действовала пока только одна немецкая танковая дивизия (24-я), имевшая в своем составе не более 200—250 танков. — *Прим. автора.*

мией и ее штаб все не могли восстановить связь с частями. Нам пришлось доводить приказы непосредственно до дивизий. Копии этих приказов были вручены также заместителю командарма 40 Ф. Ф. Жмаченко и члену Военного совета И. С. Грушецкому, которые оставались на левом крыле своей армии.

Несколько молодых офицеров штаба фронта в ночь на 1 июля сыграли поистине героическую роль. В кромешной тьме они рыскали на самолетах в поисках штабов дивизий, совершали посадки на незнакомые площадки и не возвращались до тех пор, пока приказ об отводе войск не попадал в руки того, кому он адресовался. При этом часто возникали очень острые ситуации.

Помнится, один наш офицер приземлился в указанном ему районе и пошел разыскивать КП дивизии. Все здесь было именно так, как ему говорили, отправляя на задание. Не оказался только советских войск. Дивизия ушла, а на ее место пожаловали немцы. Офицер понял это, когда солдаты противника уже заметили самолет и стали окружать его. Отстреливаясь, он побежал назад, сумел подняться в воздух и скрылся в ночном небе. Но как же все-таки быть с приказом? Посланец штаба фронта прикидывает в уме, в каком направлении наиболее вероятен отход дивизии, и устремляется туда. По каким-то мало надежным признакам ему удалось определить новый район расположения наших войск. Затем он нашел и КП дивизии. Снова приземлился. Вручил командиру приказ и отправился в обратный путь.

Этот офицер вернулся позже других, но никто не мог упрекнуть его в медлительности. Очень сожалею, что не сохранилась в памяти его фамилия. Помню только, что он был коммунистом, так как перед вылетом спрашивал меня, не следует ли ему оставить свой партийный билет у парторга. Он знал, в какой сложной обстановке придется действовать, и был готов к любым случайностям.

Между тем обстановка продолжала осложняться. 2 июля крупные силы пехоты и танков противника заняли Горшечное и вели бои в городе Старый Оскол, перехватив таким образом пути отхода войскам левого крыла нашей 40-й армии. Противотанковый район у Касторпого продолжала удерживать 284-я стрелковая дивизия с приданными

ей частями усиления. Восточнее Горшечного и Старого Оскола находились плохо управляемые части 17-го и 24-го танковых корпусов. С боем отходил на восток 4-й танковый корпус.

24-я танковая дивизия противника и его моторизованные части после занятия Горшечного взяли курс на Синие Липяги. Их целью было соединение с 23-й танковой дивизией 40-го корпуса и полное окружение левофланговых частей нашей 40-й армии. К северу от линии Старый Оскол, Синие Липяги, Гремячье для врага открылись пути на Дон и далее на Воронеж.

На исходе 2 июля войска левого крыла 40-й армии в составе трех дивизий и двух бригад оказались окруженными. Перед ними встала дилемма: пробиваться через боевые порядки противника совместными усилиями или просачиваться небольшими группами?

Наше внимание тем временем сосредоточивалось на другом: во что бы то ни стало и как можно быстрее остановить дальнейшее продвижение противника. Западнее реки Дон у нас был заранее подготовленный оборонительный рубеж, проходивший по линии Большая Верейка, Долгое, Нижняя Ведуга, Синие Липяги, Репьевка. Но мы не располагали силами, которые могли бы надежно занять его.

Учитывая это, Ставка отдала распоряжение о включении в состав нашего фронта 3-й и 6-й резервных армий. Командующему фронтом приказано было переехать с оперативной группой в Воронеж и лично осуществлять руководство боевыми действиями в данном районе. Но выдвигавшиеся к Воронежу наши резервные армии теперь уже не могли опередить противника не только в занятии подготовленных позиций западнее реки Дон, но даже и рубежа по самому Дону.

Ф. И. Голиков, прибыв на новое место, направил 3-ю резервную армию (переименованную затем в 60-ю) севернее, а 6-ю — южнее Воронежа. Головной 232-й дивизии было приказано занять оборону по реке Дон севернее Семилук. На рубеж западнее и южнее Воронежа отходили правофланговые дивизии 40-й армии и некоторые танковые части. Однако эти силы не смогли оказать здесь противнику организованного сопротивления. 3 июля стрелковые дивизии, понесшие тяжелые потери в прошлых боях, были сбиты с только что занятых ими позиций

и отошли к северо-западу от Воронежа. Части 4-го танкового корпуса, потерпев неудачу в районе Горшечное, продолжали отход на восток. 17-й и 24-й танковые корпуса отходили за реку Дон на участке Воронеж, Коротояк, по существу не принимая боя.

Пользуясь тем, что противник не успел создать сплошного фронта в районе Горшечное, Старый Оскол, здесь стали прорываться войска левого крыла 40-й армии. Вместе с ними вышли из окружения генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко и генерал-майор И. С. Грушецкий, сделавшие все возможное в тех условиях для спасения отрезанных соединений.

К исходу 3 июля передовые танковые части противника достигли реки Дон западнее Воронежа. Началась непосредственная борьба за Воронеж.

Контрудар 5-й танковой

Обстановка на воронежском направлении продолжала осложняться. Но у нас еще оставались резервы для нанесения сильного контрудара по войскам противника. Кроме 3-й и 6-й армий Ставка передала нам и 5-ю танковую армию¹. Действия последней могли быть усилены не потерявшими боеспособность частями 1-го и 16-го танковых корпусов, а также стрелковыми дивизиями из состава 3-й и 48-й армий.

Этому благоприятствовала и оперативная обстановка. Танковые и моторизованные соединения противника при выходе к Дону растянулись на широком фронте. Все они уже понесли значительные потери и были связаны боями у Касторного и на подступах к Воронежу. А развернувшиеся фронтом на север части 13-го армейского корпуса, так же как и части 55-го корпуса, не имели успеха: их сдерживали 1-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-й кавкорпус, выдвинутые из наших фронтовых резервов.

Организацию контрудара взял на себя Генеральный штаб. В ночь на 4 июля командующий 5-й танковой армией генерал-майор А. И. Лизюков получил из Москвы

¹ Первоначально в состав 5-й танковой армии входили два танковых корпуса и стрелковая дивизия, затем она получила еще один танковый корпус.

директиву, обязывающую его лично «ударом в общем направлении Землянк, Хохол (35 километров юго-западнее Воронежа) перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшейся к реке Дон на Воронеж; действиями по тылам этой группы сорвать ее переправу через реку Дон».

А утром 4 июля прибыл начальник Генерального штаба А. М. Василевский и в моем присутствии на КП 5-й танковой армии уточнил поставленную перед ней задачу.

Успешный ввод в сражение этого мощного войскового объединения мог существенно повлиять на обстановку под Воропеем. К сожалению, массовой танковой атаки не получилось. Танки вступали в бой из колонн по методу ввода в готовый прорыв с выделением передовых батальонов (примерно по два батальона от корпуса). В итоге наступление танковых корпусов свелось, по существу, к действиям только передовых батальонов.

Наступательные действия 5-й танковой армии продолжались фактически до 7 июля. Она отвлекла на себя помимо 9-й и 11-й танковых дивизий еще и другие войска противника. Однако разгромить основные его силы западнее Воронежа нам не удалось.

Первый опыт боевого применения танковой армии оказался неудачным. Начались разговоры о непригодности такого оперативного объединения вообще. Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении. Это умение пришло позднее.

Руководство действиями 5-й танковой армии осуществлял непосредственно Генеральный штаб, и формально мы не несли ответственности за ее неудачи. Но справедливости ради не могу не заметить здесь, что, если бы командованию и штабу Брянского фронта была отведена в данном случае иная роль, если бы нас тоже привлекли к руководству контрударом, ход событий от этого вряд ли изменился.

Судьба Воронежа была предрешена еще 3—4 июля, когда передовые части 48-го немецкого танкового корпуса вышли к реке Дон и без особых затруднений форсировали ее. После же упорных боев 5—7 июля немецкая 4-я танковая армия фактически овладела городом. В наших руках остались лишь городские предместья Отрожка и Придача, расположенные на восточном берегу реки Во-

ронеж, а также студенческий городок на северной окраине города.

В последующие дни противник пытался расширить захваченный район, но цели не достиг. Не удалось немцам увеличить плацдарм и на левом берегу Дона у Коротояка. Потерпев эти неудачи, вражеское командование приступило к перегруппировке своих войск для наступления на юг, против Юго-Западного фронта. Снять с воронежского направления оно сумело только одну танковую и три моторизованные дивизии. Против Брянского и вновь созданного Воронежского фронтов осталась полностью 2-я немецкая армия (10—12 дивизий), а непосредственно в районе Воронежа удалось задержать на некоторое время и 24-й танковый корпус. Кроме того, в междуречье Дона и Воронежа были развернуты три дивизии 29-го армейского корпуса, прибывшего из 6-й армии, а к югу от устья реки Воронеж до Павловска развертывалась 2-я венгерская армия в составе десяти дивизий.

Войска Воронежского фронта, значительно пополненные за счет резервов, начали строить оборону по рубежу реки Дон, а в городе — по реке Воронеж.

Если оглянуться назад...

Из боевого отчета штаба группы «Вейхс» мы узнаем сегодня, что уже 5 июля ее командующему было предъявлено требование решительно высвободить подвижные войска 4-й танковой армии в районе Воронежа. Эти войска предлагалось направить к Острогожску, куда в то время успели выйти дивизии 40-го танкового корпуса немцев, преследуя отходящие части нашего соседа — Юго-Западного фронта. Фон Бок рекомендовал Вейхсу сначала заменить 23-ю и 24-ю танковые дивизии моторизованными (3-й, 16-й и «Великая Германия»), а в последующем сменить и их частями 29-го армейского корпуса.

Но и Вейхс, и командующий 4-й танковой армией генерал Готт не очень-то спешили с выполнением этих рекомендаций. Да у них и не было возможностей осуществить такой шаг раньше 8—10 июля — ведь только 7 июля удалось занять Воронеж. В боях за этот город были заняты две танковые и две моторизованные дивизии. А еще две танковые дивизии и одна пехотная в те же самые дни

дрались с нашей 5-й танковой армией и 8-м кавалерийским корпусом в районах Озерки, Тербуны, Землянск. Относительно свободной оставалась только одна 23-я танковая дивизия на западном берегу Дона.

Таким образом, общий ход нашей оборонительной операции в критические дни июля 1942 года можно считать удовлетворительным: против нас были развернуты все войска противника, имевшиеся в полосе фронта, а решительного результата они не достигли. Внимание гитлеровских генералов здесь раздваивалось. Еще оставалась невыполненной задача в районе Воронежа, немецкие войска еще не выдвинулись для последующей обороны на естественный рубеж рек Снов, Сосна, Труды, а их верховное командование уже торопилось начать следующий этап плана летней кампании — развить наступление на юго-восток, в сторону Кавказа.

Теперь даже те, кто занимали очень высокие военные посты в нацистской Германии, вынуждены признать, что летом 1942 года при наступлении на воронежском направлении немецкие войска не достигли поставленных целей. Скажем, генерал Типпельскирх, рассматривая итоги Воронежской операции, отмечает: «В районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось... Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвигаться через Воронеж на Сраатов, застряло у Дона»¹. К аналогичным выводам пришел и бывший начальник гитлеровского генерального штаба небезызвестный генерал Гудериан².

По всему выходит, что у нас вроде бы и нет причин сетовать на свои действия в сложившейся тогда обстановке. Тем не менее, оглядываясь сегодня на события лета 1942 года и самокритично оценивая собственную работу, должен признать: при том соотношении сил, которое сложилось в полосе Брянского фронта (особенно по количеству танков), наши войска могли бы не только нарушить планы противника, но и нанести сокрушительное поражение основной его ударной группировке.

Почему же этого не случилось?

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 233 и 237.

² См. Сб. «Итоги второй мировой войны». Изд-во иностранной литературы. М., 1957, стр. 126—129.

Здесь, как уже отмечалось выше, сказались серьезные ошибки в управлении войсками.

Основная ошибка заключалась в том, что до самого начала операции «Бялу» у нас мало кто принимал всерьез возможность главного удара немцев на курско-воронежском направлении. Предполагалось, что летом 1942 года противник снова будет рваться главным образом на Москву. Практически это повлекло за собой сосредоточение большей части танковых корпусов, сформированных в зимние и весенние месяцы 1942 года, ближе к московскому операционному направлению. Юго-Западный и Южный фронты получили танков значительно меньше. В дальнейшем же, когда стало очевидно, что противник наносит главный удар в стык Брянского и Юго-Западного фронтов, последовала новая ошибка. Отражение этого удара должно было осуществляться объединенными усилиями с постановкой каждому фронту совершенно конкретных задач. А на практике получилось нечто иное: неоднократно пытались ставить задачи непосредственно армиям и даже танковым корпусам, связывая тем самым инициативу фронтового командования.

Думается, что уже 28—30 июня от Брянского фронта можно было потребовать нанесения мощного контрудара главной массой своих сил и резервов Ставки, при поддержке дальней авиации. Его следовало направить с севера на юг, примерно вдоль железной дороги Елец, Касторное, Старый Оскол. На подготовку к этому нам хватило бы трех — пяти суток. Таким образом, этот контрудар мог быть осуществлен уже 3—5 июля, то есть как раз тогда, когда ударная группировка противника, завершив бои в районе Горшечное и Старый Оскол, выдвинулась к Дону. Вторые эшелоны в немецких корпусах к тому времени были уже задействованы, а резервы в группе армий отсутствовали.

Не имея на сей счет достаточно четких указаний со стороны Ставки, командование и штаб Брянского фронта вели себя подчас не решительно, ограничивались в лучшем случае попытками организовать тактические действия войск вместо широкого, планомерного, оперативного их использования во фронтовом масштабе.

Сейчас, когда мы пытаемся объяснить себе, почему события почти 30-летней давности прошли так, а не иначе, почему противник был лишь остановлен на рубеже Дона,

а не разбит между Курском и Воронежем, невольно приходишь к мысли, что одной из причин этого был недостаток опыта в управлении войсками в условиях сложной операции. Этим в первую очередь и объясняются почти все наши тогдашние промахи. Сейчас нам ясно, как их можно было избежать. Но в то время нам казалось, что большего, чем делали мы, сделать невозможно.

При всем том было бы глубоко неправильно рассматривать теперь из прекрасного далека все наши многотрудные дела тех дней как сплошную цепь ошибок и просчетов. В своем месте я уже высказал общую положительную оценку боевой деятельности войск. А теперь мне хотелось бы назвать хотя бы несколько конкретных имен и конкретных соединений, проявивших наибольшую стойкость и упорство в обороне, наивысшую настойчивость в контратаках.

Прежде всего должен выразить свою признательность солдатам, младшим командирам и офицерам 15, 132, 143, 148, 307-й стрелковых дивизий, 106-й и 109-й отдельных стрелковых бригад, 129-й отдельной танковой бригады. Эти соединения исключительно упорно защищали каждый метр своих позиций, каждую высоту, каждый населенный пункт. Всякий мелкий тактический успех, которого добивались здесь ценой больших потерь войска вражеского 55-го армейского корпуса, в тот же день ликвидировался неотразимыми контратаками. Особенно результативны были контратаки 106, 109-й отдельных стрелковых бригад и 129-й танковой бригады.

В своих донесениях мы с большим удовлетворением отмечали высокие боевые качества солдат, сержантов и офицеров 13-й армии. Об этом приятно вспомнить и сказать здесь доброе слово в адрес ее командующего генерал-майора Н. П. Пухова, члена Военного совета М. А. Козлова, начальника штаба А. В. Петрушевского. А из командиров дивизий и бригад следует отдать особую дань уважения генерал-майору А. А. Мищенко, полковнику Г. А. Курносову, полковнику Г. С. Ласько, полковнику Ф. Г. Аникушину и подполковнику Трофиму Михайловичу Щудренко, героически погибшему при контратаке 30 июня 1942 года.

Стойко выдержали натиск противника и некоторые соединения 40-й армии, в частности 121-я и 160-я стрелковые дивизии, 111-я и 119-я отдельные стрелковые

бригады, 115-я и 116-я отдельные танковые бригады. Отлично воевали части 284-й стрелковой дивизии, оборонявшие район Касторное, а также некоторые танковые бригады 4, 1 и 16-го танковых корпусов. Очень хорошо действовали 8-й кавалерийский корпус и 340-я стрелковая дивизия, отражавшие удары пехоты и танков противника в районе Солдатское, Тербуны.

Геройски вели себя расчеты гвардейских минометов, состоявшие в то время исключительно из коммунистов и комсомольцев. Перед ними стояла двойная цель: дерзко уничтожать живую силу и технику врага, но не рисковать своими машинами — ни одна из них не должна была попасть в руки противника. Мы ревностно оберегали конструктивные и прочие секреты наших «катюш» и сумели сохранить их в тайне вплоть до окончания войны.

У гвардейских минометов была своя тактика. Представьте себе жаркий июльский день, пыль на дорогах, столбы дыма над горящими селами. Наши поредевшие части с тяжелыми боями отходят к Воронежу. А за ними по пятам следуют немецкие танки и моторизованная пехота. Противник атакует в плотных цепях, нередко сворачивается в колонны. Этого-то момента как раз и поджидают гвардейцы-минометчики. «Катюши» возникают как из-под земли, раздается характерный посвист их залпа, и скопление вражеских войск как бы тонет в море огня. Противник высылает на место происшествия свою авиацию, но позиции, с которых только что был произведен залп, уже пусты: автомашины с реактивными установками исчезли бесследно, будто растворились в плотных облаках пыли, повисших над дорогами...

Западнее Воронежа многократно отличился дивизион гвардейских минометов под командованием Героя Советского Союза капитана Кириллова. Он действовал всегда наверняка. Был случай, когда этому дивизиону пришлось выступить навстречу атакующему противнику прямо в боевые порядки нашей пехоты. Чуть ли не в упор ударил он по гитлеровцам, и их атака сторела без следа.

Но война есть война. Мы тоже теряли людей, и в том числе немало командного состава. Однако и при выходе из строя командиров подразделения, как правило, не оставались без руководства. Здесь опять выручали коммунисты. В самой сложной ситуации они смело брали на

себя управление боем и до последней возможности удерживали обороняемые рубежи.

Мне запомнилась фамилия младшего политрука Филиппова. Он принял командование остатками стрелковой роты, когда ее позиции атаковали восемь немецких танков. Показывая пример бойцам, Филиппов сам бросился навстречу головному танку и сумел поджечь его. При этом младший политрук был ранен в руку, но опять вооружился связкой гранат и сумел поразить второй вражеский танк, а с остальными покончили бронебойщики.

Вспоминается и еще один герой тех боев — парторг стрелковой роты тов. Рагозин. Он тоже подменил выбывшего из строя командира, поднял роту в контратаку и своими решительными действиями ликвидировал нависшую над ней опасность полного разгрома.

А какое мужество проявил бывший слесарь из Перми механик-водитель танка тов. Шаронов! Перед самым боем он подал заявление о вступлении в партию и обещал «драться по-коммунистически». В бою с ним случилась большая беда — лишился зрения. Но его тяжелый танк КВ оставался на ходу, ослепший водитель не покинул своего боевого поста. Шаронов продолжал управлять машиной вслепую: когда нужно было развернуться вправо — командир танка лейтенант Никольский прикасался рукой к его правому плечу, влево — к левому...

Благодаря вот таким людям, их самоотверженности и героизму нам и удалось остановить дальнейшее продвижение немецко-фашистских войск. Конечно, жаль, что не смогли сделать этого раньше, но на то были свои причины.

Решением Ставки был создан Воронежский фронт во главе с генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным. Ф. И. Голікова назначили его заместителем.

Наш Брянский фронт возглавил генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Мне очень мало довелось поработать под руководством Константина Константиновича. Но и те восемь — десять дней, в течение которых я имел возможность близко соприкасаться с ним, остались в моей памяти поныне. Особенно большое впечатление произвело на всех нас — генералов и офицеров управления

фронта — внимание его к мнению своих подчиненных. Человек высокой культуры, он умел терпеливо выслушивать каждого, тут же выделить главную суть в суждениях собеседника и использовать в интересах дела знания и опыт коллектива. Я не ошибусь, если скажу, что в очень короткий срок Константин Константинович сумел расположить к себе всех своих новых сослуживцев. Нам нравилась его спокойная деловитость.

Одной из характерных особенностей стиля работы Константина Константиновича являлось то, что он не докучал частыми вызовами к себе ни начальнику штаба, ни начальникам управлений. Обычно Рокоссовский сам шел к своему начальнику штаба и часами просиживал рядом с ним, внимательно вслушиваясь во все переговоры с войсками. В случае необходимости мы тут же могли посоветоваться. Иногда командующий брал у меня телефонную трубку и очень тактично корректировал только что отданное мной распоряжение.

С сожалением расставался я с ним 17 июля, получив назначение в штаб Воронежского фронта. Командный пункт этого фронта находился тогда в деревне Углынец. На следующий день я был уже там. Боевые действия затихали. Передний край нашей обороны пролегал по реке Дон вплоть до Подклетного, далее шел к северной окраине Воронежа, упирался на реку Воронеж до ее устья и затем следовал опять по Дону. На этом рубеже развернулись войска 60-й и 6-й армий.

Одновременно совершенствовалась оборона по линии Гремяче, Троицкое, Большаков, Борки, Солдатское, Тербуны 2-е, Озерки. Там обосновались войска из резерва Брянского фронта: 1-й и 16-й танковые корпуса, 1-я гвардейская и 340-я стрелковые дивизии, 8-й кавкорпус, 201-я и 192-я танковые бригады. Все они вскоре были объединены новым управлением 38-й армии, во главе которой стал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов.

Против нас фронтом на север от Гремячего до Фоминой-Ногаичевки и далее до Воронежа развернулась значительная группировка войск 2-й немецкой армии в составе десяти пехотных и двух танковых дивизий. Южнее Воронежа на рубеж реки Дон выдвигались войска 2-й венгерской армии — девять пехотных и одна танковая дивизии.

Формирование управления Воронежского фронта протекало не один день и оказалось, вообще говоря, делом довольно сложным.

На укомплектование вакантных должностей прибыла значительная группа офицеров ускоренного (трех-, четырехмесячного) курса обучения в Военной академии имени Фрунзе. В общем это были хорошие, молодые офицеры. Многие из них уже участвовали в боях летом и осенью 1941 года. Все с исключительной добросовестностью брались за выполнение любых заданий. Но далеко не все имели опыт практической работы в крупных штабах. И продолжительное время мы, «старые штабники», не столько получали от них помощи, сколько дополнительных хлопот. Фактически всё и оформление решений командующего фронтом, и отработку боевых распоряжений, и составление всякого рода сводок, донесений — выполняли несколько человек, назначенных к нам из управления Брянского фронта и Генерального штаба.

Очень много приходилось заниматься технической работой самому начальнику штаба и даже командующему фронтом. Ночью, когда несколько затихали телефоны, Николай Федорович нередко брался за карандаш и лично писал донесение в Ставку или набрасывал текст распоряжения войскам. Иногда, пожалуй, это даже доставляло ему удовольствие: кто не любит «тряхнуть стариной»!

С Н. Ф. Ватутиным у меня издавна были самые добрые отношения: мы вместе учились, одновременно были выпущены из высшей военной академии, в канун войны не один раз вместе бывали на докладе у начальника Генерального штаба. А теперь вот сообща решали нелегкие боевые задачи.

Молодому командующему фронтом не сиделось в обороне. Человек энергичный, настойчивый, он не терпел пассивности. И Воронежский фронт с первых дней своего существования стал активным фронтом. Ватутин не мог смириться с тем, что почти весь город, размещенный на правом берегу реки Воронеж, находился в руках врага.

Частные операции начались сразу же, как только положение сторон несколько стабилизировалось. Уже

12 июля силами 18-го танкового корпуса и нескольких стрелковых дивизий 60-й армии проводилась первая такая операция. Перед войсками ставилась задача — полностью очистить город от противника. Однако попытка эта закончилась никчемными результатами: был занят лишь район больницы на северной окраине Воронежа.

Неделю спустя в течение двух дней проводилась повая операция. Теперь уже с участием 38-й и 60-й армий, 2-го и 11-го танковых корпусов. На сей раз намечалось разбить противника ударами с двух направлений: из района Подгорное в обход Воронежа с запада (60-я армия) и по западному берегу реки Дон в общем направлении на Семилуки (38-я армия). Как ни печально, эта операция также закончилась безрезультатно. Дело осложнилось в данном случае тем, что нам пришлось наступать на укрепления, построенные нашими же войсками весной 1942 года. Атаке предшествовала так называемая «ускоренная артподготовка» при незначительной плотности артиллерии, а перед атакующими подразделениями оказалась прочная позиционная оборона с развитой системой траншей. Дивизии понесли потери, а цели опять не достигли.

Конечно, не всегда наши частные операции заканчивались столь безрадостно. Мне вспоминается сейчас одна из них, осуществленная в середине июля в районе Коротояка. Неподалеку от этого города, у села Петропавловское, немцам удалось захватить небольшой плацдарм на северном берегу Дона. Мы решили ликвидировать его. Но не только эта задача ставилась перед 174-й стрелковой дивизией. Ей предстояло захватить плацдарм на южном берегу.

На этот раз нам сопутствовала удача. Стремительным ударом враг был выбит из Коротояка и потеснен по ту сторону Дона на пять километров по фронту и 3 километра в глубину. Гитлеровцы встревожились. Начались беспрерывные попытки выбить наши части обратно за реку. Командующий 2-й венгерской армией бросил сюда до двух дивизий. Пришла одна немецкая дивизия, а с нею до сотни танков. Настойчивые атаки противника не прекращались целую неделю, и в течение всего этого времени наша 174-я стрелковая дивизия стойко отражала их. Только по приказу командующего фронтом во избежание лишних потерь ее командир генерал-майор С. И. Карапе-

тян отвел свои части на северный берег. За умелые действия, за мужество и стойкость это соединение удостоилось тогда звания гвардейского.

В конце того же месяца очень важную операцию провели войска 6-й армии в 55 километрах к югу от Воронежа. Здесь действовала 25-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора П. М. Шафаренко. Ее поддерживали несколько артиллерийских полков и гвардейские минометы. Задача тоже была выполнена с блеском: наши войска захватили на западном берегу Дона плацдарм в тринадцать километров по фронту и восемь километров в глубину. Несмотря на многократные попытки противника ликвидировать его, он был сохранен до лучших времен и впоследствии сыграл очень важную роль как трамплин для наступления войск 40-й армии.

К сентябрю мы подготовили еще одну операцию, которую, правда, и по целям, и по количеству привлекавшихся сил уже трудно рассматривать как частную. В ней участвовали 60-я и 40-я армии, а также некоторые соединения 38-й армии, переподчиненной к тому времени Воронежскому фронту. В основе общего замысла операции лежало окружение и уничтожение всей группировки противника в районе Воронежа. Осуществить это предполагалось концентрическими ударами из района Подгорное на Семилуки (60-я армия) и из района Придача, в обход Воронежа с юга, тоже на Семилуки (40-я армия). Войска же 38-й армии наносили вспомогательный удар в направлении Нижняя Верейка, Ольховатка.

Подготовка к этой операции отличалась тщательностью. С планом ее генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин вызывался в Ставку. Вернулся он оттуда 30 августа. План наш был утвержден и обеспечивался материально. Для усиления Воронежского фронта из резервов Ставки выделялись четыре стрелковые дивизии. Дополнительно целевым назначением отпускались боеприпасы (по полтора боекомплекта для артиллерии средних калибров и по два для тяжелых).

Наступление должно было начаться 9 сентября. В течение десяти дней, предшествовавших этой дате, в войсках проводилась очень напряженная работа. С командармами и командирами дивизий Н. Ф. Ватутин сам проиграл на карте и на рельефном плане всю динамику

предстоящих действий. После этого командармы лично провели занятия с командирами полков. Детально отрабатывались вопросы взаимодействия родов войск. Перемещались поближе к переднему краю обороны пункты управления. Командарм 40 оборудовал для себя наблюдательный пункт в здании электростанции Придача. НП командарма 60 разместился на опушке леса восточнее Подгорное. Вспомогательный пункт управления фронта обосновался в лесу, в двух километрах восточнее Новой Усмани.

Была у нас и еще одна забота: доукомплектованию стрелковых дивизий, воевавших в течение всего лета. Штабы армий и фронта провели основательную «подчистку» тылов: оттуда изымались все, кто по своим физическим данным мог участвовать в бою. Мы стремились довести численность дивизий первого эшелона хотя бы до пяти тысяч человек. А наиболее полнокровные соединения, полученные из резерва Ставки, приберегались для развития и закрепления успеха; они составляли второй эшелон оперативного построения войск.

Энергичный и увлекающийся Н. Ф. Ватутин в эти дни буквально не знал отдыха. От зари до зари он находился в частях, лично проверяя их готовность, отдавая последние распоряжения.

7 сентября, когда командующий находился где-то в 38-й армии, меня вызвали к телефону ВЧ. На проводе был И. В. Сталин. Последовало указание:

— Четыре стрелковые дивизии, полученные для участия в наступательной операции, в передовую линию не вводить, а готовить немедленно к отправке в район Царицына... Операцию, которую вы готовите, разрешается временно отложить...

Далее мне задан был вопрос: как скоро мы можем начать отправку названных дивизий и какие меры необходимо предпринять для ускорения этого дела. Я ответил, что у нас есть небольшой оперативный резерв подвижного состава, примерно на одну дивизию, и мы можем приступить к перевозкам сегодня ночью. Сталин был, по-видимому, удовлетворен таким ответом. Он приказал лишь немедленно доложить его указания командующему фронтом.

Буквально через несколько минут я разыскал по телефону Н. Ф. Ватутина и передал ему дословно содержание переговоров с Верховным Главнокомандующим. Как и

следовало ожидать, Николай Федорович не принял рекомендаций Ставки об отсрочке наступательной операции. Он жил ею все это время и уже видел реальный успех.

Ватутин стал настойчиво убеждать и в конечном счете убедил Ставку, что без тех четырех дивизий, которые изымались из состава нашего фронта, можно проводить наступление и добиться желаемых результатов. Подготовка войск продолжалась. Операция была отложена только на шесть дней.

Утро 15 сентября началось мощной артиллерийской подготовкой на участках намеченного прорыва. С наблюдательного пункта командарма 40 хорошо просматривалась восточная окраина Чижовки — первого объекта атаки главной группировки армии. Зрелище было весьма эффектным. Нам казалось, что все огневые средства противника хорошо поражаются артиллерийским огнем. Но, как потом выяснилось, мы недооценили прочности каменных построек, использованных противником для обороны. Артиллерии не удалось разрушить их, и наступление с самого начала стало развиваться в медленных темпах, с большими осложнениями.

В течение первых двух дней войска 40-й армии добились лишь некоторого тактического успеха (овладели Чижовкой и южной окраиной Воронежа, а дивизия, наступавшая в центре города, очистила от противника еще несколько улиц). Но войска 60-й армии совершенно не имели продвижения. Не удался и вспомогательный удар 38-й армии; она сумела овладеть лишь деревней Глездилово, и на этом все замерло.

Командующий фронтом да и командарм 40 никак не хотели примириться с неудачей. В течение еще целой недели они настойчиво добивались дальнейшего продвижения войск. В Чижовку был переправлен 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П. П. Павлова. Переправа осуществлялась в сложных условиях — ночью, по каменной дамбе, покрытой слоем воды в 50—70 сантиметров. Этот своеобразный брод неподалеку от электростанции Придача оказался для нас настоящей находкой. Воздушная разведка противника не сумела обнаружить его, и появление в Чижовке наших танков было для гитлеровцев полной неожиданностью.

Вводом в бой танкового корпуса командующий фронтом рассчитывал сломить сопротивление противника на

южной окраине города. Но, к нашему большому огорчению, расчеты эти не оправдались. С наблюдательного пункта командарма 40 мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых порядках пехоты. Наши танкисты, равно как и пехота, находились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение на местности и прочные каменные постройки. Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон.

С каждым днем все острее чувствовалось, что операция затухает. Но признаться в этом не хотелось.

В Генеральном штабе стали понимать бесцельность наших попыток уже 20 сентября. Однако и там, видимо, питали еще надежду на какое-то чудо. Лишь в конце сентября директивой Ставки Воронежскому фронту было приказано перейти к обороне. Одновременно с этим расширялась полоса фронта в южном направлении по реке Дон от Бабки до Верхнего Мамона. На этом 100-километровом пространстве оборонялась всего лишь одна 127-я стрелковая дивизия, и мы сразу же встали перед необходимостью изыскивать войска для уплотнения здесь боевых порядков.

Командующий фронтом определил новые задачи для каждой из армий. 38-я и 60-я армии должны были организовать оборону с оперативным построением в два эшелона при плотности 10—15 километров на дивизию. 40-я армия строила оборону в один эшелон с плотностью на дивизию 15 километров. Наименьшая плотность была определена для 6-й армии, перед фронтом которой стоял относительно пассивный противник, — 2-я венгерская армия и части итальянского горного корпуса.

В начале октября Н. Ф. Ватутин выбыл к новому месту службы — его назначили командующим войсками восстановленного вновь Юго-Западного фронта. А на смену ему к нам опять прислали Филиппа Ивановича Голикова. Встречая его на аэродроме близ поселка Анна, я пошутил:

— Всю-то я вселепную проехал, лучше тебя, милой, не нашел...

— Да, — отозвался Филипп Иванович, — за эти три месяца мне действительно пришлось объехать много мест. Успел поработать на двух фронтах и в Генеральном

штабе. Но для меня и впрямь милее всего возвращение на Воронежский фронт.

Уже по дороге в штаб я доложил ему обстановку. Главной нашей задачей теперь являлось отвлечение на себя возможно большего количества войск противника. Активными боевыми действиями мы удерживали в районе Ливны, Воронеж до пятнадцати дивизий из состава 2-й немецкой армии, а южнее стояла 2-я венгерская армия (девять дивизий) и 8-я итальянская (до пяти дивизий).

Даже не всегда удачные, но активные действия войск Воронежского фронта в течение лета 1942 года серьезно обеспокоили вражеское командование. Мы «висели» над флангом группы армий «Б», и противника нервировало любое, самое незначительное наше продвижение к югу или юго-западу. Он беспокоился за свои весьма растянутые коммуникации в направлении Сталинграда.

Не прошло бесследно и в общем-то огорчительное для нас сентябрьское наступление наших войск в районе Воронежа. Оно настолько встревожило противника, что сюда стали стягиваться силы с других направлений.

К приезду нового командующего Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень быгодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом.

Близится перелом

Осень 1942 года не внесла больших перемен в обстановку. Мы продолжали совершенствовать оборону и пополнять боевые части за счет прибывающих маршевых рот. Из госпиталей возвращались в строй бойцы, получившие ранения в летних боях.

Постепенно в полосах 40-й и 6-й армий нам удалось создать кое-какие резервы. Командующие родами войск и другие руководящие работники фронтового управления побывали в каждой дивизии. На особо ответственных участках состояние обороны лично проверяли командующий фронтом и его первый заместитель генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский.

Наибольший перевес над нами по количеству дивизий противник имел перед фронтом 40-й и 6-й армий. У нас

здесь было в общей сложности не больше двенадцати, а у противника (вместе с резервами) — до девятнадцати дивизий. Кроме того, он занимал господствующий правый берег Дона и имел возможность просматривать глубину нашей обороны. Что же касается пониженной боеспособности венгерских и итальянских дивизий, то мы смогли проверить это лишь впоследствии. А в то время штабы армий, да и штаб фронта, склонны были оценивать венгерские дивизии даже выше, чем немецкие. Ведь по опыту первой мировой войны мы знали, что мадьярская кавалерия являлась наиболее боеспособной частью объединенной австро-венгерской армии. К тому же оборона имеет свои особенности. В этих условиях при сопоставлении противоборствующих сил счет ведется прежде всего на количество стреляющих пушек, минометов, пулеметов, винтовок. А при таком подсчете 2-я венгерская армия выглядела тогда не хуже немецкой.

Тем не менее от нашего внимания не ускользнуло, что венгерские и итальянские части, оборонявшиеся против нашей 6-й армии, вообще-то вели себя исключительно спокойно и никаких активных действий не предпринимали. Но на любое проявление активности с нашей стороны противник и здесь реагировал очень нервно. Стоило только нашей разведке проникнуть в его боевое расположение, как поднималась страшная пальба. Огонь вели и артиллерия, и минометы, и пулеметы. Без привычки можно было подумать, что завязался настоящий бой. Однако вскоре огонь стихал, и все оставалось по-прежнему.

В эти месяцы активные боевые действия переместились от нас к Волге и на Северный Кавказ. Две крупные группировки немецко-фашистских войск, разобщенные между собой сотнями километров калмыцкой степи, продолжали рваться каждая к своей цели. Перед 6-й и 4-й танковой армиями немцев такой целью являлся Сталинград. А вторая группировка противника, обозначенная в оперативных документах как группа «А», упорно пробивалась в направлении Туапсе и Орджоникидзе.

Личный состав нашего Воронежского фронта особенно близко припимал к сердцу события у волжских берегов. Мы готовы были любыми действиями помочь своим товарищам с Донского и Сталинградского фронтов, в любой день опять возобновить бои. Но, как говорится, всему

свое время. В октябре и ноябре 1942 года Ставка не разбрасывалась резервами и материальными средствами на решение частных задач. Готовилось что-то крупное.

Подготовка эта велась, разумеется, в обстановке большой секретности. Тем не менее к нам все же просачивались такие сведения, по которым можно было судить о многом. В частности, мы знали о крупных перевозках войск. Потом вдруг почувствовали некоторое урезание наших потребностей в боеприпасах и вооружении.

Общая обстановка и соотношение сил в полосе нашего фронта не позволяли нам самим предпринять широкое наступление. В районе Воронежа наступательные действия вообще исключались. Но мы все время прощупывали наиболее уязвимые места в неприятельской обороне. И в конце концов остановили свой выбор на участке, где оборонялись венгерские войска. Там и плотности противника были не особенно высоки, и на правом берегу Дона мы прочно удерживали несколько плацдармов, которые могли быть использованы в качестве исходных районов для наступления.

Командующий дал штабу указания по разработке плана операции. Благо к нам стали прибывать свежие войска. Появились три новые стрелковые дивизии, две отдельные стрелковые бригады, танковый корпус, две артиллерийские дивизии (каждая в составе трех гаубичных, двух пушечных и трех истребительно-противотанковых артполков), одна зенитно-артиллерийская.

На исходе первой декады ноября операция вчерне была спланирована. А 13-го числа командующего фронтом пригласили в Ставку.



ДОРОГИ НАСТУПЛЕНИЯ

Командующий вернулся из Ставки в хорошем настроении.

— Утвердили? — спросил я, имея в виду план нашей операции.

— Нет.

Бодрый тон ответа никак не вязался с его содержанием. «Чему же он в таком случае радуется?» — недоумевал я.

— Будем готовить наступательную операцию по новому варианту, — объяснил Голиков. — Наш прежний вариант не отвергается, но временно откладывается. Сейчас все внимание нужно переключить к югу, на восьмую итальянскую армию.

Мы подошли к карте, и Филипп Иванович вкратце передал мне указания Ставки. Там спланировали одно-временную операцию двух фронтов — Юго-Западного и нашего, Воронежского. Общей ее целью был глубокий удар с выходом к Ростову. На первом этапе операции предусматривалось уничтожение 8-й итальянской армии и овладение районом Кантемировка, Чертково, Миллерово. Эту задачу должны были выполнить войска 6-й армии Воронежского фронта и 1-й гвардейской Юго-Западного, усиленные тремя танковыми корпусами (17, 18, 25-м). В то же время 3-й гвардейской и 5-й танковой армиям следовало осуществить наступление из района Вешепской на Морозовск.

Второй этап операции начинался с рубежа Чертково, Миллерово. Здесь предполагалось ввести в бой резервы Ставки (несколько танковых корпусов и одну общевойсковую армию). С этими свежими силами Юго-Западный фронт и устремлялся прямо на Ростов.

Должен признаться, что поначалу нам трудно было воспринять такой размах операции. Ведь мы еще не были ориентированы тогда об общих стратегических замыслах Ставки на осенне-зимнюю кампанию и лишь смутно догадывались о готовившемся разгроме противника в районе Сталинграда. Только после 20 ноября, когда этот разгром уже начался, перед нами по-настоящему раскрылся глубокий смысл нашей операции, получившей условное наименование «Сатурн». По-новому осознали мы и роль 6-й армии, ее ответственность за общий успех.

На операции «Сатурн» я позволю себе остановиться несколько подробнее. Замысел ее мог появиться только в итоге колоссальной работы нашей партии и всего народа по подготовке зимней кампании 1942 года. К этому времени у нас накопились уже такие силы, которые позволяли Верховному командованию смело решать задачи большой стратегической значимости. Подобно ядерной цепной реакции, они должны были осуществляться с нарастанием, захватывая огромные территории у Сталинграда, на Северном Кавказе, в среднем течении Дона, в Донбассе, в районах Воронежа и Харькова.

Правда, не все задуманное удалось выполнить. Война есть война: пока обе стороны достаточно сильны, ход борьбы определяется не только замыслами.

Операция «Сатурн» замышлялась не сама по себе, не изолированно, а как составная часть общего стратегического плана по разгрому немецко-фашистских войск на юге зимой 1942 года. При полном осуществлении этого плана создавалось два кольца окружения: первое — в районе Сталинграда (в него попадали основные силы 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий) и второе — по линии Чертково, Миллерово, Каменск-Шахтинский, Ростов (в нем должны были оказаться остальные войска 6-й и 4-й танковой армий, а также вся группировка противника, находившаяся в то время на Северном Кавказе).

Как я уже упоминал, от Воронежского фронта в операции «Сатурн» должна была участвовать только 6-я армия. Ей предстояло уничтожить 5-ю итальянскую дивизию и 385-ю пехотную дивизию немцев, овладеть Кантемировкой и прикрыть ударную группировку войск Юго-Западного фронта от возможных ударов противника со стороны Росоши. Для этих целей предназначались

пять стрелковых дивизий, танковый корпус, одна танковая бригада, два отдельных танковых полка, артиллерийская и зенитно-артиллерийская дивизии.

Общий участок прорыва войск Юго-Западного фронта и нашей 6-й армии занимал по фронту 35—40 километров: от Новой Калитвы до Казанки. Готовность к наступлению вначале была установлена на 30 ноября.

6-й армии предстояло действовать в районе, считавшемся до этого самым пассивным. На 50 километров была растянута здесь единственная наша 127-я стрелковая дивизия. Оборона ее проходила по реке Дон.

Много сложных вопросов встало перед штабом 6-й армии (а заодно, конечно, и перед штабом фронта). Особенно трудно было провести здесь скрытное сосредоточение войск. Осуществлялось оно только по ночам, при строжайшем соблюдении светомаскировки. Не легче оказалось «спрятать» войска в исходном положении. Единственным укрытием для них могли стать лишь населенные пункты, из которых еще осенью были эвакуированы все местные жители. Но всякое оживление там тотчас же настораживало неприятеля: ведь он-то знал, что в этих селах и деревнях жизнь давно замерла.

Несколько лучшие условия имелись в этом отношении у Юго-Западного фронта. Он располагал в полосе прорыва на южном берегу Дона тактическим плацдармом, достигавшим четырех-пяти километров по фронту и шести километров в глубину. Прибрежная часть этого плацдарма, покрытая густым кустарником, позволяла надежно скрыть от противника значительное количество войск. К тому же итальянцы проявили здесь удивительную беспечность: под носом у них нашему соседу удалось построить несколько мостов большой грузоподъемности. Эти-то мосты и обеспечили сосредоточение на южном берегу Дона не только войск, предназначенных для наступления в первом эшелоне, а даже 18-го и 25-го танковых корпусов, которым предстояло развивать успех. Удалась переброска на плацдарм и некоторой части артиллерии.

Плацдарм наших соседей в какой-то мере помог и нам. За несколько дней до начала операции неподалеку от этого «пяточка» саперы 6-й армии тоже построили мост. Но противник к тому времени уже насторожился, и

строительство велось с некоторыми осложнениями. Вражеская авиация активно мешала работе саперов, в чем я имел возможность убедиться лично.

С группой офицеров штаба фронта мне довелось тогда проверять ход сосредоточения войск 6-й армии в районе Верхний Мамон. Покончив с этим основным делом, решили взглянуть, как идет строительство моста. Головной нашей машине удалось благополучно проскочить по льду на южный берег реки, где саперы заготавливали материал на сваи и для верхнего настила. Вторая же машина немного притормозила и стала проваливаться, ломая лед. Саперы попытались удержать ее тросами и канатами. Но тут появились немецкие самолеты. Они бомбили лед, обстреливали нас из пулеметов, и нам пришлось оставить тонущую машину. Она была извлечена со дна донского ночью при помощи водолазов. Днем противник никого не допускал на лед. Над Доном теперь все время барражировали его разведывательные самолеты.

Мы со своей стороны тоже, разумеется, вели всестороннюю разведку. В первую очередь стремились точно установить начертание переднего края вражеской обороны. Выяснилось, что он проходит в одном-двух километрах от уреза реки, а непосредственно у воды держится только боевое охранение. Значит, наши войска первого эшелона могли занять исходное положение на южном берегу Дона. Но для этого предстояло еще до начала наступления захватить там хотя бы небольшой плацдарм.

А немцы тем временем решили «пощекотать» нас в районе Воронежа. Это делалось ими скорее всего с целью отвлечения нашего внимания.

21 ноября под Воронежем к нам перебежал фельдфебель из 222-го пехотного полка и показал, что здесь сосредоточились четыре пехотные дивизии. На основе этих показаний (возможно, в результате несовершенного перевода) был сделан вывод, что противник тоже собирается наступать. Как водится, об этом доложили выше. Командующий фронтом проявил на сей раз излишнюю нервозность: начал просить Ставку о немедленном выделении в его распоряжение еще двух соединений для усиления обороны в районе Воронежа. Однако Ставка отнеслась ко всему происходящему значительно спокойнее. Наша просьба, в общем-то, конечно, не обоснованная,

была отклонена. А потом протрезвели и сами мы: в уточненных показаниях перебежчика не оказалось ничего тревожного для нас.

После этого подготовка к наступлению пошла еще более интенсивно. 28 ноября командующий фронтом с оперативной группой выехал на ВПУ (в лес северо-западнее Воронцовки), чтобы быть ближе к району предстоящих боевых действий и лично наблюдать весь ход подготовки к ним.

Сосредоточение войск 6-й армии и Юго-Западного фронта проходило в целом без существенных помех со стороны противника. Однако к 30 ноября они все же не были готовы к наступлению, и по просьбе командующих обоими фронтами начало операции отложили до 12 декабря, а впоследствии перенесли на 16 декабря.

Но когда затягиваются сроки, неизбежно возникают какие-то поправки к прежним планам. Так произошло и в данном случае: Ставка внесла ряд изменений в свой первоначальный замысел. Если вначале предполагалось общее руководство действиями наших войск на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов возложить на Ф. И. Голикова, то теперь это поручалось Н. Ф. Ватутину. А ВПУ Воронежского фронта предстояло в дальнейшем заниматься только делами 6-й армии. Вдобавок к этому 24 или 25 ноября нам сообщили, что в 6-ю армию должны прибыть начальник Генерального штаба А. М. Василевский, командующий артиллерией Советской Армии Н. Н. Воронов и командующий ВВС А. А. Новиков. Они и сопровождавшие их офицеры вылетели из района Сталинграда на семи самолетах По-2 и следовали все по одному маршруту на малой высоте, визуально наблюдая земные ориентиры.

В нашу задачу входило только принять самолеты в районе Бутурлиповки. Здесь мы и ждали их в назначенное время. Погода, однако, сильно испортилась — появились туман и изморозь, и к сроку ни один самолет не приземлился. Нас стали уже одолевать тревожные мысли, когда поступило первое известие от генерал-полковника А. М. Василевского. Он совершил посадку в районе Калача (Воронежского). Другие самолеты, сбившись с курса, тоже стали садиться где придется. Лишь через несколько часов удалось собрать всю группу. И хотя дело обошлось без серьезных последствий, хотя перелет организовали не

мы, а штаб ВВС Красной Армии, Ставка все же сделала нам серьезное замечание.

Начальник Генерального штаба в тот же день на КП 6-й армии выслушал доклады Ф. И. Голикова и командарма 6 генерал-майора Ф. М. Харитонов. Все их предложения были утверждены без особых замечаний. После этого А. М. Василевский и А. А. Новиков сразу же улетели, а генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов остался у нас для координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов.

От большого «Сатурна» — к малому

Тем временем обстановка в районе Сталинграда резко осложнилась. Немцам удалось создать крупную танковую группировку и она начала наступление из Котельниково, имея целью деблокировать окруженную в Сталинграде армию Паулюса. Первые ее удары приняли на себя 3-й гвардейский мехкорпус под командованием генерал-майора танковых войск В. Т. Вольского и 4-й кавалерийский корпус во главе с генерал-лейтенантом Т. Т. Шапкиным. Но этих сил было явно недостаточно, чтобы отразить натиск вражеских танков. В кавалерийском корпусе не имелось достаточных противотанковых средств, а без них конная масса представляла весьма притягательную цель для танкистов противника. Что же касается 3-го гвардейского мехкорпуса, то он уже понес значительные потери в танках и артиллерии, вследствие чего был тоже очень уязвим.

Ликвидацию контратакующей группы Верховный Главнокомандующий возложил на 2-ю гвардейскую армию, только что закончившую доукомплектование и предназначавшуюся ранее для участия в операции «Сатурн» на завершающем этапе. Принимая такое решение, Ставка одновременно внесла серьезную поправку в план «Сатурна». Размах операции сокращался. В ночь на 14 декабря нами была получена директива, в которой она именовалась уже «Малым Сатурном» и общая оперативная цель формулировалась так: ударом правого крыла Юго-Западного фронта в общем направлении на Морозовск во взаимодействии с другими армиями того же фронта ликвидировать боковую и морозовскую группировки противника. Что же

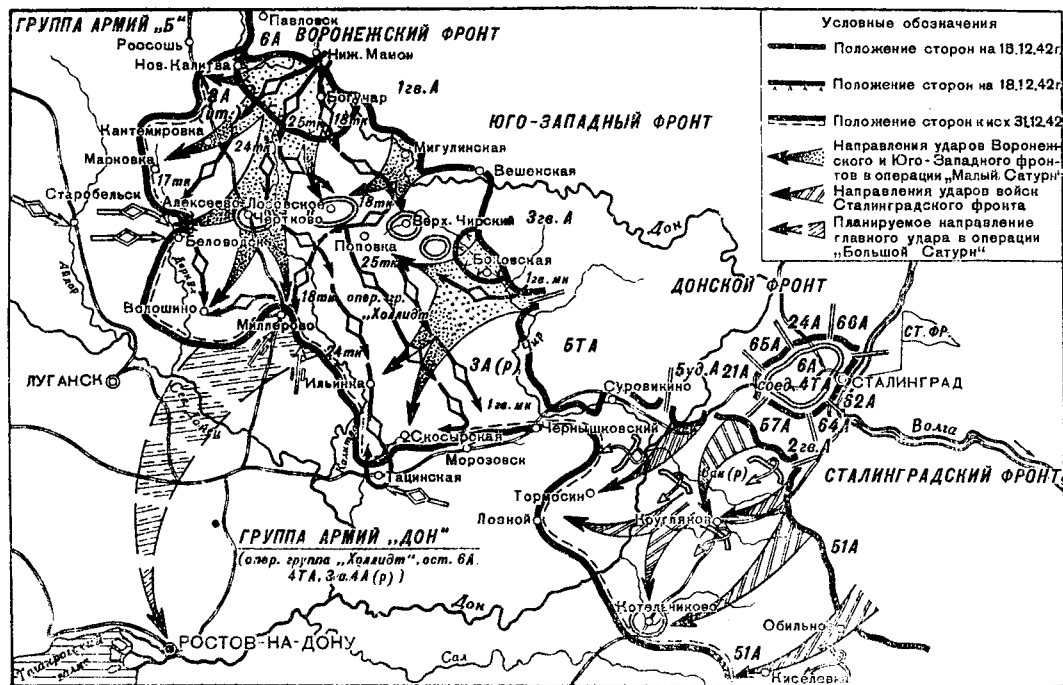


Схема 3. Операции советских войск в декабре 1942 г.

касается нашей 6-й армии, то ее задача ограничивалась теперь выходом в район Кантемировка и созданием там серьезного заслона против возможных контрударов неприятеля с запада.

Разница между операциями «Большой Сатурн» и «Малый Сатурн» была весьма существенной. Конечная цель «Малого Сатурна» соответствовала примерно ближайшей задаче «Большого Сатурна».

Новую директиву командующие фронтами восприняли не одинаково. На нашем, Воронежском фронте к указаниям Ставки о сокращении пространственного размаха операции все отнеслись с пониманием. А вот генерал-полковник Ватутин стал добиваться, чтобы операция проводилась в прежнем плане, то есть с задачей выхода войск к Азовскому морю. От 6-й армии он ждал соответственных действий — с выходом главной группировки на рубеж Марковка, Чертково, а 17-го танкового корпуса — в район Волошино (30 км западнее Миллерово). Николай Федорович посягал даже на то, чтобы 17-й танковый корпус был переподчинен ему.

В ночь на 14 декабря состоялась личная встреча командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами в присутствии генерал-полковника Воронова. Предстояло согласовать их взаимные действия. Однако согласия достигнуть не удалось: каждый из командующих отстаивал свою точку зрения. Почти весь день после этого продолжались переговоры по ВЧ между штабами фронтов. В конце концов в диалог двух командующих вмешался Генштаб и от имени Ставки подтвердил указания о проведении операции по новому плану, с меньшим размахом.

12 декабря мы провели разведку боем. В ней участвовало несколько батальонов 127-й стрелковой дивизии, которые продолжительное время занимали здесь оборону и хорошо знали противника.

Разведка прошла успешно. Боевое охранение итальянской 5-й дивизии было уничтожено по всей полосе прорыва. Наши войска овладели несколькими высотами на южном берегу Дона, деревней Самодуровка и частью деревни Дерезовка.

Итальянцы долго не могли успокоиться. В течение второй половины дня 12 декабря и весь день 13 декабря они вели контратаки, пытаясь восстановить положение. В бой по отражению этих контратак втянулась почти вся 127-я

стрелковая дивизия. Ее бойцы и командиры действовали умело и мужественно. Они удержали плацдарм и нанесли значительные потери 5-й итальянской дивизии.

На плацдарме стали развертываться боевые порядки 15-го стрелкового корпуса с артиллерией сопровождения, а также танки непосредственной поддержки пехоты (82-й и 212-й танковые полки). С волнением ожидали мы начала первой наступательной операции войск Воронежского фронта. Как-то она пойдет? Как будет развиваться? Принесет ли желаемый успех?

Накануне наступления во всех ротах, батареях, эскадрильях прошли партийные собрания. Речи на них были короткими, решения — немногословными: бить врага так, как бьют его под Сталинградом!

Утром 16 декабря началась артиллерийская подготовка. Мы следили за ней с наблюдательного пункта на окраине деревни Гороховка. Особенно сильное впечатление произвели на меня гвардейские минометы. Их в этот раз было довольно много: только в полосе 6-й армии действовало до десятка дивизионов М-30 и несколько полков М-13. После такой обработки переднего края обороны противника можно уверенно начинать атаку. Не беда, что из-за морозного тумана вплоть до 11 часов дня не могла действовать наша авиация.

Первые минуты атаки всегда напряженны. Пехота выбралась из траншей и идет по открытому полю на вражеские позиции, где совсем еще недавно гулял огонь нашей артиллерии. Какие силы остались там? Насколько удалось артиллеристам подавить огневую систему переднего края? Эти вопросы волнуют каждого.

Но вот стрелки с криком «ура» ворвались в первую траншею. Завязываются беспощадные рукопашные схватки. Тут в дело идет все: и штык, и саперная лопата, и просто цепкие руки, хватающие противника за горло. Отвоевываются десятки, потом сотни метров родной земли. Затем противник вводит в бой резервы. Начинаются контратаки.

А тем временем на наблюдательных и командных пунктах ведутся отрывистые, часто нервные переговоры по радио и телефонам. Кто-то сообщает об успехе. Другой требует огневой помощи. Командные пункты на все реагируют, все принимают к сведению и требуют, настаивают, приказывают: вперед!

...Наступление 6-й армии протекало в целом неплохо. Сопротивление итальянцев было сломлено, и уже в первый день наши войска продвинулись на пять километров. Это не так мало, если на пути глубокий снег и довольно трудный для наступления рельеф местности. Ведь войскам 6-й армии пришлось атаковать снизу вверх, преодолевая отлогий, но длинный подъем — от топографической отметки 100 до отметки 220¹.

Во второй день наступление развивалось еще успешнее. Контратаки 385-й пехотной дивизии немцев и их же 318-го пехотного полка, а также бригады итальянских чернорубашечников были отбиты. Правда, в результате этих контратак части, наступавшие в направлении Новой Калитвы, продвигались несколько медленнее. Зато очень хорошо шли дела у тех, кто наступал на Писаревку. Здесь нам удалось окончательно сломить сопротивление 5-й пехотной дивизии итальянцев, и к исходу дня 17-й танковый корпус овладел Писаревкой. А 18 декабря сюда вышли главные силы 6-й армии. Танкисты же к тому времени достигли Кантемировки.

Настало утро 19 декабря. 17-й танковый корпус одновременно с 82-м и 212-м отдельными танковыми полками атаковал Кантемировку и овладел ею. К вечеру 19 декабря наши войска вышли на рубеж Новая Калитва, Первомайское, Кантемировка. Таким образом, за четверо суток они целиком выполнили свою задачу по плану

¹ Уже после выхода моей книги в первом издании (1965 год) юные краеведы Новокалитвенской средней школы, Воронежской области, собрали волнующий материал об одном забытом героическом подвиге в первый день нашего наступления 16 декабря возле деревни Дерезовка. Здесь действовал 1180-й стрелковый полк, в составе которого воевал комсомолец Василий Николаевич Прокатов. Атакующие подразделения неожиданно наткнулись на пулемет противника, уцелевший после артподготовки. Своим кинжальным огнем он прижал нашу пехоту к земле. Бойцы полка видели Прокатова, когда он начинал приближение к этому пулемету то ползком, то короткими перебежками. Вторично Прокатов оказался уже вблизи вражеской огневой точки и бросился на нее, телом своим закрыв амбразуру.

Вражеский пулемет замолк, временно задержанная им атака возобновилась и была доведена до победного конца, но Василия Николаевича Прокатова не стало. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А в родном его городе Харовске (Вологодская область) имя В. Н. Прокатова носят ныне одна из улиц и школа, в которой когда-то учился он. — *Прим. автора.*

операции «Малый Сатурн». И тогда же вечером, 19 декабря, 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

Ф. И. Голиков возвратился на основной командный пункт в поселок Анна. А здесь уже подводился итог боев. Он был внушительен: разгромлены 5-я итальянская и 385-я немецкая пехотные дивизии, захвачено свыше 2500 пленных, взято в качестве трофеев до 100 пушек, 200 минометов, сотни пулеметов. Убитыми противник потерял несколько тысяч человек.

Иное время

Очень живо вспоминается мне встреча с тремя итальянскими генералами — Уммерти, Батисти и Паскалини. Она произошла 28 января 1943 года.

Я только что пролетал на самолете по маршруту Бобров — Лиски — Острогжск — Алексеевка — Валуйки и с воздуха видел дороги, забитые машинами, повозками, боевой техникой. В степи, на брошенных противником огневых позициях, оставались пушки и минометы. На поле восточнее Валук еще не были убраны трупы убитых в бою итальянцев. Во дворах населенных пунктов кишели муравейники пленных.

День подходил к концу. Засветло мне удалось осмотреть железнодорожную станцию. Успел побывать также в некоторых частях 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Здесь-то мне и представили командиров итальянских дивизий, сдавшихся в плен вместе со своими разбитыми частями.

Перед тем кавалеристы привели их в приличный вид: организовали бритье, помывку, хорошо накормили и даже выдали по сто граммов водки. Пленные генералы отогрелись, оправились от страха, а водка помогла им развязать языки. Они охотно отвечали на вопросы и при этом обнаружили удивительную убогость своих политических взглядов. Никто из них особенно не восторгался «идеями Муссолини», но и собственных твердых убеждений у них тоже не было, хотя все трое имели уже почтенный возраст — от 56 до 67 лет.

Я не удержался от искушения познакомить итальянских генералов с тридцатипятилетним командиром разбившего их войска 6-го гвардейского кавкорпуса генерал-

майором С. В. Соколовым. Они встали перед ним в изумлении.

— Это вы руководили боями в районе Валуйки? — осведомился старший.

Соколов подтвердил. Итальянцы рассыпались в комплиментах:

— Вы отлично управляли своими кавалеристами.

— Ваши конники прекрасно воевали.

Молодой комкор не удержался от простодушной шутки:

— Что значит Европа! Их бьешь, а они тебе любезности говорят.

— Подождите, еще спасибо скажут, — заметил кто-то из присутствовавших.

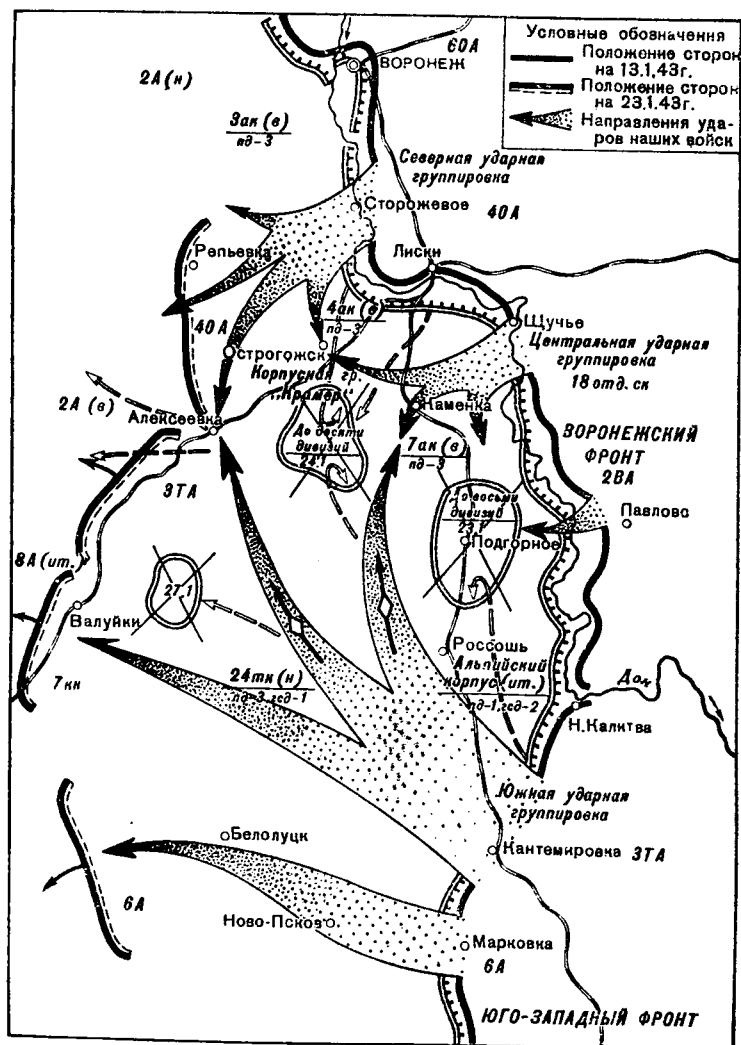
И в этом был определенный смысл. Успешные наступательные действия наших войск в конце 1942 — начале 1943 года повлияли на самочувствие тогдашних сателлитов гитлеровской Германии. Они всерьез стали задумываться над тем, кому, собственно, нужна эта война, что получит каждый из них в случае победы, да и возможна ли победа вообще?

Нам предстояли еще многие трудные дни, даже годы борьбы, но время начиналось уже иное, более благоприятное для нас. Мы на юге почувствовали это, может быть, раньше других.

Не успела закончиться операция «Малый Сатурн», а нас уже ориентировали на новое наступление. Как бывало уже не раз, все начиналось звонком по телефону ВЧ. Этот звонок раздался на КП фронта 21 декабря. Нам вменялось в обязанность подготовить разгром группировки вражеских войск в районе Острогожск, Каменка, Россошь и очистить от противника железнодорожную линию Лиски — Кантемировка.

В ночь на 22 декабря командующий фронтом выехал в Ставку с нашими предложениями. Задержался он там до 25 декабря. По военному времени это был немалый срок. И все же привезенные им указания Ставки требовали еще углубленной разработки.

Незамедлительно собрались руководящие работники штаба и командующие родами войск. Ф. И. Голиков развернул перед нами лист карты мелкого масштаба, на которой стрелками были показаны лишь направления наших будущих ударов, и сделал необходимые разъяснения.



С х е м а 4. Острогожско-Россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта

Замысел предстоящей операции сводился к тому, чтобы ликвидировать последнюю крупную группировку войск сателлитов фашистской Германии — остатки 8-й итальянской и главные силы 2-й венгерской армий. При этом очищалось от противника все среднее течение Дона и полностью переходила в наши руки железная дорога Воронеж — Лиски — Кантемировка — Миллерово. Для решения этой задачи Ставка значительно усиливала Воронежский фронт войсками. Из ее резерва к нам поступала 3-я танковая армия в составе двух танковых корпусов (12-й и 15-й), четырех стрелковых дивизий (48, 184, 180, 111-я), отдельной стрелковой бригады (37-я), 8-й артиллерийской дивизии и 9-й зенитно-артиллерийской. Помимо этого, мы получали дополнительно 183, 270 и 322-ю стрелковые дивизии, 173-ю танковую и лыжную бригады.

Но и силы противника были немалыми: нам предстояло окружить и уничтожить до семнадцати его дивизий, в том числе две-три немецкие. В этих целях намечалось осуществить концентрические удары по сходящимся направлениям. Один из них наносился войсками 40-й армии с плацдарма на западном берегу Дона в районе Сторожевое-1, Урыво-Покровское в общем направлении на Репьевка, Буденное. Другой должна была осуществить 3-я танковая армия из района Кантемировки на Россось и Алексеевку. Таким образом, захлестывалась вся группировка войск противника, оборонявшаяся на рубеже Сторожевое-1, Урыво-Покровское, Коротояк, Щучье, Новая Калитва.

Одновременно планировался также рассекающий удар частями 18-го отдельного стрелкового корпуса под командованием генерал-майора П. М. Зыкова. Этот корпус наступал с небольшого плацдарма в районе Щучье в направлении Каменка, Алексеевка.

Задействован был и кавалерийский корпус. Ему предстояло наступать левее 3-й танковой армии в направлении на Ровеньки, Валуйки, обеспечивая фланг главной группировки.

Красные и синие стрелы

Возможно, сегодня не каждому интересны перипетии былых сражений, не каждого может увлечь переплетение красных и синих стрел. Но мне лично почти всю войну

пришлось работать в крупных штабах, и, вспоминая пыно те далекие уже дни, я не могу не обращаться к карте, к оперативным документам, которые составляли тогда существо моей жизни.

Да и только ли моей! В этих картах, стрелах и схемах воплотился коллективный разум сотен военачальников, усилия тысяч и тысяч бойцов, воля всего нашего советского народа, направленные к единой цели — разгромить и уничтожить ненавистных оккупантов.

Многие из описываемых мною операций начинались одинаково: звонок по ВЧ, разработка плана, утверждение его в Ставке, перегруппировка войск. И все же каждая из них имела какие-то своеобразные, свои неповторимые черты.

Имела такие черты и наша новая операция, получившая название Острогожско-Россошанской. Прежде всего мы отказались при ее подготовке и проведении от господствовавшего в то время метода последовательного выполнения задач: прорыв обороны — окружение войск противника — дробление окруженной группировки на части — уничтожение ее по частям. Теперь мы планировали окружение и уничтожение противника как одновременное действие. Уничтожение намечалось проводить, не дожидаясь полного окружения и создания внешнего фронта.

Была у этой операции и другая особенность: основные ударные группировки наших войск действовали в совершенно разных условиях. Войскам 40-й армии в самом начале операции предстояло совершить фронтальный прорыв хорошо развитой обороны противника. Да и местность здесь больше благоприятствовала обороняющейся стороне — была в меру пересеченной. Что же касается 3-й танковой армии, то перед нею оказался противник, поспешно перешедший к обороне. Части 8-й итальянской армии, после разгрома главных ее сил в операции «Сатурн», остановились на случайном рубеже, прикрывая правый фланг своего альпийского корпуса, оборонявшегося по реке Дон. По сути дела, здесь создались условия для стремительного наступления на Россошь и Алексеевку.

Строго говоря, 3-й танковой армии следовало бы в связи с этим по-иному эшелонировать свои войска: в первый эшелон поставить танковые корпуса, а стрелковые

дивизии уже с первого дня наступления использовать для дробления и уничтожения итальянского альпийского корпуса. В действительности же оперативное построение войск 3-й танковой армии осталось традиционным для того времени: в первом эшелоне наступали стрелковые дивизии и только на второй день боев включились в дело танковые корпуса.

В своеобразных условиях действовал и 18-й стрелковый корпус. Ему предстояло прорвать оборону противника, подготавливавшуюся в течение пяти-шести месяцев, и расцечь основную группировку 2-й венгерской армии. Затем части корпуса одновременно должны были «смаывать» фронт противника в сторону Острогожск, Сагуны, Подгорное и уничтожать его во взаимодействии с войсками 40-й и 3-й танковой армий.

Общим же для всех трех наших ударных группировок являлось то, что на первом этапе операции они действовали па узком фронте. 40-я армия прорывала оборону противника с плацдарма в 13 километров. 18-й стрелковый корпус имел фронт прорыва восемь километров. А 3-я танковая армия наносила удар с рубежа в 12—13 километров. При этом каждая из группировок была отделена от другой значительным расстоянием: участок прорыва 18-го стрелкового корпуса находился в 50 километрах от участка прорыва 40-й армии и в 130 километрах от района действий 3-й танковой армии.

Первый удар 40-й армии и 18-го стрелкового корпуса пришелся всего лишь по нескольким дивизиям противника, оборона которых занимала по фронту не более 25 километров. Главные неприятельские силы, оборонявшиеся на фронте свыше 270 км (от Воронежа до Кантемировки), оставались без всякого воздействия с нашей стороны. Это обстоятельство вызывало у нас естественное беспокойство, особенно за правый фланг 40-й армии со стороны Воронежа. Противник имел реальную возможность снять несколько своих дивизий перед фронтом 38-й и 60-й армий, чтобы нанести мощный контрудар во фланг наступающей 40-й армии. Требовалось обязательно найти и принять какие-то меры, чтобы не допустить этого. Но какие?

Дело в том, что из трех наших ударных группировок лишь одна (3-я танковая армия) не пуждалась в подкреплении за счет соседей. 18-й стрелковый корпус только

что создавался, вобрав в себя правофланговые дивизии 6-й армии, не участвовавшие в операции «Сатурн». Да и 40-я армия не вполне отвечала своему почтенному названию: вначале она имела в своем составе всего-навсего четыре стрелковые дивизии.

Конечно, мы включили сюда три стрелковые дивизии и танковую бригаду, полученные из резерва Ставки. К ним добавили еще три стрелковые дивизии, одну стрелковую бригаду и три танковые бригады из состава 38-й и 60-й армий. Наконец, было принято смелое решение — усилить ударные группировки войсками, оборонявшими так называемые пассивные участки к югу от Лисок. Такими у нас считались участок Коротояк — Щучье (45 км) и участок Щучье — Новая Калитва (120 км). Отсюда мы сняли боевые части, а их место в обороне заняли учебные батальоны стрелковых дивизий, запасной стрелковый полк и даже армейские курсы младших лейтенантов. В тылу у них временно разместились фронтовые резервы.

Таким образом, силы фронта были уже достаточно напряжены, а нам еще требовалось как-то связать противника в районе Воронежа. С этой целью 60-я армия должна была нанести отвлекающий удар с плацдарма из района Сторожевое-1 на север в направлении Борщево, Гремяче.

В результате окончательно определилось, что 40-я армия будет наступать в составе пяти стрелковых дивизий (141, 107, 305, 340 и 25-й гвардейской), одной стрелковой бригады, одной лыжной и трех танковых (86, 115, 150-й). Кроме того, она усиливалась артиллерийской дивизией восьмиполкового состава и дивизией гвардейских минометов. Из фронтовых резервов в полосе 40-й армии предполагалось использовать две стрелковые дивизии и 5-й танковый корпус¹.

18-й стрелковый корпус к началу наступления имел в своем составе четыре стрелковые дивизии, одну отдельную стрелковую бригаду и две танковые бригады. На усиление он получал отдельные полки ствольной артиллерии и гвардейских минометов.

¹ 5-й танковый корпус прибыл на Воронежский фронт с опозданием и не смог участвовать в операции.

С воздуха наступление всех трех ударных группировок фронта поддерживалось двумя истребительными, двумя штурмовыми и одной бомбардировочной дивизиями.

Подготовка завершается

В штабе фронта и штабе 40-й армии планирование операции закончилось в основном 25 декабря. В 3-й танковой армии и 18-м стрелковом корпусе оно несколько затянулось.

Штаб корпуса в силу своей молодости оказался просто не в состоянии справиться с этой сложной работой. В помощь ему пришлось привлечь офицеров фронтового управления. Ну а штаб 3-й танковой армии вначале находился еще в Туле и занимался отправкой войск по железной дороге, а затем сам вместе с командармом погрузился в эшелон и двинулся в район Кантемировки. Он потратил на дорогу пять драгоценных суток, хотя мог бы прибыть на место за сутки на автомашинах и за несколько часов — на самолетах.

С 3 января 1943 года подготовку операции взяли под свой контроль представители Ставки — генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский. На командном пункте фронта, в поселке Анна, они заслушали наши доклады. О противнике докладывал начальник разведки фронта. Он достаточно хорошо знал группировку и характер обороны противника, а потому все его выводы были приняты без возражений. Не вызвали замечаний и доклады по планированию операции (докладчиков было два: автор этих строк и командующий артиллерией фронта). Хорошо доложил начальник тыла генерал-майор В. Н. Власов.

В общем, все доклады прошли в спокойной, деловой обстановке и получили положительную оценку. На следующий день представители Ставки вместе с командующим и членом Военного совета фронта выезжали в войска 40-й армии, в результате чего в план операции были внесены некоторые поправки.

Не обошлось и без курьезов. Один из офицеров-связистов своим неточным докладом здорово запутал дело. На вопрос Г. К. Жукова, работает ли радиосвязь, он из самых лучших побуждений ответил:

— Так точно, работает. Держим радиосвязь со всеми соединениями армии.

Офицер при этом имел в виду готовность средств связи, их рабочее состояние, а генерал армии Жуков понял его в буквальном смысле и не па шутку встревожился: ведь таким образом могла быть раскрыта наша подготовка к наступлению и даже группировка войск.

По возвращении на командный пункт фронта тт. Жуков и Василевский в сопровождении Ф. И. Голикова, члена Военного совета фронта Ф. Ф. Кузнецова и начальника войск связи Красной Армии И. Т. Пересыпкина зашли ко мне, чтобы ознакомиться с оперативным ориентированием Генерального штаба по другим фронтам. И тут генерал армии вдруг заявил:

— Имею серьезные претензии к штабу фронта и лично к начальнику штаба.

Я приготовился выслушать их.

— Разглашена подготовка к предстоящей операции работой радиостанций, — продолжал Г. К. Жуков.

Будучи твердо убежден, что с радиосвязью у нас полный порядок, я попытался рассеять недоразумение. Удалось это с трудом.

На участках прорыва нам удалось создать хорошую артиллерийскую плотность. В 40-й армии она составила 150—170 стволов на километр фронта, а в полосе 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии — по 120—130 стволов. Сверх того, каждая группировка подерживалась значительным количеством «катюш».

Оперативное построение всех трех ударных группировок было двухэшелонным. Во втором эшелоне 40-й армии находились стрелковая дивизия, отдельная стрелковая и отдельная танковая бригады. Второй эшелон 18-го стрелкового корпуса состоял только из одной дивизии. В 3-й танковой армии для действий во втором эшелоне, как уже говорилось выше, предназначались танковые корпуса. Кроме того, в ее полосе предполагалось использовать две стрелковые дивизии (72-ю гвардейскую и 160-ю) из фронтового резерва.

Все войска, готовившиеся к наступлению, были хорошо обеспечены боеприпасами, горючим, продовольствием, теплой одеждой. Повсеместно была проведена большая

политическая работа: личный состав ясно представлял себе значение предстоящих боевых действий.

У нас не было сомнений в успехе. Единственно, что несколько тревожило, это глубокий снег. Снежные заносы в низких местах могли оказаться серьезным препятствием для действий наших танков. А сугробы на дорогах усложняли маневр гвардейских минометов и колесного транспорта. Но наступление не бывает без трудностей, как не бывает войны без крови.

Опережая плановые сроки

13 января проводилась разведка боем на всех участках предстоящего наступления. В ней участвовали по одному-два стрелковых батальона от каждой дивизии первого эшелона. Каждый батальон поддерживался огнем одного-двух артиллерийских дивизионов и залпами гвардейских минометов.

В полосах 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии разведка прошла обычным порядком. Батальоны вклинились в боевые порядки обороны противника, вскрыли его огневую систему и оттянулись на свои исходные позиции.

Но в полосе 40-й армии события стали развиваться совершенно неожиданно. Огневой удар нашей артиллерии и гвардейских минометов был здесь настолько ошеломляющим, а атака пехоты настолько стремительной, что 7-я венгерская дивизия не выдержала и начала беспорядочный отход. Командующий 40-й армией генерал-майор К. С. Москаленко правильно оценил сложившуюся ситуацию и с одобрения командующего фронтом стал вводить в бой главные силы первого эшелона. В результате к исходу дня здесь обозначился серьезный успех. Наши войска прорвали оборону противника на фронте шесть-семь километров и продвинулись в глубину до семи километров.

Утром 14 января на флангах сторожевского плацдарма была проведена сильная артиллерийская подготовка, которую предполагалось провести только 15 января — в день запланированного начала операции. После этого наступление пошло еще лучше: ширина прорыва удвоилась, а в глубину войска продвинулись до 12 километров и к ис-

ходу дня завязали бои за опорные пункты Оськино и Солдатское.

Таким образом, еще за сутки до намеченного срока общего наступления 40-я армия осуществила прорыв тактической зоны обороны противника и создала благоприятные условия для активных действий войск левого фланга 60-й армии. А с утра 15 января в соответствии с планом повели наступление 3-я танковая армия и 18-й стрелковый корпус. В течение дня им тоже удалось преодолеть тактическую глубину неприятельской обороны, и уже в ночь на 16 января был введен в бой второй эшелон 3-й танковой армии. Ее танковые корпуса устремились в направлении Россошь, Алексеевка. На рассвете 16 января перешел в наступление и кавалерийский корпус, взяв направленно на Ровеньки, Белый Колодезь, Валуйки.

Городом Россошь танкисты овладели с ходу. Стрелковые дивизии 3-й танковой армии, оказавшиеся теперь во втором эшелоне, закрепляли их успех. Одна из них пошла на Подгорное для завершения окружения войск итальянского альпийского корпуса. В тот же день, 16 января, стало очевидно, что весь этот корпус, а также часть сил 156-й дивизии итальянцев отрезаны. Оставалось только пленить или уничтожить эти войска. Но тут командующий 3-й танковой армией П. С. Рыбалко допустил просчет: увлекшись, очевидно, первым успехом, он выделил для этой цели слишком мало сил — всего одну дивизию. Альпийские дивизии итальянцев смяли ее боевые порядки и начали отход на Валуйки, правда без артиллерии и тылов.

Наступление 18-го стрелкового корпуса развивалось строго по плану. После тактического прорыва одна его дивизия повернула на Марки, Старые Сагуны; во взаимодействии с 270-й стрелковой дивизией, наступавшей из района Павловска, ей предстояло уничтожить левофланговый корпус венгерской армии. Главные же силы продолжали наступать в направлении Каменки. Потом часть из них отклонилась на запад и во взаимодействии с войсками 40-й армии приступила к уничтожению острогожской группировки противника.

Решающими днями операции были 19 и 20 января. В первый из этих двух дней танковые корпуса овладели районом Алексеевка, а передовые части 40-й армии подошли вплотную к Ильинке, замкнув кольцо окружения

главных сил 2-й венгерской армии. В это же время на рубеже Новосолдатская, Репьевка, Красное, Афанасьевка 40-я армия создала внешний фронт окружения. Юго-западнее Алексеевки на внешний фронт вышел и кавкорпус.

Кавалеристы в этой операции действовали не только успешно, но и очень красиво. Не встречая организованного сопротивления, они громили тылы итальянской армии и в высоком темпе продвигались к узловой станции Валуйки. Пройдя за четверо с половиной суток около 180 километров, кавкорпус овладел этим узлом и принял здесь бой с тремя итальянскими дивизиями, отходившими с рубежа Павловск — Новая Калитва.

У итальянцев, как видно, не было желания затягивать сопротивление. Бесцельность этого раньше других понял командир альпийского корпуса — он уже 16 января ретировался на запад. Командиры дивизий оказались достойнее его. Они не бросили свои войска, а вместе с ними шли на Валуйки, рассчитывая, по всей вероятности, закрепить-ся в этом районе.

Штаб Воронежского фронта вел непрерывное авиационное наблюдение за их движением и ориентировал как командующего 3-й танковой армией, так и командира кавкорпуса. В районе Валук кавалеристы подготовили итальянцам надлежащую встречу. Ошеломив противника залпом «катюш», 11-я гвардейская кавалерийская дивизия атаковала его в конном строю. Случилось это в яркий солнечный день. Кавалеристы мчались по снежному полю в своих черных бурках с развевающимися башлыками. Блеск клинков, крики «ура», скачущие лошади — все это окончательно деморализовало итальянцев. В непродолжительном сопротивлении противник потерял убитыми и ранеными до 1500 человек. Началась массовая сдача в плен. Жалко выглядели эти люди. Среди голодных солдат и офицеров было много обмороженных. Даже старшие начальники, одетые несколько теплее, после десяти дней плохо организованного отхода производили весьма унылое впечатление.

Пленные доставили нам немало хлопот. Для препровождения их в лагерь требовались конвоиры. А войска ведь продолжали наступление, и в подразделениях был дорог каждый солдат. Некоторые командиры частей стали вооружать женщин-колхозниц, и те добросовестно препро-

вождали непрошенных гостей по назначению. В других случаях пленным просто выдавалась сопроводительная записка с указанием лагеря, и они сами следовали туда. Доходили все до единого. Бежать было некуда: фронт отодвигался все дальше и дальше на запад, а вокруг только заснеженная степь да лютая пурга...

Предупрежденные еще раньше Александром Михайловичем Василевским в отношении точности докладов о количестве пленных и трофеях, мы придирчиво сверяли донесения из войск с фактической наличностью. Что касается пленных, то здесь все сходилось — точность была абсолютной. А вот с трофеями оказалось хуже. Некоторые донесения потребовали значительной корректировки.

Однако и после этого цифры остались внушительными. Острогжско-Россошанская операция завершилась полным разгромом и пленением до шестнадцати дивизий противника общей численностью 80 000 человек. В качестве трофеев была полностью захвачена боевая техника 2-й венгерской армии и целого корпуса итальянской. В итоге это составило 170 танков, 1700 орудий, до 400 минометов, свыше 2500 пулеметов, 6000 автомашин, 55 000 винтовок, до 600 000 снарядов и до десяти миллионов патронов. Кроме этого, были взяты склады с большими запасами продовольствия и вещевого имущества, а также до 2000 лошадей.

Результаты Острогжско-Россошанской операции обретут в глазах читателя еще большую значимость, если напомнить здесь, что войска Воронежского фронта не имели в ней численного превосходства над противником. Без ложной скромности можно сказать, что в данном случае был успешно осуществлен смелый оперативный замысел и проявлено определенное искусство в управлении войсками.

Противнику не удалось даже разрушить железную дорогу Лиски — Россошь — Кантемировка — Миллерово. Целым остался и железнодорожный мост в Лисках через реку Дон. Все это было очень важно, и не столько для нас самих, сколько для соседнего Юго-Западного фронта. Но может быть, важнее всего было то, что после Острогжско-Россошанской операции создавались благоприятные условия для новых наступательных операций.

Дороги наступления особенно хороши тогда, когда не кончаются тупиком, а ведут дальше вперед!

Время сгладило в моей памяти некоторые детали зимних событий 1943 года. Тогда Советская Армия вела большое стратегическое наступление на многих фронтах, одерживая замечательные победы. Частные «местные» впечатления нередко растворялись в потоке больших дел и радостных вестей.

Однако стоит мне только взглянуть на рабочую карту штаба Воронежского фронта — и передо мной сразу воскресает оперативная обстановка тех дней. Наша сторона довольно густо пестрит условными обозначениями армий, корпусов, дивизий, бригад. На неприятельской стороне таких значков к январю поубавилось.

Размышляя над картой, невольно начинаешь думать за противника. И просто диву даешься, в какую оперативную ошибку впадали тогда штабы группы армий «Б» и 2-й немецкой армии. Только безнадежные рутинеры могли пренебрегать опасностью, нависшей над войсками 2-й немецкой армии после Острогожско-Россошанской операции.

В обороне противника на харьковском направлении от Осыкина до Сватова создавалась большая брешь, достигавшая 200 километров. У неприятельского командования не оказалось резервов для создания здесь нового фронта. Самая близкая группировка его войск в составе восьми—десяти дивизий 2-й немецкой армии оборонялась южнее Ливны и северо-западнее Воронежа. Но она была связана в своем районе, и у нее имелось немало собственных забот и беспокойств. Ведь все ее коммуникации, идущие через Касторное на запад, находились под угрозой удара наших войск из Осыкина и Репьевки.

У 2-й немецкой армии имелись все основания считать свое южное крыло наиболее уязвимым — оно прикрывалось остатками разбитой 2-й венгерской армии. Но и на севере нужно было ухо держать востро: там нависали 13-я армия Брянского фронта и 38-я Воронежского.

Между тем немецкое командование не собиралось отводить свои войска из района Воронежа. Что это было — недооценка наших сил или сознательная жертва, — сказать затрудняюсь. На пряжках солдатских ремней у немцев, как известно, выбивался девиз: «С нами бог!» Думается, что в данном случае они больше всего уповали

на «всевышнего». Но у нас-то отношения с ним были иными. И потому мы не стали упускать благоприятных возможностей. Незамедлительно развернулась энергичная подготовка к новой наступательной операции, получившей наименование Воронежско-Касторненской.

Она должна была проводиться войсками двух фронтов — Брянского и Воронежского. С Брянского фронта привлекалась 13-я армия в составе шести стрелковых дивизий и двух танковых бригад. Из Воронежского фронта на это выделялись 60-я и 40-я армии. Они наносили главный удар из района Архангельское, Репьевка, Сторожевое-1 силами десяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса и четырех отдельных танковых бригад. Кроме того, севернее Воронежа из района Солдатское, Тербуны небольшими силами наступала 38-я армия.

В операции участвовали также две воздушные армии — 2-я, имевшая в своем составе до 200 самолетов (Воронежский фронт), и 16-я в составе 300 самолетов (Брянский фронт).

Замыслом операции предусматривалось окружение и уничтожение до десяти немецких дивизий. Все они были достаточно укомплектованы и с сентября 1942 года не вели активных действий. Почти повсеместно оборона противника опиралась на многочисленные инженерные сооружения. Особенно развитую и прочную оборону противник имел на участках прорыва 13-й и 38-й армий. Оборона венгерских дивизий, которые прикрывали немецкую группировку южнее Воронежа, создавалась уже после 17 января 1943 года и, конечно, прочностью не отличалась. Мы считали, что артиллерийская плотность, созданная нами в полосе 60-й и 40-й армий — в 120—130 стволов на километр фронта, — была вполне достаточной для обеспечения успеха.

Операция началась, однако, не на этих главных направлениях, а гораздо дальше от Касторного, на левом крыле Воронежского фронта. Было это еще 24 января, когда стрелковые дивизии 3-й танковой армии, а также части 18-го отдельного стрелкового корпуса стали выходить на линию железной дороги Новый Оскол — Волоконовка. Их задачей являлось: привлечь на себя оперативные резервы противника и не позволить ему воздействовать на главную группировку войск Воронежского фронта, которая закапчивала подготовку к наступлению.

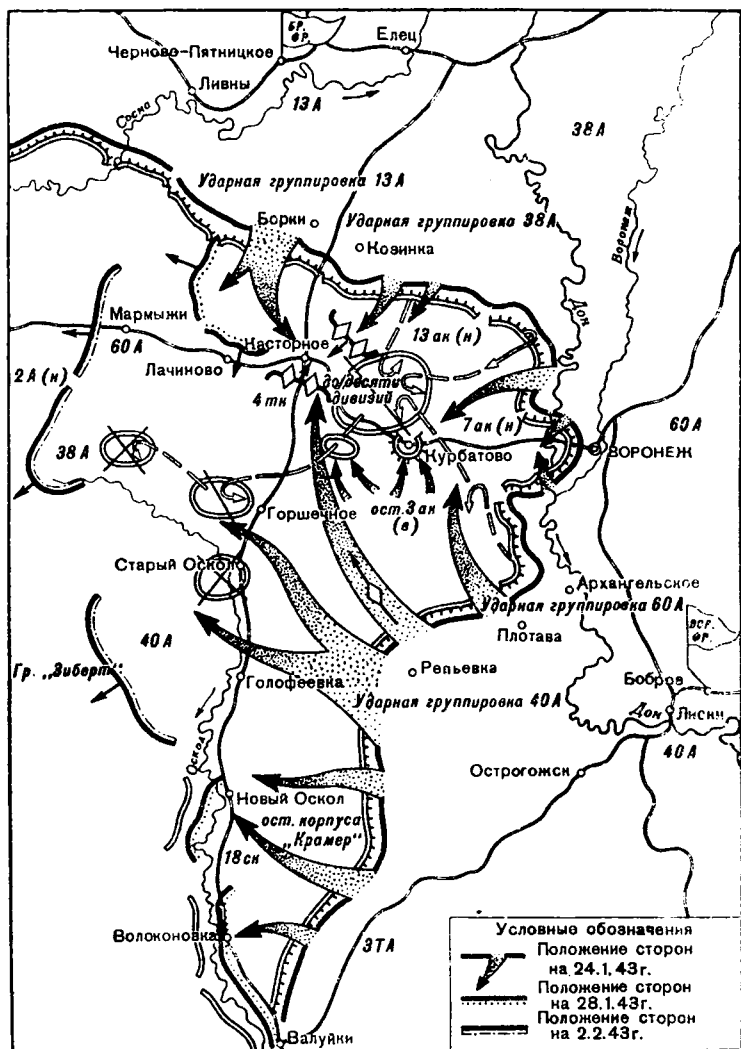


Схема 5. Воронежско-Касторненская операция в январе — феврале 1943 г.

Помимо всего прочего, такие действия вдали от Касторного послужили неплохой оперативной маскировкой наших истинных намерений в районе Воронежа.

После овладения Новым Осколом 29 января 1943 года 18-й отдельный стрелковый корпус преобразовался в 69-ю армию. Командующим ее назначили меня, членом Военного совета — генерал-майора А. В. Щелаковского, начальником штаба — генерал-майора З. З. Rogozного. Состав войск в новой армии оставался примерно таким же, каким был в 18-м стрелковом корпусе, да и задачи в первые дни существенно не изменились.

С самого начала Воронежско-Касторненской операции боевые действия приобрели довольно напряженный характер.

25 января прорвали тактическую зону обороны противника войска 60-й и 40-й армий. 26 января перешли в наступление 13-я и 38-я армии. Но продвижение их осуществлялось не очень быстро. Помимо сильного сопротивления немецких дивизий приходилось преодолевать еще и снежные заносы. Средний темп наступления на нашем правом крыле составлял восемь — десять километров в сутки, а в полосе 40-й армии — до двадцати километров.

Окончательно успех определился лишь 28 января, когда танковые бригады, наступавшие с севера, заняли Касторное, Лачиново, Олым, а танкисты, действовавшие на южном фланге, овладели Старым Осколом, Горшечным и Кулевкой. К сожалению, эти наши части по своим боевым возможностям оказались не в состоянии надежно отрезать противнику пути отступления. Почувствовав реальную опасность, немцы стали пробиваться на запад. При этом они применяли самые разнообразные методы: то просачивались в ночное время в промежутках между опорными пунктами, занятыми нашими войсками, то прорывались через боевые порядки наших танковых частей. Отход по полям, без дорог, вне населенных пунктов не улыбался командирам немецких дивизий, отрезанных восточнее железной дороги Касторное — Старый Оскол. Немцы ожесточенно дрались даже за относительно небольшие пункты, уже занятые нашими танкистами. Некоторые из

них по несколько раз переходили из рук в руки, а были и такие, где противник держался буквально до последнего солдата.

К 30 января главные силы Воронежского фронта занимали следующее положение:

38-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов) сосредоточивалась в Мармышах и Лачинове;

60-я армия (командующий генерал-лейтенант И. Д. Черняховский) заканчивала сосредоточение в районе Касторное;

40-я армия (командующий генерал-лейтенант К. С. Москаленко) вышла на рубеж Быково, Старый Оскол, Архангельское;

69-я армия (командующий генерал-лейтенант М. И. Казаков) вышла на рубеж Голофеевка, Волоконовка;

3-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант П. С. Рыбалко) выходила к железной дороге Волоконовка — Валуйки;

6-й гвардейский кавалерийский корпус (командир генерал-майор С. В. Соколов) находился в районе Уразово.

Непродолжительная по времени Воронежско-Касторненская операция была весьма значительной по результатам. Совместными усилиями войск Брянского и Воронежского фронтов было разгромлено до двенадцати дивизий врага, из них девять немецких. Противник потерял свыше 15 000 убитыми (главным образом за счет немецких дивизий). А в плен только войсками Воронежского фронта было взято 27 000 человек. В числе трофеев — 143 танка, 765 орудий и минометов, свыше 2300 автомашин, огромное количество стрелкового оружия, 300 000 снарядов и 32 железнодорожных состава с различным военным имуществом.

В итоге этой наступательной операции войска фронта очистили от противника значительную территорию Воронежской и Курской областей с городами Воронеж, Касторное, Старый Оскол, Новый Оскол, Волоконовка. Без всяких разрушений вернулись к нам железные дороги Касторное — Валуйки и Воронеж — Касторное. Перед войсками нашего фронта раскрылись возможности для

дальнейшего наступления на двух операционных направлениях — курском и харьковском.

К слову сказать, еще в те дни, когда бушевали бои под Касторным, во фронтовом и армейских штабах уже разрабатывался план новой, Харьковской наступательной операции под условным наименованием «Звезда». Мне лично пришлось участвовать в этой операции в двух ролях — сначала в роли начальника штаба фронта, планировавшего ее, а потом в роли командующего войсками 69-й армии.

ОПЕРАЦИЯ «ЗВЕЗДА» И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Наш замысел

Среди других наступательных операций Воронежского фронта операция «Звезда» занимает особое место как по замыслу, так и по его выполнению. Она логически вытекала из двух предшествовавших, продолжала и должна была достойно завершить их, равно как и всю зимнюю кампанию 1943 года. В ней участвовали решительно все войска фронта, и боевыми действиями охватывался очень обширный район Воронежской, Курской, Белгородской и Харьковской областей.

Эта наступательная операция проводилась в новых условиях. «Звезда» должна была начаться не прорывом обороны противника, как это мы делали во всех прошлых операциях, а прямо развитием успеха, уже достигнутого войсками. Борьбу с противником предстояло вести на промежуточных рубежах его обороны, состоявших в основном из отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов.

В прежних наступательных операциях нам приходилось иметь дело со смешанным составом неприятельских войск: немецкими дивизиями, итальянскими, венгерскими. Теперь же перед нами стояли только немецко-фашистские войска, причем большинство из них было переброшено в районы Харькова, Белгорода и Волчанска с других направлений или непосредственно из Германии. Все это требовало от нас повышенной организованности, большой гибкости в руководстве боевыми действиями.

Основной целью операции было уничтожение войск противника, оборонявшихся на рубеже Тим, Оскол, Волоконовка, Валуйки, разгром его оперативных резервов в Курске, Белгороде, Харькове и овладение этими крупными городами.

Главные усилия сосредоточивались на харьковском операционном направлении. Здесь с рубежа Старый Оскол, Валуйки должны были наступать войска 40, 69, 3-й танковой армий и 2-го гвардейского кавкорпуса. В начале наступления им предстояло действовать на широком фронте, а в дальнейшем, по мере продвижения, фронт перед этой группировкой сужался примерно наполовину.

Справа от 40-й армии в направлении Мантурово, Прохоровка, Томаровка планировалось наступление 38-й армии, но перед тем она должна была завершить уничтожение группировок противника в районе Тим, Мантурово. Следовательно, в первые дни наступления правый фланг главной группировки войск фронта оставался открытым со стороны Курска и Сум.

60-я армия имела задачу нанести вспомогательный удар из района Касторное на Курск. По мере продвижения войск 38-й армии полоса ее расширялась.

Левее нашей 3-й танковой армии, в направлении Сватово, Балаклея, должны были наступать войска 6-й армии Юго-Западного фронта.

Рассматривая план операции «Звезда», искушенный читатель не может не обратить внимания на одну странность: почему переkreщиваются полосы 38-й и 60-й армий? На завершающем этапе Воронежско-Касторненской операции войска 38-й армии находились в районе Мармыши, Быково, Кшенъ, а тылы ее базировались на станцию Долгоруково. Войска же 60-й армии сосредоточивались тогда в районе Касторное, а базировалась она на железную дорогу Графская — Отрожка. Теперь эти армии менялись местами: 60-я занимала район севернее 38-й.

Смысл такого переkreщивания полос двух армий объяснить трудно, но рассказать, как это получилось, следует.

Еще в начале Воронежско-Касторненской операции командующий фронтом сказал командармам Н. Е. Чибисову и И. Д. Черняховскому:

— План дальнейших действий ваших армий будет зависеть от результатов этого наступления. На Харьков пойдет та армия, войска которой освободят Касторное.

Городом Касторное овладели войска 38-й армии, и теперь, в порядке поощрения за успех, она включалась в главную группировку для наступления на Харьков. Честь быть освободителем второго города Украины представляла

Мои товарищи по учебе:

Я. С. Шаробурко
П. И. Голубев
Ф. К. Корженевич
М. В. Ивашечкин
М. Д. Грецов
Е. Г. Уздин
В. С. Горский



Мои товарищи по учебе:

А. И. Антонов

М. С. Малинин

П. А. Ротмистров

Е. Г. Троценко

А. И. Данилов

С. П. Синяков

А. В. Герасимов





Мои товарищи по учебе:

- А. И. Гастилович
- В. С. Голушкевич
- К. Ф. Скоробогаткин
- Г. А. Степанов
- С. А. Краснопевцев
- А. К. Козоковцев
- З. З. Рогозный,





1

2



3

4



5

**Преподаватели академии
им. М. В. Фрунзе**

1. В. А. Дьячков
2. М. С. Свечников
3. Ф. И. Кузнецов
4. И. И. Щелоков
5. Ф. П. Шафалович



6

7



8

9



10



**Преподаватели академии
им. М. В. Фрунзе**

- 6. К. Г. Берендс
- 7. Н. Н. Шварц
- 8. Н. Г. Семенса
- 9. М. М. Загю
- 10. А. К. Калиновский



К. К. Рокоссовский



И. С. Конев



Н. Ф. Ватулин



М. В. Захаров



Л. М. Сандалов



Н. П. Пухов



А. С. Жадов



А. И. Еременко



В. Н. Богаткин



В. В. Курасов



М. И. Казаков (справа) и А. Т. Стученко



К. Н. Галицкий



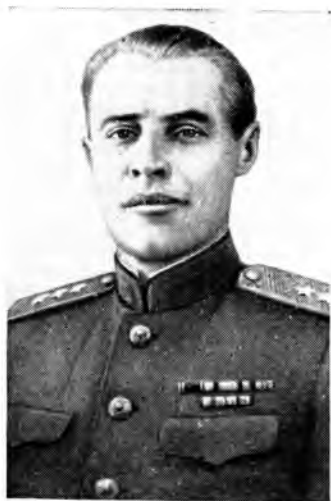
В. А. Юшкевич



Л. А. Говоров



И. Х. Баграмян



М. М. Попов



Н. Е. Чибисов



Войска 10-й гвардейской армии преодолевают горящий лес

✓



Н. Г. Хоруженко



М. Э. Москалик



Н. М. Овчинников



А. Д. Кулешов



Руководящий состав 30-й гвардейской стрелковой дивизии. Второй
справа М. А. Исаев



М. Ф. Андриюшенко



Г. И. Ломов



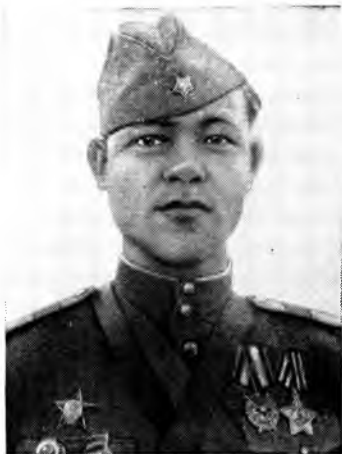
А. А. Малиновский



И. А. Фадейкин



К. С. Бочкарев



Г. Синицин



В. Пьяных

И. Кириллов



Пехота в боях на режницком направлении



Б. Б. Городовиков беседует со снайперами Р. Шаниной и Д. Полыголовой



В освобожденной Мадоне

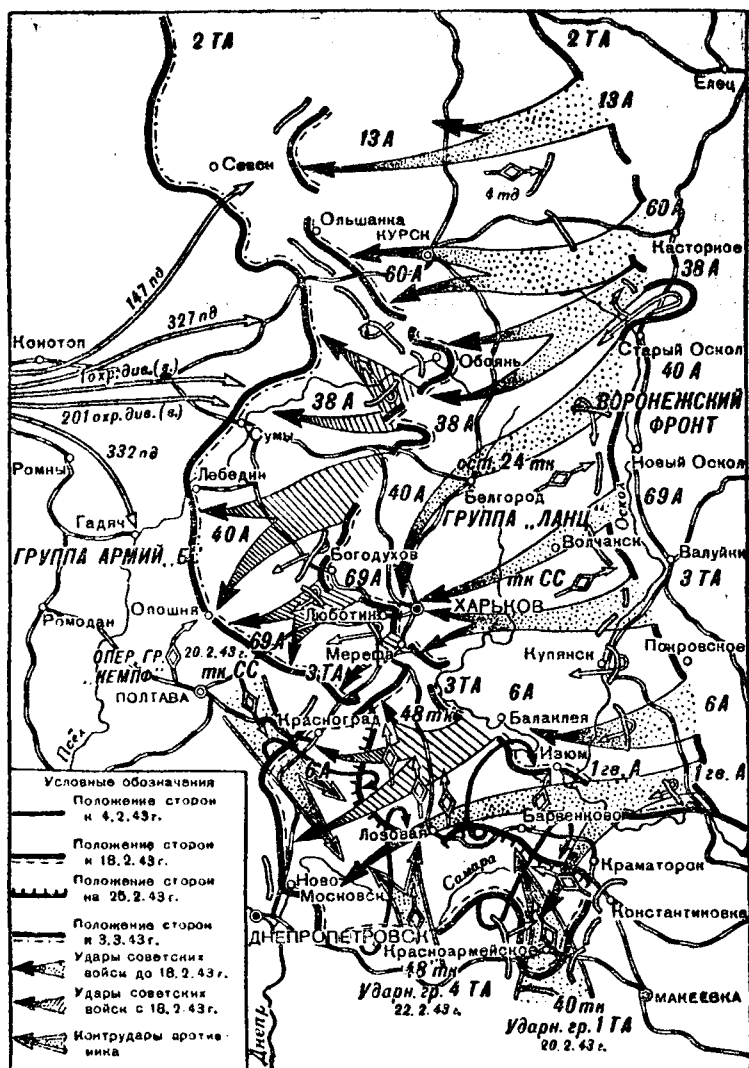


Схема 6. Харьковская наступательная операция в феврале — марте 1943 г.

большой соблазн не только для командармов, но и для всего личного состава.

Справедливости ради надо сказать, что условия действий этих двух армий в Касторненской операции нельзя считать равными. Войска 38-й наступали в непосредственном взаимодействии с сильной группировкой 13-й армии и по кратчайшему направлению на Касторное (35—40 км). А войскам 60-й предстояло преодолеть вдвое большее расстояние (75—90 км), да и сопротивление противника на ее направлении ожидалось более упорное. Только чудо могло помочь ей в соревновании с 38-й за овладение Касторным.

Чуда не произошло, но своеобразный способ поощрения командарма 38 остался в силе. И это прибавило очень много дополнительной работы как штабу фронта, так и штабам двух армий (не говоря уж о материальных издержках). Нужно было в сжатые сроки перегруппировать войска и тылы, перебазировать армии на новые станции снабжения, отрегулировать движение на маршрутах боевых частей, и особенно на узлах дорог. Зимние условия еще больше усложняли все это.

Но вернемся к существу плана наступательной операции «Звезда».

Общая ее глубина определялась в 200—250 километров с выходом войск на рубеж Ракитное — Грайворон — Богодухов — Люботин — Мерефа. Распадалась она на два этапа. В первом этапе предусматривалось уничтожение войск противника по линии железной дороги Старый Оскол — Валуйки и выход к Северному Донцу на фронте Белгород, Волчанск, Печенега. Во втором этапе предстояло овладеть Харьковом и выдвинуться на рубеж, завершающий операцию.

При разработке решения и планировании операции штаб фронта не избегал ошибок. Наиболее существенная из них состояла в том, что наступление войск фронта предусматривалось в одном оперативном эшелоне и даже не создавались оперативные резервы. Командующий фронтом поставил себя в такое положение, при котором он фактически почти не мог влиять на ход операции. Не имели резервов и командующие армиями. Все надежды связывались с успешным и решительным продвижением войск.

Очевидным просчетом являлось и то, что усилия трех армий, составлявших ударную группировку, направлялись

к одному объекту — городу Харьков. 40-я армия получила задачу наступать в общем направлении Белгород, Харьков, охватывая последний с северо-запада, и только силами одной дивизии наносить удар на Богодухов. 69-я целиком нацеливалась на Харьков (через Волчанск). 3-я танковая должна была действовать в направлении Печенега, Чугуев, Люботин, обходя Харьков с юго-запада.

Харьков, словно магнит, притягивал к себе наступающие войска.

Конечно, заранее трудно было предугадать, что 40-я и 3-я танковая армии вместо глубокого обхода Харькова поведут наступление главными силами прямо на город. Но исключать такую возможность, конечно, не следовало. И уж во всяком случае здесь нельзя было полагаться на самотек и самодеятельность командармов. Штабу фронта надлежало осуществлять более жесткий контроль за безусловным соблюдением разграничений между армиями и добросовестным выполнением каждой из них всего объема своей задачи. Глубокие, охватывающие удары войск 40-й армии на Богодухов, а 3-й танковой на Мерефу, Люботин неизбежно привели бы к гораздо большим оперативным результатам. В районе Харькова могли быть окружены войска двух корпусов противника — танкового корпуса СС и армейского «Раус».

К сожалению, как мы увидим далее, события в этом районе получили иное развитие.

В роли командарма

Я уже упоминал, что в конце января в составе нашего фронта стала создаваться 69-я армия и мне было доверено командовать ею. Из Острогожска, куда перебазировался командный пункт фронта, я выехал к новому месту службы сразу после завершения планирования операции «Звезда».

Зимний день короток, но его хватило на то, чтобы догнать штаб армии. Он разместился в небольшом населенном пункте восточнее города Новый Оскол.

Дорога запомнилась мне плохо — я ее просто не замечал. Все думалось о повой своей деятельности. Она во многом отличалась от того, чем я занимался до тех пор.

Никто из начальников штабов, тем более начальник штаба фронта, не может пожаловаться на незагружен-

ность работой или малую значимость. ее. Но он не наделен правом принимать самостоятельные решения в отношении действий войск.

Командующий армией наделен этим правом в полной мере и в такой же мере ответствен за все, что происходит в доверенных ему войсках.

Необходимые для командарма качества и навыки сами по себе не приходят. Они вырабатываются только в процессе командования при напряженной боевой деятельности войск. И мне такие возможности предоставились буквально с первых же дней. 69-я армия создавалась в боях. К тому же ее дивизии после завершения Воронежско-Касторненской операции еще не полностью вобрались в полосу, отведенную ей для нового наступления. Словом, хлопот хватало.

Хорошо еще, что заместителем у меня оказался бывший командир 18-го отдельного стрелкового корпуса генерал-майор П. М. Зыков. Он прекрасно знал состояние каждой нашей дивизии и личные качества их командиров, чем оказал мне на первых порах неоценимую помощь.

С большой озабоченностью рассматривали мы стоящие перед армией задачи. Ведь уже около трех недель все ее соединения вели непрерывные бои. Некоторые из них понесли значительные потери. Мало было боеприпасов. Случались перебои в продовольственном снабжении. Солдаты нуждались в отдыхе. Командиры заговорили о скорой оперативной паузе. Но действовать нам предстояло без всяких пауз. Так требовала обстановка, сложившаяся в полосе Воронежского фронта к концу января 1943 года. Мы не имели права задерживаться, рисковать утратой инициативы.

Наступление войск левого крыла фронта в первые дни новой операции (то есть 1 и 2 февраля) проходило без серьезных осложнений. Они сравнительно легко ликвидировали опорные пункты противника на западном берегу реки Оскол и преследовали отходящие части немцев до рубежа Прохоровка, Мелехово, Нежеголь, Белый Колодезь, Великий Бурлук, уничтожая их арьергарды. Но кое-где случились задержки. Например, частям 161-й и 219-й стрелковых дивизий в течение нескольких дней пришлось вести бой в районе Велико-Михайловка с неприятельской мотодивизией «Великая Германия». А ближе к Харькову, на рубеже Мелехово, Шебекино, Белый

Колодезь, Великий Бурлук, противник стал вводить в бой танковый корпус СС¹ и 167-ю пехотную дивизию. С этого момента наступление наших войск заметно замедлилось.

Особенно мне запомнился напряженный бой в районе Белый Колодезь, Приколотное, на стыке 69-й и 3-й танковой армий. Противник выдвинул сюда свою свежую танковую дивизию «Рейх». Используя заранее подготовленные, расчищенные от снега дороги, она умело маневрировала и то там, то здесь предпринимала контратаки против нашей пехоты.

6 февраля неприятельские танки контратаковали на марше близ Белого Колодезя 180-ю стрелковую дивизию. Передовые ее части понесли при этом значительные потери. В некоторых батальонах оказались полностью выведенными из строя противотанковые средства вместе с расчетами, а немецкие танки продолжали наносить удары. Только при развертывании главных сил дивизии их натиск был сломен.

К вечеру обстановка резко изменилась: нам удалось выпудить дивизию «Рейх» к отходу, а в ночном бою полки нашей 180-й стрелковой дивизии окончательно разделились с ней и отбросили далеко на запад.

Не удалось противнику задержаться и на старом, хорошо оборудованном рубеже, с которого он начал свое наступление в конце июня 1942 года. Войска Воронежского фронта с ходу преодолели этот рубеж, форсировали реку Северный Донец и 9 февраля овладели городами Белгород и Волчанск, а также крупными населенными пунктами Рубежное, Салтов, Печенега.

К этому же времени обозначился большой успех на правом крыле фронта: 60-я армия во взаимодействии с 13-й армией Брянского фронта овладела городом Курск.

Несколько отставали, не выдерживая общего темпа наступления, войска 38-й армии. Ее задержали бои южнее Тима, и в последующем она продвигалась за 40-й армией уступом справа. Такое стечение обстоятельств вполне позволяло командованию и штабу фронта исправить ошиб-

¹ Танковый корпус СС имел в своем составе три танковые дивизии: «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Рейх». Заново перевооруженный и полностью укомплектованный, он прибыл на харьковское направление из Западной Европы. Оттуда же была перебросена и 167-я пехотная дивизия. — *Прим. автора.*

ку, допущенную при планировании операции в отношении резервов. Пожалуй, правильнее было бы вывести 38-ю армию во второй эшелон. Можно было изменить и направление удара 40-й армии, нацелить ее на Белгород, Золочев, Богодухов в целях осуществления глубокого обхода Харькова.

Успешно наступали войска соседней с нами 6-й армии Юго-Западного фронта. 6 февраля они овладели Балаклеей и Барвенковым. Этот успех соседа создавал благоприятные условия для маневра 3-й танковой армии. Она получила возможность направить свои танковые корпуса в глубокий обход Харькова с юга. Однако вместо этого наши танкисты продолжали напряженные бои с частями 298-й и 320-й пехотных дивизий противника, отходившими под ударами войск Юго-Западного фронта из района Купянска. В течение восьми дней — с 6 по 14 февраля — главные силы танковой армии были, по существу, скованы в этой малоэффективной, хотя и нелегкой для них, борьбе.

Боевые действия на подступах к Харькову основательно измотали нас. Заметно поредела пехота. Резко сократилось количество боевых машин в танковых корпусах и бригадах. Многие части не имели реальных средств для подавления опорных пунктов противника, и потому бои за такие пункты принимали все более затяжной характер.

Только к утру 15 февраля сопротивление немцев было сломлено и советские войска устремились к Харькову.

Как стало известно впоследствии, командиры немецких соединений опасались окружения и еще за два дня до этого просили разрешения оставить Харьков. В частности, командир танкового корпуса СС делал такие запросы дважды (14 и 15 февраля) и дважды получал отказ. Затем он самостоятельно отдал приказ своим войскам на отход из района Харькова. И хотя этот приказ тотчас же был отменен верховным командованием, части корпуса СС ушли из Харькова.

Наши войска стремительно преследовали отходящего противника и в ночь на 16 февраля полностью овладели городом, а к 18 февраля передовыми частями выдвинулись на рубеж Пожня (25 км западнее Грайворона), Богодухов, Мерефа.

На завершающем этапе операции наиболее отчетливо

проявилась ошибка, допущенная при планировании ее. 40-я и 3-я танковая армии устремились главными силами в город и тем самым позволили противнику, в частности его танковому корпусу СС, отойти на Полтаву. То, чего так опасался командир этого корпуса — глубокого обхода Харькова с северо-запада и юго-запада, — не произошло. Мы не использовали открывшихся перед нами возможностей.

А о том, что обход был возможен, убедительно свидетельствуют боевые действия 6-го гвардейского кавалерийского корпуса. Наступая на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов, его части еще 11 февраля вышли на коммуникации противника за Новой Водолагой и Мерефой. Но кавалеристы действовали, к сожалению, в одиночестве и были отброшены.

День освобождения Харькова — 16 февраля — прочно запечатлелся в моей памяти.

Накануне появились первые признаки ранней весны: ощутимо пригревало солнце, дороги слегка подтаяли. К ночи, однако, подморозило, и наши машины легко бежали по отполированной, как стекло, колее.

На рассвете 16 февраля оперативная группа штаба армии обосновалась в восточной части города. Как водится, первым делом наладили телеграфную связь со штабом фронта и доложили командующему об освобождении Харькова. Нужно ли говорить, что этот радостный доклад был принят самым лучшим образом. Особенно приятно было сознавать, что город не подвергся сильным разрушениям, а некоторые заводы, частично использовавшиеся немцами для ремонта боевой техники, достались нам прямо на ходу.

Мне не сиделось в штабе. Хотелось поскорее осмотреть городские улицы, поговорить с людьми. Еще большее нетерпение проявлял в этом отношении член Военного совета армии А. В. Щелаковский: он ведь длительное время жил и служил в Харькове.

Осматривать город мы выехали вместе. Прежде всего нас интересовало состояние мостов через речки Лопань, Харьков и Нетеча. Они, к сожалению, оказались взорванными. И тут мне впервые довелось услышать популярный среди харьковчан каламбур: «Хоть лопни, Харьков не тече».

День стоял погожий, солнце пригревало, как и накануне. На улицах было много народу. В этой приветливой, по-праздничному бурлящей толпе Щелаковский встретил кое-кого из своих старых знакомых. Завязался оживленный разговор.

— Скорее надо восстанавливать заводы, — говорил Щелаковский.

— Теперь все в наших руках, товарищ генерал, — отвечали ему харьковчане.

Люди твердо верили, что это действительно так. Но Харьков был из тех городов, освобождение которых давалось нам необычайно трудно. Неудача первой Харьковской операции (весной 1942 года) не стала последней нашей неудачей на этом направлении. Харьковчане думали о восстановлении родного города, а тем временем с немецких аэродромов поднимались уже бомбардировщики и где-то западнее Харькова накапливались крупные силы сухопутных войск противника...

В тот же день, 16 февраля, на одной из харьковских улиц судьба свела меня с генерал-лейтенантом П. С. Рыбалко. Я упрекнул его, почему в Харьков непрерывным потоком продолжают вливаться все новые и новые колонны 3-й танковой армии, тогда как по приказу ей надлежало наступать южнее Харькова на Люботин. П. С. Рыбалко пытался объяснить, что в Харьков вошли лишь тылы танковых корпусов и бригад, чтобы использовать здешнюю индустриальную базу для восстановления техники. Это звучало как будто убедительно, но мы уже начали ощущать результаты переполнения города войсками.

В Харькове обосновались тогда три армейских штаба со всеми своими частями обслуживания. Кроме того, 40-я армия ввела в город три стрелковые дивизии, 69-я армия вступила сюда четырьмя стрелковыми дивизиями и одной стрелковой бригадой, 3-я танковая — двумя танковыми корпусами и двумя стрелковыми дивизиями.

Ничего хорошего это не сулило. И если первая половина дня 16 февраля прошла относительно спокойно, то, очевидно, лишь потому, что высшие немецкие штабы не успели еще «переварить» потерю Харькова, а боевая авиация противника завершала перебазирование. Но уже к обеденной поре над городом стали появляться неприятельские бомбардировщики, нанося удары по некоторым цент-

ральным улицам, а следовательно, по войскам и технике, разместившимся здесь.

Надо было уходить из города, и как можно быстрее. Место войск, освободивших город, — в поле.

«Остановки не будет»

Вечером нам снова удалось связаться с командующим фронтом. На этот раз мы пользовались уже не только телеграфным аппаратом «Морзе», но и телефоном.

Переговоры велись «клером». Но поскольку я сам был участником планирования Харьковской операции, мне легко было выяснить дальнейшие наши задачи. И мной, и Ф. И. Голиковым отлично понимался любой полунамек.

— Как будем работать дальше? — спрашивал я. — Так ли, как говорили в последних числах января, или по-другому?

— По-другому, — ответил командующий и потребовал, чтобы мы скорее уходили из того пункта, где расположились. Он ориентировал меня приблизительно о направлении дальнейшего наступления армии и обещал сообщить подробности «письмом».

Было очевидно, что первоначальный план операции меняется. По плану конечной целью действий войск левого крыла Воронежского фронта являлся выход их на рубеж Грайворон, Богодухов, Люботин, Мерефа. Этого рубежа мы почти уже достигли, но Ф. И. Голиков дал мне понять, что на оперативную паузу рассчитывать не следует.

— Остановки не будет, — объявил он по телефону.

А она была очень нужна. Требовалось подтянуть тылы, подвезти боеприпасы, горючее. Боевые части остро нуждались в пополнении личным составом. В некоторых стрелковых дивизиях оставалось всего по 1000—1500 активных штыков, по два десятка орудий, по полсотни минометов. Фактически при такой численности они не имели боеспособных подразделений, а нас ориентировали на продолжение наступления.

В ночь на 17 февраля мы получили обещающее Ф. И. Голиковым «письмо». Это была директива, из которой следовало, что дальнейшей задачей 69-й армии является наступление на Богодухов и Ахтырку, а справа от

нас должна наступать 40-я армия в направлении Лебедина, слева — 3-я танковая армия в направлении Полтавы. Пополнение войск нам предлагалось проводить самостоятельно за счет призыва местной молодежи.

Несмотря на всю необычность такого способа восстановления боеспособности поредевших дивизий, он оказался достаточно эффективным. И тут особенно проявили себя политические работники. Они повсеместно проводили собрания молодежи призывных возрастов, разъясняли ей международное положение и задачи советского народа в Великой Отечественной войне. Результаты всегда были хорошими. Тысячи молодых людей тут же подавали заявления о добровольном вступлении в Красную Армию. Как правило, их направляли сначала в учебные подразделения, а некоторых и прямо в боевые части.

Делалось, кажется, все для того, чтобы выполнить поставленную перед армией задачу. Но где-то в глубине сознания нет-нет да и вспыхивало недоумение: почему командующий Воронежским фронтом внес такие существенные изменения в план Харьковской наступательной операции на завершающем ее этапе? Разъяснилось это несколько позднее.

Разведчики иногда ошибаются

Крупные успехи войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в январские и февральские дни обещали многое. После разгрома противника на Среднем Дону, в районе Воронежа, Курска и Харькова в оперативном построении немецко-фашистских войск образовалась грандиозная брешь от Малоархангельска до Лисичанска — около четырехсот километров. Закрывать ее врагу было нечем, и боевые действия принимали все более маневренный характер. Казалось, ничто уже не может помешать нам на пути к Полтаве и Днепропетровску.

В ежедневных разведсводках с Юго-Западного фронта, а также в его итоговом донесении за февраль утверждалось, что противник якобы сам намерен оставить территорию Донбасса и отводит свои войска за Днепр. Такие выводы базировались на неправильной оценке передвижения танковых колонн противника с оборонительного рубежа на реке Миус. Перемещаясь почти параллельно с войсками правого крыла Юго-Западного фронта в западные районы Донбасса, 1-я и 4-я танковые армии про-

тивника готовились начать оттуда контрнаступление. А штаб Юго-Западного фронта ошибочно расценил эти передвижения как вынужденный отход за Днепр.

Еще во время сражения на подступах к Харькову из штаба Юго-Западного фронта в Ставку шли предложения о целесообразности продолжить наступление и завершить его разгромом всей донбасской группировки противника. В качестве ближайшей задачи в новой операции Юго-Западный фронт брал на себя овладение Днепропетровском и Днепропетровском.

Генштаб тогда же ориентировал командующего Воронежским фронтом «об инициативе левого соседа». Произошел примерно такой разговор: вот-де Юго-Западный фронт будет драться за овладение районом Днепропетровска, а чем вы можете помочь ему?

— Мы поможем соседу своим движением вперед, — пообещал Ф. И. Голиков. — Войска Воронежского фронта будут продолжать наступление с целью овладеть Полтавой и Кременчугом.

Так зарождалась идея, по существу, новой наступательной операции двух фронтов. И если в начальной стадии ее считали всего лишь операцией местного значения, то в последующем она была поднята на уровень стратегической. Директивами Ставки от 6 и 11 февраля 1943 года Юго-Западному фронту вменялось в обязанность: «не допустить отхода противника на Днепропетровск, Запорожье, загнать его донецкую группировку в Крым». А Воронежскому фронту ставилась задача развивать наступление правым флангом на Льгов, Глухов, Чернигов и левым — на Полтаву, Кременчуг.

В части, касающейся 69-й армии, эта директива была доведена до меня лично Ф. И. Голиковым вечером 16 февраля по телефону, после чего я немедленно выехал в Богодухов и уже 17 февраля направлял оттуда дивизии на выполнение новой задачи.

В первые дни операции продвижение наших войск шло успешно. Противник оказывал лишь слабое сопротивление. В полосе 69-й армии мы не встречали ни малейших признаков присутствия своих «старых знакомых» — частей танкового корпуса СС. 23 февраля войска Воронежского фронта заняли города Сумы и Ахтырка. А в ночь перед тем 69-я армия форсировала реку Ворскла в 40 километрах севернее Полтавы. Наша 180-я стрелко-

вая дивизия, захватившая плацдарм на западном берегу этой реки, практически могла бы в течение двух-трех дней овладеть Полтавой. Во всяком случае, так полагали тогда мы сами, оценивая обстановку со своей армейской «колокольни» и даже не подозревая об угрозе контрудара противника в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Несколько сложнее протекали боевые действия в полосе соседа — 3-й танковой армии, наступавшей в направлении Валка, Полтава. Противник прочно удерживал район лесов в треугольнике Мерефа — Валка — Люботин и легко отражал попытки ослабленных танковых корпусов овладеть этим районом. Только 160-я и 305-я стрелковые дивизии, прижавшиеся к левому флангу нашей армии, медленно, но верно продвигались в направлении Ковяги.

Что же касается Юго-Западного фронта, то там сложились еще более трудные условия. Его 6-я армия, под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонова, в ночь на 22 февраля должна была форсировать Днепр и овладеть Днепропетровском и Днепродзержинском. А подвижная группа, возглавлявшаяся генерал-лейтенантом М. М. Поповым, имея совсем мало танков (не более трех-четырех десятков) получила задачу наступать на двух направлениях — на Запорожье, Мелитополь и на Донецк. Но уже в момент доведения этих задач до исполнителей последние с трудом сдерживали натиск 4-й и 1-й танковых армий противника. Против Ф. М. Харитонova и М. М. Попова действовало до двенадцати немецких дивизий, в том числе семь танковых и одна моторизованная.

Контрнаступление против войск Юго-Западного фронта началось 20 февраля и велось исключительно настойчиво по сходящимся направлениям. Танковый корпус СС в составе дивизий «Рейх», «Великая Германия» и «Адольф Гитлер» наступал из района Краснограда в направлении Попасное, Павлоград, а 48-й и 40-й танковые корпуса противника рвались из района Чаплино и Красноармейское на Павлоград и Лозовую.

21 и 22 февраля подвижная группа М. М. Попова, в которой номинально числились четыре танковых корпуса (18, 3, 10 и 4-й гвардейский), две отдельные танковые бригады, одна стрелковая дивизия и три лыжные бригады, стала отходить. Не выдержала натиска превосходящих сил противника и 6-я армия. А в день, определенный

планом операции для форсирования Днепра — 22 февраля, — некоторые части правого крыла Юго-Западного фронта оказались окруженными. Не замеченная вовремя угроза перерастала в катастрофу.

Ставка тут же внесла решительные поправки в свои директивы от 6 и 11 февраля. Нашему фронту было приказано приостановить наступление на Полтаву и главными силами 69-й и 3-й танковой армий нанести удар строго на юг во фланг танковой группировке противника. Командующий фронтом уточнил нам задачи: 69-я армия должна была взять направление на Карловку, 3-я танковая — на Красноград.

Мы хорошо понимали важность своевременного и четкого выполнения этих требований. В ночь на 23 февраля нам удалось провести перегруппировку, и с утра 69-я армия развернулась фронтом на юг. Две стрелковые дивизии соседней 3-й танковой армии (305-я и 160-я) продвигались почти параллельно с нами.

Продвижение шло очень медленно. Да и чего иного можно было ожидать от нас? Наспех пополненная пехота наступала без танков, при нехватке боеприпасов. А встретились мы с лучшими, полнокровными танковыми и моторизованными дивизиями противника.

С 25 февраля наступление 69-й и 3-й танковой армий окончательно выдохлось и замерло на рубеже Рублевка, Чутово, Староверовка. Но штаб фронта не хотел мириться с этим. Через несколько дней 69-я армия получила приказ о возобновлении наступления в юго-западном направлении с целью овладения Полтавой. В состав армии — вроде бы для усиления — передавались от П. С. Рыбалко 160-я и 305-я стрелковые дивизии. Но фактически этим мы не только не усиливались, а еще более ослаблялись, так как вместе с обескровленными дивизиями получили от 3-й танковой армии и значительную полосу, в которой эти дивизии действовали.

На какой успех могла рассчитывать 69-я армия при наступлении на Полтаву? Рискованно было предпринимать такое наступление, имея на фланге в районе Карловка и Красноград крупную танковую группировку противника, уже нанесшую к тому времени тяжелые удары по 6-й армии Юго-Западного фронта.

Именно в те дни я получил по телеграфу такое оперативное ориентирование:

«До Днепра осталось 400—450 км, а до весенней распутицы тридцать — тридцать пять дней. Сделайте из этого соответствующие выводы и расчеты...»

Телеграмма была подписана Ф. И. Голиковым и Ф. Ф. Кузнецовым.

Жизнь вносила свои горькие поправки. Враг легко отражал все наши трудные попытки продвинуться вперед. Мы только еще больше ослабляли себя, растрачивая и без того скудные силы.

2 марта получили наконец указание о переходе к обороне. Убежден, что его следовало отдать сразу после освобождения Харькова. Тогда наше положение могло бы быть совершенно иным. Если бы даже немцы и решились на контрнаступление (а они, по-видимому, решились бы и в этом случае), то наши войска встретили бы их на подготовленных позициях, в условиях организованной обороны, с налаженным подвозом боеприпасов. Даже при самом худшем варианте, если бы мы не успели сделать решительно ничего, войска получили бы передышку, а отдохнувший солдат всегда дерется лучше.

Отход

4 марта группировка противника, основное ядро которой составлял танковый корпус СС, нанесла удар по войскам нашей 3-й танковой армии в направлении Новая Водолага, Мерефа. К этому времени в распоряжении П. С. Рыбалко имелось не более полусотни танков. Ясно, что он оказался не в состоянии отразить неприятельский натиск и вынужден был отходить. Отход совершался в трудной обстановке. Южнее Новой Водолаги часть войск попала в окружение и с трудом пробилась впоследствии к Харькову.

После отхода танкистов оголился фланг 69-й армии в районе Чутово, Коломак, чем еще больше осложнялось общее положение на этом участке фронта. Мы принимали ряд мер, чтобы хоть сколько-нибудь усилиться здесь. Сюда в район Валки были выдвинуты одна бригада из состава противотанковой арtdивизии и несколько батальонов ПТР, а также сосредоточены все танки, имевшиеся в армии (правда, их насчитывалось тогда не более семи-восьми едипиц).

6 марта в этом районе мне довелось быть свидетелем тяжелого боя. До полутораста танков противника, при

поддержке авиации, атаковали противотанковый узел. А там было всего-навсего 30—40 пушек калибра 45 и 76 миллиметров да несколько десятков противотанковых ружей. Наши подразделения дрались храбро, пытались остановить врага. Но, увы, немецкие танки обладали большим преимуществом в дальности прямого выстрела. Если нашим артиллеристам для того, чтобы поразить цель, приходилось выжидать сближения с ней на 500—700 метров, то танки неприятеля и сопровождавшие их штурмовые орудия наносили поражение с дистанций до 1500—1800 метров.

Атака была очень настойчивой. На подступах к противотанковому узлу уже горели или стояли, потеряв ход, несколько десятков боевых машин. Однако другие все шли и шли вперед. А огонь наших пушек становился все слабее, их оставалось все меньше.

Одиночные немецкие танки достигли окраины Валки. И тут не вытерпело сердце командующего бронетанковыми и механизированными войсками нашей армии генерал-лейтенанта В. А. Мишулина. По собственной инициативе он сам повел в контратаку те семь-восемь танков, которыми располагал. Но силы были слишком неравными. Очень скоро немцам удалось подбить головной танк, в котором находился Мишулин. Другие танковые экипажи с трудом спасли тяжело контуженного генерала. Изменить же течение боя они не смогли.

Немецкие танки ворвались в южную часть города, и мне пришлось уходить оттуда вместе со своей небольшой оперативной группой. Ненадолго остановились мы у реки Мерчик, чтобы проверить состояние обороны на этом рубеже, и вернулись в Богодухов на основной командный пункт.

Несколько дней, проведенных в районе боевых действий, окончательно убедили меня в том, что противник явно превосходит нас в силах. Он без особого труда преодолевал наше сопротивление, тогда как нам приходилось напрягать все усилия, чтобы хоть как-то сдерживать его. И все же немцы наступали довольно осторожно, как бы оглядываясь. По всей вероятности, они хорошо помнили, что совсем еще недавно мы крепко били их.

10 марта передовые части противника вплотную приблизились к Богодухову, а другая его группировка уже вела бои на окраине Харькова. Назревала серьезная угроза

всем войскам Воронежского фронта, действовавшим к западу и к юго-западу от Курска. В первую очередь это касалось 69-й и 40-й армий, оборонявшихся на рубеже Ахтырка, Краснокутск, Богодухов. Противник даже небольшими силами мог наносить тяжелые удары по нашему флангу и тылам.

Командующий Воронежским фронтом, как видно, оценил эту опасность. Уже 9 марта он приказал командующему 40-й армией организовать контрудар силами не менее двух дивизий в общем направлении на Богодухов, Ольшаны. Задача ставилась такая: ликвидировать угрозу противника в районе Харькова.

Однако этот хороший замысел не был выполнен до конца. Контрудар получился слабым.

Я связался с Ф. И. Голиковым. Филиппа Ивановича беспокоила не столько опасность в районе Богодухова и Харькова, сколько угроза более глубокого удара немцев на Белгород, Курск. Такие действия противника в период между 10 и 15 марта были вполне реальными и могли привести к весьма тяжелым последствиям, ибо у командующего Воронежским фронтом не имелось никаких резервов.

Невеселый это был разговор, а закончился он тем, что Ф. И. Голиков приказал мне перегруппировать часть сил 69-й армии на рубеж Золочев, Липцы и таким образом прикрыть шоссе Харьков — Белгород. При этом армия не освобождалась от ответственности за район Богодухова. Такая раздвоенность усилий, да еще в тяжелой оперативной обстановке, была нам явно не по плечу. Я попросил командующего возложить оборону направления Богодухов, Грайворон на 40-ю армию с передачей ей двух наших стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады, действовавших в данном районе, а нам переподчинить две ее дивизии, отходившие на Золочев. Это предложение Голиков принял.

В ночь на 11 марта штаб 69-й армии перемещался на новое направление. По пути я имел в Грайвороне встречу с командармом 40 генерал-лейтенантом К. С. Москаленко. Она была короткой. Оба мы отчетливо понимали серьезность обстановки, реальную угрозу удара танковых дивизий противника со стороны Богодухова и, конечно, торопились принять соответствующие меры для отражения его.

Переговорили с командующим фронтом. Он уточнил нам задачи, еще раз подчеркнув особую ответственность 69-й армии за направление Харьков, Белгород. Через несколько часов я собрал в местечке Казачья Лопань командиров дивизий. Каждому из них была поставлена задача по обороне рубежа Щетиновка, Казачья Лопань, Прудянка, Липцы, Веселое.

Командный пункт армии разместился в районном центре Микояновка, а второй эшелон штаба сразу отправили на противоположный берег Северного Донца в район Шебекино. Но и отсюда мы продолжали пристально следить за обстановкой в районе Богодухова. Болела душа за город, ставший нам таким близким, и за наши части, оставленные там. Положение их было тяжелым.

Утром 11 марта противник овладел юго-восточной частью Богодухова. Здесь его продвижение несколько задержалось — саперы создали завалы и баррикады на перекрестках улиц. Немецким танкистам пришлось долго повозиться возле каждого из этих препятствий. А тем временем наши войска отходили и сумели оторваться от неприятеля.

По предложению начальника связи армии полковника Макарова мы применили тогда оригинальный способ разведки. На городской телефонной станции в Богодухове были оставлены наши военные телефонистки, переодетые в гражданское платье. В течение дня они докладывали нам все, что наблюдали в городе, а с наступлением вечера благополучно вернулись в свои подразделения.

Обороняясь по линии Уды, Казачья Лопань, Липцы, Терновая, войска 69-й армии начали готовить еще несколько оборонительных рубежей южнее Белгорода. Сам я в те дни сумел побывать на восточном берегу реки Северный Донец, в деревне Маслова Пристань, чтобы встретиться там и лично договориться о взаимодействии с командиром 2-го гвардейского кавкорпуса, действовавшего на правом крыле Юго-Западного фронта.

Тревожились мы и за свой стык с 40-й армией. В дальнейшем тревоги эти оправдались. 13 марта танковые части противника заняли здесь населенный пункт Б. Писаревка. Чтобы приостановить дальнейшее их продвижение на Белгород, потребовалось напрячь усилия трех левофланговых армий Воронежского фронта — 40, 69 и 3-й танковой. Но и этого оказалось недостаточно.

Для упрочения стыка 40-й и 69-й армий распоряжением командующего фронтом сюда были выдвинуты два танковых корпуса: 3-й гвардейский — в район Томаровки и 2-й гвардейский — к югу от Белгорода. Появление 2-го гвардейского танкового корпуса в полосе нашей армии очень подбодрило всех нас — от рядового бойца до командарма. Впервые со времени Россошанской операции услышали мы у себя за спиной гул моторов большой массы отечественных танков (корпус имел в своем составе свыше 175 боевых машин). Нас теперь уже не страшила неотвратимость решающего сражения за Белгород.

Это сражение началось 18 марта. Танки противника одновременно нанесли удары из Б. Писаревки и со стороны Харькова. Они действовали в плотных построениях вдоль дорог и сумели на нескольких узких участках выйти нам в тыл. Наши слабые дивизии не смогли отразить этот напор, но, к чести своей, не поддались панике даже при прорыве немецких танков к самому Белгороду. Боевые порядки войск, не затронутые вражеской атакой, оставались на месте до темноты и только ночью по приказу отошли на восточный берег Северного Донца.

В течение нескольких дней после этого противник пытался развить свое наступление дальше и даже захватил небольшой тактический плацдарм на нашем берегу. Но тщетно. На рубеже Северного Донца наша оборона стабилизировалась. После 18 марта никаких территориальных изменений на этом направлении не произошло.

Итак, 18 марта было последним днем активных боевых действий в полосе Воронежского фронта в зимнюю кампанию 1942/43 года. На протяжении трех с лишним месяцев, начиная с 10 декабря, наши войска с большим напряжением и доблестью выполняли свой воинский долг. За этот период было разгромлено и уничтожено до трех десятков дивизий противника, освобождена от оккупантов обширная территория Воронежской, Курской и Харьковской областей. Но на завершающем этапе операции в марте 1943 года нас постигла неудача.

Мы тяжело переживали ее. О причинах высказывались тогда разные мнения. Однако большинство сходилось на том, что мы смогли бы удержать в своих руках оперативную инициативу, если бы наступление, предпринятое

после 16 февраля, было лучше подготовлено, велось с глубоким анализом обстановки, был как следует организован маневр резервами и материальными средствами.

Под конец хочется еще раз отметить героические действия наших солдат, сержантов и офицеров в зимнюю кампанию 1942/43 года. Своим мужеством они заслужили вечную славу.

Вместе с нами прекрасно действовал тогда 1-й отдельный чехословацкий батальон под командованием полковника Людвика Свободы. Особенно мужественно сражались наши чехословацкие друзья в районе Соколово. В сущности, там и начиналось наше боевое содружество.

РЕЗЕРВНЫЙ ФРОНТ

В преддверии новых битв

В начале апреля 1943 года я ехал на машине в сторону Воронежа, по той же дороге, по которой в январе 1942 г. направлялся на Брянский фронт. Прошло немало времени, а боевые действия все еще продолжались на территории Орловской и Курской областей. Они то перемещались несколько к западу, то опять возвращались к востоку и каждый раз оставляли после себя печальные следы.

Мне хорошо запомнился Воронеж. Это был красивый благоустроенный город с множеством старинных зданий, сработанных на века. А теперь на их месте громоздились законченные развалины, груды битого кирпича, скрюченные железные балки. В пустых проемах окон гулял ветер.

Немецко-фашистские оккупанты перед уходом отсюда безжалостно подрывали жилые кварталы или оставляли в них мины замедленного действия. Я увидел не город, а его руины и до сих пор не могу забыть этого грустного зрелища. Через них лежал мой путь к новому месту службы — в Резервный фронт.

Этот фронт, получивший впоследствии наименование Степного, тогда только что создавался. Командующим был назначен генерал-полковник М. М. Попов, начальником штаба — генерал-лейтенант М. В. Захаров. А мне предстояло выполнять здесь совершенно новую для меня роль помощника командующего по формированию и укомплектованию войск.

Я не вполне представлял характер предстоящей мне работы и не мог еще понять той большой важности общих задач, для которых создавался Резервный фронт. Эти вопросы прояснились уже по прибытии на место, да и то не сразу.

Завершая зимнюю кампанию 1942/43 года, Ставка уже вела подготовку к летнему периоду. Проводилось значительное усиление войск в тех районах, где предвиделись наиболее активные действия. Такими районами являлись прежде всего Орел, Курск, Харьков, Воронеж. Именно здесь накапливались грандиозные оперативно-стратегические резервы Ставки. И нам довелось стать участниками этого огромной важности, очень трудного дела.

Название нового фронта в полной мере соответствовало его назначению. В состав его были включены шесть общевойсковых армий (5-я и 4-я гвардейские, 27, 53, 46 и 47-я) и одна танковая (5-я), а также несколько отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов.

В начале апреля все эти войска, строго говоря, не являлись боеспособными. Дивизии и полки нуждались в восстановлении — пополнении личным составом, вооружением и техникой. Несколько лучше других выглядели две армии — 4-я гвардейская, сформированная из полнокровных воздушнодесантных частей, и 5-я танковая. В остальных же армиях дивизии насчитывали лишь по 1000—1500 человек личного состава, не имели автотранспорта и артиллерии.

Пожалуй, в наиболее тяжелом состоянии находились кавалерийские дивизии. Они нуждались не только в пополнении людьми и лошадьми, но и в продолжительном отдыхе. За зимние месяцы уцелевший здесь конский состав был измотан и истощен до предела.

Главное управление по формированию и укомплектованию войск ежедневно направляло к нам тысячи людей. За один месяц мы сумели полностью укомплектовать многие дивизии 5-й гвардейской армии, которой командовал в то время генерал-лейтенант А. С. Жадов, и 53-й армии, которую возглавлял Иван Мефодьевич Манагаров.

Чуть позже началось укомплектование 46-й и 47-й армий. А вот 27-я армия оказалась своего рода падчерицей. Ею мы занялись в последнюю очередь. Вооружение для нее поступило только в мае.

Весь руководящий состав фронта трудился в те дни с большим напряжением. Большую часть времени все мы проводили в войсках. Мне лично приходилось работать преимущественно в стрелковых дивизиях. Восстановлением кавалерии занимался главным образом И. А. Плиев.

Практическое решение вопросов вооружения войск и подготовка артиллерийских частей легли преимущественно на плечи командующего артиллерией фронта Н. С. Фомина.

Вся организационная работа проводилась в высоких темпах. По мере укомплектования каждая часть немедленно приступала к тактической и огневой подготовке. Политаппарат организовал политические занятия. Создавались партийные и комсомольские организации.

В начале мая нормальное течение жизни в войсках Резервного фронта несколько нарушилось. Пришлось в некоторых армиях прервать боевую учебу и переключить усилия личного состава на подготовку оборонительных рубежей. Дело в том, что от пленных и перебежчиков стало известно о готовности немцев к большому наступлению на Курский выступ. На основании этих данных командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник П. Ф. Ватутин обратился в Ставку с предложением вывести войска Резервного фронта на рубеж Ливны, Касторное, Старый Оскол. Предложение Ватутина было принято, и вскоре мы получили соответствующую директиву. Выводить нужно было 5-ю гвардейскую, 27-ю и 53-ю армии.

Сразу же приступили к выполнению своих новых задач войска 53-й армии. По отношению к другим нашим дивизиям им отводилось центральное положение, западнее Касторного, примерно на рубеже Быковского водораздела. 5-я гвардейская армия также организованно заняла оборону западнее Старого Оскола. В обеих этих армиях дивизии уже представляли собой неплохие боевые организации, и за них мы могли не беспокоиться.

Иное положение было в 27-й армии. Вследствие запоздалого прибытия пополнения и техники, дивизии ее следовали в район Ливны несколькими эшелонами. Вначале шел малочисленный костяк частей, состоявший в основном из офицеров и сержантов. За ним следовали маршевые подразделения, которые вливались в боевые части на привалах и в местах ночлегов. Офицерский состав тут же принимал это пополнение и во время последующих переходов занимался сколачиванием взводов и рот. Техника и вооружение направлялись отдельно и тоже догоняли армию уже в пути.

Командарм 27 генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, все работники его штаба и политотдела армии проводили в трудах и заботах буквально дни и ночи. На помощь им

была послана группа генералов и офицеров из Управления фронта. Возглавить эту группу довелось мне.

С Сергеем Георгиевичем Трофименко у меня всегда были самые сердечные отношения. Но в те дни мы сблизились, кажется, еще больше. Немало тревожных дум передумали вместе, немало беспокойных мыслей высказали друг другу. Оба ведь прекрасно видели, что части, которые мы ведем к Ливнам, далеки от настоящей боеспособности. Следовало еще работать и работать над обучением, воспитанием и боевым сколачиванием ее дивизий.

На наше счастье, сведения о предполагавшемся майском наступлении немцев оказались неверными. Мы получили, так сказать, дополнительное время на подготовку войск.

Не будет хвастовством, если скажу, что это время нам удалось использовать неплохо. За два-три месяца своего существования Резервный фронт вырос в грозную силу. Это стало ясно уже в первые дни грандиозного сражения на Курском выступе, когда в бой были введены части 10-го танкового корпуса и 5-й танковой армии. Это подтвердилось затем умелыми действиями 5-й гвардейской армии, которая сыграла такую важную роль в ходе всего сражения. Высокую оценку заслужили также войска 27, 47, 53-й армий и части 3-го механизированного корпуса, вступившие в Курскую битву несколько позднее, уже в период нашего контрнаступления.

Особо следует сказать о подготовке руководящего состава армий. Много и плодотворно потрудились в этом направлении М. М. Попов, М. В. Захаров. В начале мая у нас состоялся учебный сбор командующих армиями. Завершился он полевой поездкой по местам сентябрьского наступления 40-й армии. Маркиян Михайлович Попов, командовавший этой армией в ту пору, очень содержательно разобрал на местности все детали операции, все ее сильные и слабые стороны, а заодно раскрыл и подлинные причины нашего тогдашнего неуспеха. Мне помнится, что участники этой поездки хорошо отзывались о ней.

Несколько позднее проводились сборы командиров кавалерийских корпусов и дивизий. В составе нашего фронта сосредоточилась тогда почти вся конница Красной Армии, и эти сборы представляли несомненный интерес для всех кавалерийских начальников. Там от начала до

конца присутствовал Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Всему руководящему составу фронта и армий были показаны общевойсковые учения с последующим подробным разбором их. Общевойсковые командиры побывали на учении по теме «Действие передового отряда бронетанковых войск при вводе в прорыв танковой армии». Оно проводилось в 5-й гвардейской танковой армии под руководством заместителя командарма Н. И. Труфанова.

Запомнилось мне и другое показное учение, на которое были приглашены кавалерийские начальники. Там отрабатывалась тема «Боевые действия передового отряда при вводе в прорыв кавкорпуса».

Существенным недостатком учебных сборов руководящего состава, проводившихся нами накануне Курской битвы, являлось недостаточное выяснение актуальных вопросов борьбы с большими массами танков противника. Мы, пожалуй, слишком медленно постигали горький опыт летних кампаний 1941 и 1942 годов.

На переломе

Наступил жаркий июль. Днем временами бывало настолько душно, что все невольно поглядывали на небо в ожидании грозы. Но небо оставалось чистым, хотя гром должен был грянуть вот-вот.

Наступление немецко-фашистских войск, получившее в их оперативных планах наименование «Цитадель», не являлось для нас неожиданностью. Штабы наших фронтов зорко следили за противником, и по многим источникам разведке удалось установить, что он будет атаковать Курский выступ 5 июля.

В этот день за два часа до начала неприятельской артподготовки в полосе предполагавшегося наступления была проведена контрартиллерийская подготовка. Она причинила врагу ощутимый урон и заставила его несколько отсрочить свои атаки. Но сорвать наступление не удалось. В 5 часов 30 минут лавина немецких танков и пехоты, поддержанная сильнейшими ударами артиллерии и авиации, хлынула на наш передний край.

Не рассматривая всех вопросов ведения битвы на Курской дуге, которые уже нашли довольно подробное освещение в других трудах, мне хотелось бы вернуться к буд-

ням нашего Резервного (Степного) фронта. Остатки его войск были приведены в движение в самый разгар Курской битвы — после 7 июля. К этому времени мы располагали лишь двумя армиями (53-й и 47-й) да одним механизированным корпусом (3-м гвардейским). 46-я армия незадолго перед тем была передана в состав Юго-Западного фронта, а 4-я гвардейская отправлена по железной дороге на Западный фронт¹.

Затем и 47-ю армию Ставка приказала передать Воронежскому фронту. А сами мы вводились в сражение, имея, собственно говоря, одну полнокровную армию — 53-ю. Что же касается 7-й гвардейской и 69-й армий, которые переподчинялись нам из состава Воронежского фронта, то они уже вели тяжелые оборонительные бои северо-восточнее Белгорода и были значительно ослаблены.

Новый командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев стал добиваться разрешения Ставки на изъятие некоторой части личного состава из дивизий уходившей от нас 47-й армии. Ставка разрешила. Мы провели эту операцию прямо на марше, используя короткие привалы. Около десяти батальонов, добытых таким образом, тут же были направлены на подкрепление 69-й армии.

В это время оборонительное сражение войск Воронежского фронта подходило к своему кульминационному моменту. Жаркое его дыхание чувствовалось уже в районе Скородного, куда я прибыл вместе с командиром 3-го гвардейского мехкорпуса генерал-майором М. Д. Соломатиным. Над нашими головами то и дело пролетали группы краснозвездных бомбардировщиков и штурмовиков. Впереди беспрерывно гудела канонада. Весь горизонт был затянут дымом.

3-й мехкорпус двигался в готовности вступить в бой прямо с марша. Мы с генералом Соломатиным следовали за передовым отрядом. Неподалеку дрались части моей родной 69-й армии, и при первой же возможности я, конечно, заехал на ее КП.

Обстановка здесь была нервная. Немецкой группировке «Кампф» удалось потеснить правый фланг 7-й гвардейской армии, и пехотные дивизии противника предпринимали атаку за атакой в направлении Корочи, а танковые

¹ К концу сражения на Курской дуге 4-я гвардейская армия опять возвратилась сюда.

дивизии этой же группировки рвались к северу в сторону Прохоровки на соединение с танковым корпусом СС.

Чтобы лучше сориентироваться в общей обстановке, я связался по телефону с командующим войсками Воронежского фронта Н. Ф. Ватутиным. Из этих переговоров мне стало ясно, что особенно напряженное положение складывается у Прохоровки, где наша 5-я танковая армия столкнулась с крупной танковой группировкой противника. Николай Федорович тут же пытался склонить меня на немедленный ввод в сражение хотя бы некоторых частей войск Степного фронта, прибывших со мной. Я, естественно, не мог пойти на это без ведома Ивана Степановича Конева и рекомендовал Ватутину связаться с ним.

На следующий день мне довелось побывать вблизи Прохоровки и наблюдать там героические действия наших танкистов. Управляемые твердой рукой своих начальников, они смело шли на сближение с танками врага, последовательно и неуклонно овладевая полем боя.

Здесь же состоялся у меня интересный разговор с местными жителями. Припрятав детей в погреб и с опаской поглядывая на громящее всего в двух-трех километрах грозное танковое побоище, они что-то такое делали во дворе. Я поинтересовался, почему они не эвакуировались, зачем подвергают себя и детей опасности.

— Не к чему нам уходить, товарищ начальник, — возразила мне одна из женщин. — Видите, вон на полях хлеб поспевает. Он нужен всем: нам самим и вам, солдатам, тоже. А бои тут долго не протянутся. Мы же все видим и чувствуем, что вы непременно одолеете фашистов.

Моя собеседница очень трезво оценивала события.

Постучалась в память юность

На завершающем этапе Курской битвы я по заданию И. С. Конева находился в 53-й армии. Вместе с командармом Иваном Мефодьевичем Манагаровым мы организовали наступление. Иван Мефодьевич был храбрым, честным солдатом, хорошим начальником и верным боевым товарищем. Совместная работа с ним доставляла истинное удовлетворение. А в свободную минуту командарм извлекал из футляра свой заветный баян. С баяном он не расставался и в самые трудные месяцы войны.

Эта последняя поездка в 53-ю армию особенно памятна для меня. Там мы впервые применили новый метод атаки.

Войска 53-й армии действовали на открытой местности. Оборона противника проходила здесь по гребню высот, а в нашу сторону был отлогий склон, просматривавшийся на несколько километров. Части 252-й стрелковой дивизии, наносившие удар по одной из ключевых позиций в обороне немцев, были удалены от первой их траншеи на 800—1000 метров. Перед броском в атаку требовалось сблизиться. А попробуй сделать это в чистом поле!

И вот тогда-то, при отработке на местности взаимодействия пехоты с артиллерией, у нас возникла мысль провести сближение в период артиллерийской подготовки. Командиры стрелковых полков охотно ухватились за нее.

С наблюдательного пункта, расположенного примерно в полутора километрах от противника, я пристально следил за выполнением этого маневра. Все у нас было рассчитано по минутам, и войска действовали на редкость четко. Под прикрытием своей артиллерии пехота без потерь вышла на рубеж атаки и с переносом огня в глубину моментально вломилась в первую неприятельскую траншею. Находившийся рядом со мной молодой командир полка настолько был обрадован этим успехом, что выскочил из укрытия, сбросил фуражку и с криком «ура» помчался бегом вдогонку за своими подразделениями.

Несколько позже такой же метод атаки был применен и в некоторых других дивизиях той же армии. Повсеместно ему сопутствовала удача.

В один из тех горячих июльских дней на КП Манагорова неожиданно появился Иван Степанович Конев. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: И. С. Конев вообще большую часть времени проводил в войсках, таков его стиль. А тут еще у нас случилась какая-то заминка — темп наступления стал заметно снижаться. В таких случаях непременно жди Конева.

— Перед вами и немцев-то, наверное, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, выслушав командарма.

Прямо скажем, обвинение было для нас обидное и несправедливое. Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой. Немцы заняли господствующие рубежи на тактическом водоразделе, а у нас — лощина.

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всем разберемся, — перебил меня Конев.

Фронтные сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине. Иван Степанович все еще хмурился и был неразговорчив.

Хорошо помню неубранное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник, и его наблюдатели, конечно же, не обошли своим вниманием появившийся на пыльной полевой дороге «командирский автомобиль». Нас накрыли плотным минометным огнем. Пришлось оставить машину и залечь в борозду неподалеку от дороги.

Лежим мы с Иваном Степановичем неподалеку друг от друга, изредка переглядываемся и молчим. Доказывать, что перед фронтом армии есть немцы и что они «кусаются», теперь уже не требовалось. В пору было подумать о том, как выбраться отсюда.

Прямо перед собой я видел лицо Конева, так хорошо и давно мне знакомое. За те годы, что я знал Ивана Степановича, оно, конечно, постарело, или, как говорят вежливые люди, возмужало. А вот глаза совсем не изменились. В них по-прежнему много молодого огня, боевого азарта, будто ему и теперь двадцать с небольшим лет...

Считается, что в трудные минуты человек может разом вспомнить всю свою жизнь. Многие из пережитого промелькнуло и передо мной на этом горестном неубранном поле, где колосья пшеницы падали наземь, срезанные не ножом уборочной машины и не косой, а осколками снарядов и мин. Припомнились на минуту родные вологодские поля — голубоватые и задумчивые. Постучалась в память юность. В иной ситуации предстал перед моим мысленным взором этот требовательный, волевой человек, что лежал сейчас рядом со мной в борозде.

Стояло вот такое же лето. На окраине уездного городка Никольска собралась толпа. Иван Степанович Конев, стройный, затянутый ремнями, собравшийся в даль-

нюю дорогу, прощался со своими друзьями и товарищами по работе. Он разговаривал сперва только с ними, а затем обратился ко всей толпе:

— Укрепляйте Советскую власть. Больше давайте хлеба Красной Армии и городским рабочим.

— Счастливого пути! Хорошенько бейте там Колчака! — отвечали ему провожающие.

Это был август 1919 года. Молодая наша Республика отбивалась от многочисленных врагов. Партия призывала на фронт коммунистов. И хотя Иван Степанович Конев являлся тогда уездным военным комиссаром и партийной мобилизации не подлежал, он сам стал проситься на фронт. И его отпустили, потому что знали — на фронте такие люди нужнее.

Я стоял в толпе и смотрел на Конева не то с завистью, не то с каким-то неосознанным предчувствием. Мне, конечно, не могло тогда и подуматься, что мы провожаем будущего полководца Советской Армии, будущего Маршала Советского Союза. А вот то, что и мне самому предстоит та же дорога на фронт, — это я, пожалуй, знал.

По тем временам мне удалось получить достаточно высокое образование — проучился в общей сложности семь лет и был в своей деревне самым грамотным человеком. Мой отец, Илья Яковлевич, бывший балтийский матрос, думал вывести сына в люди, определить на работу в городе. Но жизнь все время шла наперекор его желаниям, выносила свои авторитетные решения. Двое моих старших братьев служили в то время в царской армии, и на мою долю приходилось порядочно всяких дел в отцовском хозяйстве. Близких перемен в моей жизни не предвиделось.

Поздней осенью 1917 года мы услышали об Октябрьской социалистической революции. Стали возвращаться с фронтов солдаты-окопники, и от них я впервые услышал такие знакомые и родные нам теперь, но совершенно новые в то время слова: «большевики», «Советская власть», «Ленин». С этого и начались перемены, коснувшиеся не только меня, а буквально каждого человека и в нашей деревне и во всей необъятной России. Шумные крестьянские сходки, на которых большевики и их сторонники давали бой кулакам, затем помощь продовольственным отрядам стали для меня новой школой.

Вологодская деревня бурно переживала первые месяцы триумфального шествия революции. В нашей и соседних волостях (Кичменгском Городке, Подосиновце) Советская власть встретила единодушную поддержку. Помещичьих хозяйств здесь вовсе не было, кулакам и попам не удалось сколотить силы для выступления против новой власти. А вот в Аргуновской волости и в Вохме летом 1918 года произошли кулацкие выступления. Возглавлялись они эсерами, выходцами из купечества и духовенства. На какое-то время врагам Советской власти удалось внести сумятицу в новую жизнь деревни, и без того сложную. Однако ненадолго. Контрреволюция потерпела крах, и не последнюю роль в борьбе с нею играл никольский уездный военный комиссар Иван Степанович Конев.

Необычность происходящих вокруг событий целиком захватила меня. Грамотность и любознательность помогли мне относительно быстро понять, в каком направлении развивается жизнь, и вполне ясно определить свое место в ней. В 1919 году, в августе, волостная партийная организация приняла меня в ряды Коммунистической партии. А еще через несколько месяцев я и в самом деле последовал за И. С. Коневым — уехал на фронт.

Прошло два десятка лет, и вот мы с ним опять на фронте, снова на войне. Многим она отличается от гражданской — и масштабы сражений не те, и насыщение воюющих армий техникой иное, а смысл нашей борьбы с врагом все тот же. Продолжается великая битва за торжество новой жизни, начавшейся в октябре 1917 года, за дело ленинской партии, за коммунизм.

Мы отдали этой борьбе всю свою молодость. А теперь вот уже рядом с нами и сыновья наши воюют, и братья гибнут в бою.

Порой мы чувствовали некоторую усталость. Но если строго и честно спросить себя хотя бы вот здесь, на этом несжатом белгородском поле, под прицелом немецких минометчиков: что хотел бы ты сейчас? Я думаю, каждый ответил бы: бороться до полной победы!..

Короткими перебежками (бывает, что и генералу приходится действовать по-солдатски) мы вырвались с Иваном Степановичем из-под обстрела, снова сели в машину. И почти весь обратный путь говорили о делах Степного фронта, о нуждах наступающих дивизий. На воображаемой карте (она всегда мерещится штабисту) уже появи-

лись новые красные стрелы. Однако реализовать задуманное тогда мне не пришлось. Вскоре после этого я получил назначение опять на Брянский фронт.


Не скрою, уезжал туда без особого желания. Не хотелось расставаться с хорошими товарищами. Чувствовал, что и они разделяют мое настроение. Недаром ведь командующий фронтом в течение нескольких дней скрывал приказ о моем переводе и объявил его только после вторичного напоминания из Москвы.

Перед самым отъездом со Степного фронта, в ночь на 6 августа, я узнал, что в столице был дан первый артиллерийский салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород.



ПРЕКРАСНОЕ СЛОВО — «ВПЕРЕД!»

Из полосы соседа

 ледом за расставанием всегда идут встречи. Проехав по тылам Брянского фронта, я остановился в Орле, чтобы уточнить в комендатуре гарнизона расположение фронтового КП. Там оказались сразу два коменданта, причем установить, который из них настоящий, не сумел бы, я думаю, даже командующий фронтом. Оба коменданта находились в одном помещении и не собирались ни в чем уступать друг другу. После того как один знакомился с чьими-то документами, они переходили ко второму.

Все объяснялось очень просто. Орел находился на стыке двух наступавших армий — 3-й и 63-й. Следуя через город, каждый из командармов оставил здесь своего коменданта. Ко времени моего приезда в комендатуре оказались и заместители командующих этими армиями. Каждый из них по долгу службы интересовался работой комендатуры. Словом, пришлось нам всем, вместе с комендантами, сесть за один стол и... пообедать. За обедом все эти «сложные вопросы» легко разъяснились.

Через пару часов я уже был на командном пункте фронта в районе Болхова. И опять — встречи, теперь уже со старыми моими товарищами по службе. Ведь всего тринадцать месяцев назад уехал я из этого штаба в район Воронежа. Кое-кто из офицеров тоже перешел тогда на Воронежский фронт, кое-кто отбыл вместе с генералом М. С. Малининым на Донской. Но большинство оставалось на месте. Начальником штаба фронта работал теперь генерал-майор Л. М. Сандалов.

Особо меня порадовала встреча с сослуживцем по 2-му кавкорпусу и Средней Азии Н. П. Сидельниковым.

Теперь он был заместителем начальника штаба по ВПУ. В первом же разговоре у кого-то из нас сорвалась фраза:

— Значит, будем вместе заканчивать войну...

Так оно и получилось в действительности.

До конца войны не расходились мои дороги и с генералом Л. М. Сандаловым, и с командующим фронтом Маркианом Михайловичем Поповым. Для всех нас это была хорошая пора — время больших побед и время нашей зрелости.

Войска Брянского фронта вели тогда напряженные бои. Оборона противника была уже прорвана и наши ударные группировки завершали глубокий обход его орловской группировки: 11-я гвардейская армия (командующий генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) развивала наступление с севера в общем направлении на Карачев, а 3-я танковая (под командованием П. С. Рыбалко) — с юга, на Навлю. Войска других армий завершали уничтожение противника непосредственно в районе Орла.

Орловская наступательная операция во многом содействовала успеху сражения на Курской дуге и завершилась большими оперативными результатами. Довольно крупная группировка немецко-фашистских войск была разгромлена, а ее остатки отходили в западном направлении.

Правда, отходя, противник усиленно цеплялся за промежуточные рубежи. Особое упорство было проявлено им на рубеже Людиново, Дядьково, прикрывавшем подступы к Брянску. Здесь имелись довольно развитые оборонительные сооружения, местами проволочные заграждения, хорошо был организован огонь артиллерии и стрелкового оружия. Взять Брянск с ходу не удалось. Пришлось снова по всем правилам организовать прорыв вражеской обороны.

К тому времени в состав Брянского фронта была включена 50-я армия, ранее входившая в Западный фронт. Командовал ею генерал-лейтенант И. В. Болдин. Ему-то и поручили осуществление нового прорыва. Но, к великому нашему огорчению, успеха он не добился: противник отразил все атаки 50-й армии.

Командующий фронтом решил проверить немцев еще на одном участке в полосе все той же армии. На этот раз удар наносился в направлении города Киров. В подготовке

его генерал-полковник М. М. Попов участвовал лично. Занимался этим и я.

Подготовка велась весьма тщательно. 50-я армия была усилена дополнительными средствами подавления. Но при всем том, честно говоря, у меня как-то не лежала душа к Кировскому направлению: ведь фронт оставался здесь стабильным с декабря 1941 года, позиции противника господствовали над боевыми порядками наших войск.

Мы не могли здесь рассчитывать на большой успех, но и не имели другого выбора. Топтаться на месте было просто нельзя: каждый день задержки грозил новыми осложнениями. За спиной у немцев находились серьезные водные преграды, которые относительно легко подготавливаются к обороне и, как правило, очень трудно преодолеваются в наступлении.

Командующий войсками 50-й армии генерал-лейтенант И. В. Болдин организовал разведку боем. К сожалению, она не дала ожидаемых результатов. Нашим батальонам не удалось вклиниться в оборону противника и до конца раскрыть его огневую систему.

Опять возобновились напряженные поиски подходящего для прорыва места. Днем и ночью мы изучали каждый метр фронта и таким образом добрались до своего правого фланга. Тут кому-то из нас пришла мысль побывать у соседей. 5 сентября генерал-полковник М. М. Попов вместе со мной поехал на командный пункт 10-й армии Западного фронта. Ею командовал наш общий знакомый генерал-лейтенант В. С. Попов.

В ходе беседы с Василием Степановичем мы установили, что в полосе, отведенной его войскам, есть участок, который мог бы устроить нас. Находился он в 20—25 километрах к северо-западу от города Кирова. По данным штаба армии, здесь противник оборонялся сравнительно слабыми силами, да и рубеж этот он занял всего пару недель назад. Командарм 10 с охотой согласился представить нам «поле действия», поскольку его армия, ослабленная в прошлых боях, сама не могла вести наступление.

Мы, конечно, побывали в названном районе и остались довольны им. Даже по характеру местности он имел значительные преимущества перед всем тем, чем располагали мы у себя. Но главное его достоинство состояло, конечно, в том, что противник не успел создать в этом месте достаточно развитой системы обороны.

В случае же успеха здесь перед нами открывалась весьма заманчивая перспектива: продвижение в район Жуковки вдоль реки Десна, наперерез шоссе и железной дорог Брянск — Рославль — Смоленск. Таким ударом мы обходили большой лесной массив в междуречье Болвы и Десны, создавая неотвратимую угрозу для немецких войск, удерживавших Брянск.

Но где взять силы для этого удара?

Все дивизии 50-й армии к тому времени были сосредоточены на кировском направлении. Первый эшелон этой группировки уже развернулся для наступления, войсковая артиллерия стояла на огневых позициях. Там же сосредоточился и 2-й арткорпус под командованием генерала М. М. Барсукова.

Маркиян Михайлович Попов пошел на смелое решение: начать наступление небольшими силами, не разрушая пока группировку наших войск в районе Кирова. Он возлагал большие надежды на внезапность удара: ведь противник, несомненно, имел некоторые данные о состоянии войск 10-й армии и не опасался их. Внезапность обеспечивалась также методом действий и быстротой подготовки операции.

Прямо из штаба 10-й армии М. М. Попов связался с командующим Западным фронтом В. Д. Соколовским и рассказал ему о своем замысле. Соколовский не возражал против нашего предложения, и мы незамедлительно приступили к делу.

Для наступления в первом эшелоне предназначались две стрелковые дивизии (369-я и 324-я), которые до того находились во втором эшелоне 50-й армии. Они были невелики по численности (4000—4500 человек в каждой), но на данном участке вполне могли наступать. Для развития же тактического успеха мы намеревались использовать 108-ю стрелковую дивизию и 2-й гвардейский кавкорпус, усиленный танковой бригадой. Кроме того, по просьбе генерала М. М. Попова в операции должны были участвовать и некоторые части 10-й армии, примыкавшие к правому флангу нашей 369-й стрелковой дивизии; их задачей являлось расширение прорыва в западном направлении.

Не совсем обычным способом намеревались мы провести и артиллерийскую подготовку: вместо длительной обработки переднего края — короткий сокрушающий

удар гвардейских минометов. Всего намечалось сделать 16 полковых залпов (по два залпа каждым полком). Из нарезной артиллерии к артподготовке привлекались только шесть полков. По времени вся артподготовка была рассчитана лишь на 15 минут.

Перегруппировку войск мы выполнили за две ночи: в ночь на 6 сентября были переброшены в новый район дивизии первого эшелона и гвардейские минометы, а с 6 на 7 к месту намеченного прорыва подтянулись 108-я стрелковая дивизия, 2-й гвардейский кавалерийский корпус и танковая бригада. Ускоренным методом отрабатывалось на местности взаимодействие между пехотой и артиллерией. На это был затрачен всего один день — 6 сентября. До обеда справились в дивизионном звене, после обеда — в полковом. Вся работа проводилась под руководством командующего 50-й армией. Ему активно помогали генералы и офицеры штаба фронта.

В конце дня М. М. Попов заслушал доклады некоторых командиров соединений и частей о готовности к наступлению. Они вполне удовлетворили его.

Другие участники подготовки этого наступления тоже, кажется, не сомневались в тактическом его успехе. Но заботы наши простирались дальше: удастся ли успех тактический развить в успех оперативный? Задача состояла в том, чтобы вслед за разгромом вражеских войск, оборонявших район Кирова, нанести поражение всей брянской группировке противника.

Внезапность и маневр

Рано утром 7 сентября началось наступление. Удар гвардейских минометов на узком участке фронта (всего в 6—8 км) настолько ошеломил противника, что фактически его подразделения сразу утратили боеспособность. Наша пехота дружно атаковала передний край обороны немцев и стала продвигаться вперед, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления. Только во второй половине дня над полем боя стала появляться вражеская авиация, перенацеленная с других направлений. Но удары ее получились слабыми, неточными и не могли повлиять на общий ход наступления.

К исходу дня нам удалось преодолеть тактическую оборону противника на фронте до 15 километров, и появи-

лась возможность ввода в прорыв подвижных войск, то есть 2-го гвардейского кавкорпуса с приданной ему 29-й танковой бригадой. Командующий фронтом предложил мне вместе с членом Военного совета Л. З. Мехлисом выехать в кавалерийские дивизии. Кажется, мы неплохо выполнили тогда свою миссию: через несколько часов все дивизии 2-го гвардейского кавкорпуса решили поставленную перед ними задачу.

Успех наступления на новом направлении определился вполне. Поэтому уже вечером 7 сентября командующий фронтом приказал И. В. Болдину проводить перегруппировку сюда главных сил 50-й армии.

В течение второго дня боев наши части продвинулись в глубину обороны противника еще на 18—20 километров. Этим создавалась реальная угроза окружения для всей его группировки в районе Брянска. Требовалось только поскорее выйти к Жуковке и отрезать ему путь на Рославль, Смоленск. Такую задачу и получили кавалеристы вечером 8 сентября. А вслед за ними с утра 9 сентября должна была выступить 238-я стрелковая дивизия.

Однако утром события стали развиваться с некоторыми осложнениями. 238-я стрелковая дивизия вынуждена была ввязаться в бой с отходящими частями противника в районе Бытош, Бутчино и задержалась там. Большая доля вины за это ложилась на штаб 50-й армии: он слишком отстал от своих войск, недостаточно хорошо чувствовал обстановку и не всегда умел должным образом повлиять на нее. Именно в результате этого только один полк 238-й дивизии тесно взаимодействовал с конницей.

Дело усугублялось еще и тем, что кавалеристы тоже допустили ошибку в организации наступления: в район Жуковки стремительно продвигались лишь конные части, а танковые полки кавдивизий застряли под Бытошом. Хотя все эти неувязки не особенно повлияли на общий ход операции, все же некоторое время кавкорпус действовал не в полную силу.

К полудню 10 сентября части 2-го гвардейского кавкорпуса овладели Жуковкой и значительным районом на восточном берегу Десны, а передовые отряды даже «перепрыгнули» Десну и захватили плацдарм на ее западном берегу. Стремительными действиями конницы решительно изменялась вся обстановка в районе Брянска.

11 сентября главные силы 50-й армии вошли в непосредственное соприкосновение с войсками нашей 3-й армии, наступавшими из района Людиново. Тем самым были созданы условия для широкого маневра войск с целью закрепления и развития успеха 2-го гвардейского кавкорпуса.

Почувствовав угрозу окружения, противник решил оставить Брянск. Временно ему удалось организовать оборону фронтом на север и создать коридор для отвода своих войск. Этим коридором он пользовался в течение нескольких дней, а части 2-го гвардейского кавкорпуса оказались отрезанными от остальных войск фронта. Мы поддерживали с ними непрерывную радиосвязь, посылали на командный пункт В. В. Крюкова самолеты с офицерами штаба фронта. Но все это не могло, конечно, заменить огневого взаимодействия.

На соединение с конниками была направлена 108-я стрелковая дивизия. 13 сентября она прорвала заслон противника и соединилась с кавкорпусом, приняв на себя удержание плацдарма на западном берегу Десны. Кавалерийские же дивизии вместе с 29-й танковой бригадой и 837-м полком 238-й стрелковой дивизии в течение двух последующих дней продолжали преследовать отход противника из Брянска на Рославль по кратчайшему пути через Жуковку.

Бои наших войск за удержание Жуковки носили упорный, кровопролитный характер. Настойчивые атаки врага успешно отражались огнем и контратаками.

16 сентября мы с М. М. Поповым побывали у кавалеристов. Нам хотелось сказать им доброе слово и просто повидаться после стольких передрыг. Особо отличившихся бойцов, сержантов и офицеров командующий приказал представить к правительственным наградам.

Следующий день, 17 сентября, принес еще одну приятную новость: войска 11-й армии под командованием генерала И. И. Федюнинского овладели Брянском. А 18 сентября во всей полосе фронта была форсирована река Десна, и мы опять продвинулись к западу на 20—30 километров. Операция приближалась к своему завершающему этапу.

Не могу не отметить, что ее удалось провести с небольшими относительно потерями и она не потребовала

от нас крупных материальных затрат, в частности расхода боеприпасов. Вот что значит внезапность и смелый маневр!

С подвижной группой

Десять боевых дней, проведенных частями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в отрыве от главных сил общевойсковой армии, породили у командующего фронтом новый замысел. У него созрело решение создать более сильную подвижную группу для преследования противника.

Однажды он пригласил к себе ближайших своих помощников, а также командиров подвижных соединений и стал развивать перед нами перспективу. Маркиян Михайлович всегда умел точно и ясно выражать свои мысли, хорошо убеждать. Но на сей раз почти все мы и без того вполне солидаризировались с ним. Не в тон прозвучали только невеселые воспоминания В. В. Крюкова о боях в окружении.

— Как бы опять не зарваться, — предостерегал он.

— Вы не зарывались, а вели нормальные и успешные боевые действия, — возразил ему командующий фронтом.

Подвижная группа была создана и с 20 сентября начала действовать. Помимо наших гвардейцев-конников в нее вошли: 1-й танковый корпус под командованием генерала В. В. Буткова, артиллерийские истребительные противотанковые части и минометная бригада. Командование группой было возложено на меня. Начальником штаба группы стал генерал-майор Н. П. Сидельников.

По замыслу командующего фронтом мы должны были наступать впереди общевойсковых армий и уничтожать арьергардные части противника, не позволяя ему организовать оборону на промежуточных рубежах. Своими стремительными действиями подвижная группа должна была обеспечить беспрепятственное продвижение главных сил фронта. В связи с этим нам нередко изменяли направление: то мы действовали впереди 63-й армии, то перемещались ближе к полосе 3-й армии, а иногда некоторые наши части выходили даже за разграничительную линию и действовали в полосе соседнего Центрального фронта.

25 сентября части 1-го танкового корпуса ворвались в город Новозыбков. Удар их был настолько стремительным, что противник не успел занять оборону на окраине города и вынужден был принять бой в населенном пункте. В быстром темпе танкисты освобождали одну улицу за другой. Они разбили резервный батальон немцев, выброшенный сюда для удержания города, захватили богатые трофеи и много пленных, в том числе одного полковника — заместителя командира неприятельской дивизии, а сами потеряли лишь несколько боевых машин.

На исходе следующего дня в Новозыбков вступили части 63-й армии, а 27 сентября — 48-я армия Центрального фронта. Войска тем временем продвигались в среднем по 40—50 километров в сутки.

Появилось желание захватить плацдарм на западном берегу реки Сож. Объективные условия вполне благоприятствовали этому. К западу от Новозыбкова крупных сил противника не было. В случае же успеха мы могли в дальнейшем коротким ударом с севера оказать серьезную помощь войскам Центрального фронта в овладении городом Гомель.

Однако всему бывает предел. Наши кавалеристы и танкисты действовали, что называется, уже на втором дыхании. Несколько свежее выглядели артиллеристы и минометчики, но одни они без танков и конницы выполнять боевую задачу не могли.

Первым стал утрачивать боеспособность танковый корпус. В нем почти не осталось исправных танков, а его колесные машины, расходовавшие большое количество горючего, становились для нас просто обузой. Конница держалась дольше, хотя и для нее форсированные переходы с каждым днем становились все тяжелее.

Тем не менее река Сож была уже близка. Мы выходили к границам Белоруссии, и это вдохновляло всех нас.

27 сентября передовые подразделения подвижной группы вышли к населенному пункту Ветка. Слабые и малочисленные, без артиллерии и без танков, они не в состоянии были осуществить захват моста через Сож, а тем более удержать его. Поэтому мы постарались ускорить помощь им. К исходу того же дня головная дивизия 2-го гвардейского кавкорпуса уже втягивалась в леса в 12—15 километрах северо-восточнее Ветки. К сожале-

нию, ее конский состав был крайне переутомлен. Кавалерийские полки не только не смогли бы вести бой в конном строю, но не выдерживали и марша. Пришлось спешить кавалеристов и организовать их переброску в район Ветки на автомашинах. До ночи мы успели занять в этом районе основные опорные пункты. Однако на захват плацдарма за мостом не рискнули, считая свои силы недостаточными.

Они и в самом деле были невелики. И когда подошла сюда значительная группировка отступающих немецких войск, ей не стоило большого труда прорваться через слабые заслоны кавалеристов. Под покровом темноты немцы перешли на западный берег Сожа, а рано утром 28 сентября взорвали мост.

Мы видели это, находясь на опушке леса северо-восточнее Ветки, и только сожалели об упущенных возможностях.

Задача преследования противника была успешно завершена. Но наше желание сверх того подготовить еще плацдарм для нанесения новых ударов по неприятелю не сбылось.

К 29 сентября подвижная группа в полном составе сосредоточилась в лесах северо-восточнее Ветки. А 2 октября на рубеж реки Сож вышли дивизии 63-й армии.

29 сентября в штабе фронта в Унеча я отчитался за свои действия перед командующим фронтом и под конец высказал ряд соображений о форсировании реки Сож крупными силами. Не сомневался, что мои предложения осуществимы. Но... перед управлением Брянского фронта были уже поставлены новые задачи: по решению Ставки нас перебрасывали на другое операционное направление. На гомельском направлении оставался один только Центральный фронт. Ему передавалась и часть наших войск, действовавших здесь.

Мне лично командующий поручил выехать в новый район во главе первой небольшой оперативной группы, чтобы до прибытия всего штаба ознакомиться там с обстановкой и развернуть пункт управления. Колонна из нескольких машин уже вытянулась на дороге.

— До скорой встречи! — нанутствовал меня Маркиян Михайлович.

— До свидания...

Прощай, Орловщина, прощайте, Брянские леса, курские, воронежские и харьковские большаки! Дорогими,

близкими сердцу стали вы мне. Никогда в жизни не забуду я этих краев, как никогда не может человек забыть места, где он родился и вырос. В степях Приднепровья пролетела моя красноармейская юность. Под Брянском и Курском пришла ко мне боевая зрелость. Здесь же взяли начало незабываемые дороги нашего наступления, которым еще продолжаться и продолжаться.



НА НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Перегруппировка

Стояла чудесная осень. Временами просто трудно было оторвать взгляд от красот сентябрьского леса. Издали он выглядел пестрым ковром: пожелтевшие листья березы перемешивались с багряными кленами, а среди них темно-зелеными пятнами выделялись сохранившие свой прежний цвет ели. Было обидно, что мы в повседневной суете не замечали этих прелестей природы и подходили к оценке местности только с одной меркой — как ее можно использовать в военных целях.

Но любоваться пейзажами и сейчас было некогда. Как я уже сказал, управление Брянского фронта с частью войск перебрасывалось на новое направление. Какое — мне пока не говорили. Конкретные указания предстояло получить в Москве.

От Унечи до Москвы путь длинный. У меня имелось время, чтобы подвести некоторые итоги за минувшее лето. Незаметно для себя я вышел за рамки Брянского фронта и попытался осмыслить стратегическое положение советских войск в целом.

Результаты летней кампании 1943 года не могли не радовать. Самым значительным из них являлась, конечно, победа на Курской дуге. Кроме того, войска Северо-Кавказского фронта полностью очистили от гитлеровцев Таманский полуостров. Войска других фронтов освободили всю Левобережную Украину и теперь вели бои за плацдармы на правом берегу Днепра. Западный фронт вернул Родине Смоленск, Рославль, Ельню, Дорогобуж, Духовщину, Демидов и вступил в пределы Белоруссии. Несколько

ко скромнее выглядели наши успехи на прибалтийских направлениях.

Я прикидывал: куда же могут послать нас? Туда, где уже многое достигнуто и требуется лишь закрепить и приумножить эти достижения, или туда, где надо начинать почти сызнова?

Если бы тогда поинтересовались моим личным мнением, то я, пожалуй, высказался бы за отправку на юго-западное направление. Оно нам было хорошо знакомо: там мы уже били противника.

Но Ставка решила по-другому. В этом я убедился, как только оказался в стенах Генерального штаба.

Меня принял заместитель начальника Генштаба генерал-полковник Алексей Иннокентьевич Антонов. Вначале он повел речь о подробностях наступления Брянского фронта в междуречье Десны и Сожа. Расспрашивал и об оперативных результатах боевых действий подвижной группы.

Выслушав мои ответы, Антонов перешел к другой, уже более важной для нас теме — об общем плане осенне-зимней кампании. Однако в деталях этот план раскрывать не стал.

Об управлении бывшего Брянского фронта Алексей Иннокентьевич сказал, что оно будет переброшено в район Великих Лук. Там создается новый фронт. Это сообщение оказалось для меня неожиданным. Я был меньше всего подготовлен к тому, что нам придется действовать на прибалтийском направлении.

В состав нового фронта, как я понял, должны были войти 3-я ударная, 6-я и 11-я гвардейские, 11, 22 и 15-я воздушная армии. Мне предлагалось заблаговременно ознакомиться с состоянием 22-й и 3-й ударной армий и к прибытию генерала М. М. Попова подготовить все необходимые данные для развертывания войск на новом направлении. Начинать следовало с уточнения оперативных задач армиям, определения их состава, нарезки тыловых районов и коммуникаций.

Казалось, что эта работа должна вестись в тесном контакте с командованием Калининского фронта. Но Антонов предупредил, что на первых порах я обязан действовать в обстановке строгой секретности, опираясь лишь на очень узкий круг своих помощников.

В первых числах октября мы покинули Москву и двинулись в дальнейший путь. До Торжка ехали по Ленинградскому шоссе, дальше — по фронтовым лежневкам через Селижарово, Пено, Торопец, Кунью. На юге таких дорог не встречалось.

В районе Великих Лук, чтобы укрыться от любопытных глаз, разместились в лесу. Но неподалеку находился командный пункт Калининского фронта, и долго скрывать наше присутствие здесь было практически невозможно. Пришлось ускорить встречу с А. И. Еременко.

Андрей Иванович был моим сослуживцем еще по кавалерии. Последний раз перед войной мы встречались с ним на январском совещании в Кремле. Тогда он командовал Отдельной армией на Дальнем Востоке. А в Великую Отечественную войну командовал армией и фронтом.

Андрей Иванович охотно рассказал мне об обстановке в районе Великих Лук, поделился радостью по поводу недавней успешной операции, в результате которой 3-я ударная армия овладела городом Невель. Это была действительно на редкость удачная частная операция, осуществленная небольшим количеством войск под руководством генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого. Главным условием, обеспечившим ее успех, явилась полная внезапность для противника.

Разговор на эту тему составил первую часть нашей беседы. Затем я завел речь о характере оборонительных сооружений немцев в полосе фронта. Еременко насторожился и в упор спросил:

— Зачем приехал? Кого-нибудь сменять?

К такому вопросу я был готов и спокойно ответил, что сменять никого не собираюсь.

Возможно, Андрей Иванович еще до встречи со мной имел какую-то информацию о предстоящих организационных мероприятиях, а может быть, просто догадывался о них. Но так или иначе, он сразу как-то замкнулся. Беседу пришлось закончить.

От командующего я зашел к начальнику штаба Калининского фронта Владимиру Васильевичу Куракову. В основном уже только для того, чтобы засвидетельствовать ему свое уважение как однокашнику по Академии Генштаба. Визит этот был очень непродолжительным.

В тот же день я выехал в район Невеля, где размещался командный пункт 3-й ударной армии. Там встретился с Кузьмой Никитичем Галицким. Он подробно рассказал о своей армии, о Невельской операции, ее подготовке и методах управления войсками в бою, а также об особенностях обороны и силах противника. По мнению Галицкого, в полосе 3-й ударной армии имелись достаточно благоприятные условия для новых наступательных действий наших войск, и он рассчитывал уже в октябре провести еще одну операцию с ограниченной целью.

Побывал я и у командующего 22-й армией генерал-лейтенанта Василия Александровича Юшкевича. Встреча с ним была исключительно теплой. Мы знали друг друга с 1921 года, когда Василий Александрович командовал 21-м стрелковым полком 3-й Крымской стрелковой дивизии, а я возглавлял в том же полку партийное бюро. У нас нашлось что вспомнить.

Но беседа наша, затянувшаяся за полночь, не свелась только к воспоминаниям. Я доверительно рассказал Юшкевичу о цели своего приезда. Василий Александрович тоже был предельно откровенен. Словом, с 22-й армией у меня сразу установился прочный деловой контакт.

Хорошее впечатление произвел начальник штаба этой армии генерал-майор Н. С. Дронов. Он очень основательно проанализировал обстановку, рассказал о противнике, особенно заострив внимание на группировке немецко-фашистских войск в районе Новосокольников. Перед фронтом армии, протяжением в 120 километров, оборонялись части четырех неприятельских дивизий (331, 205, 83 и 69-й) со средней плотностью одна дивизия на 30 километров. Активных действий здесь не велось с зимы. Только изредка вспыхивали огневые бои да рыскали по ночам разведчики. В общем, это был относительно спокойный участок.

Вернувшись на свой КП, я стал осмысливать задачи, которые предстояло решать фронту в новой обстановке. В ближайшее время мы должны были принять участие в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом, Новгородом и Псковом.

Переброска в Прибалтику войск бывшего Брянского фронта осуществлялась планомерно. Всего было отправ-

лепо около 500 эшелонов. Но потребности наши вышли за эти рамки, поэтому многим частям пришлось отправиться в районы сосредоточения своим ходом.

Войска двигались через тылы Западного фронта, чем очень усложнялась работа органов военных сообщений и штабов всех степеней. Однако к той поре подобные перегруппировки были уже не в диковинку, а потому все закончилось относительно успешно.

Новый фронт предназначался для наступления в направлении Идрица, Лудза, Гулбене, Валга. Всего в нем должно было быть до сорока стрелковых дивизий. Больше половины из них мы хорошо знали по Брянскому фронту: семь дивизий входили в состав 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова; девять — в 11-ю гвардейскую генерал-полковника И. Х. Баграмяна и шесть — в 20-ю армию генерал-лейтенанта П. А. Курочкина. Старыми нашими соратниками являлись также отдельный танковый корпус генерал-майора В. В. Буткова и артиллерийский корпус прорыва, которым командовал генерал-лейтенант М. М. Барсуков.

Директивой от 8 октября 1943 года Верховный Главнокомандующий поставил перед нами оперативную задачу и ориентировал в действиях соседей. Общей оперативно-стратегической целью наступления Ленинградского, Волховского, Северо-Западного и нашего фронтов был разгром немецкой группы армий «Север». Ближайшая задача Прибалтийского фронта, как стали именовать нас с 1 октября, — выйти на рубеж Новоржев, Опочка, Себеж; последующая — овладеть Псковом, Валгой, Валмиерай. Левый сосед, Калининский фронт, должен был направить свои усилия на Витебск, Полоцк, Даугавпилс, Ригу, наступая по обоим берегам Даугавы. Во взаимодействии с ним нам предстояло уничтожить правофланговые соединения 16-й армии противника.

У нас не доставало авиации, танков и других подвижных войск, но рассчитывать на большее не приходилось. Задуманная операция при всей своей значимости в общем плане кампании не являлась первостепенной. Главными были Белоруссия и Украина: там лежали кратчайшие пути к Берлину.

В полосе Прибалтийского фронта неприятельская группировка оставалась примерно такой, какой она сложилась к концу прошлой зимы. Во всяком случае, так нас инфор-

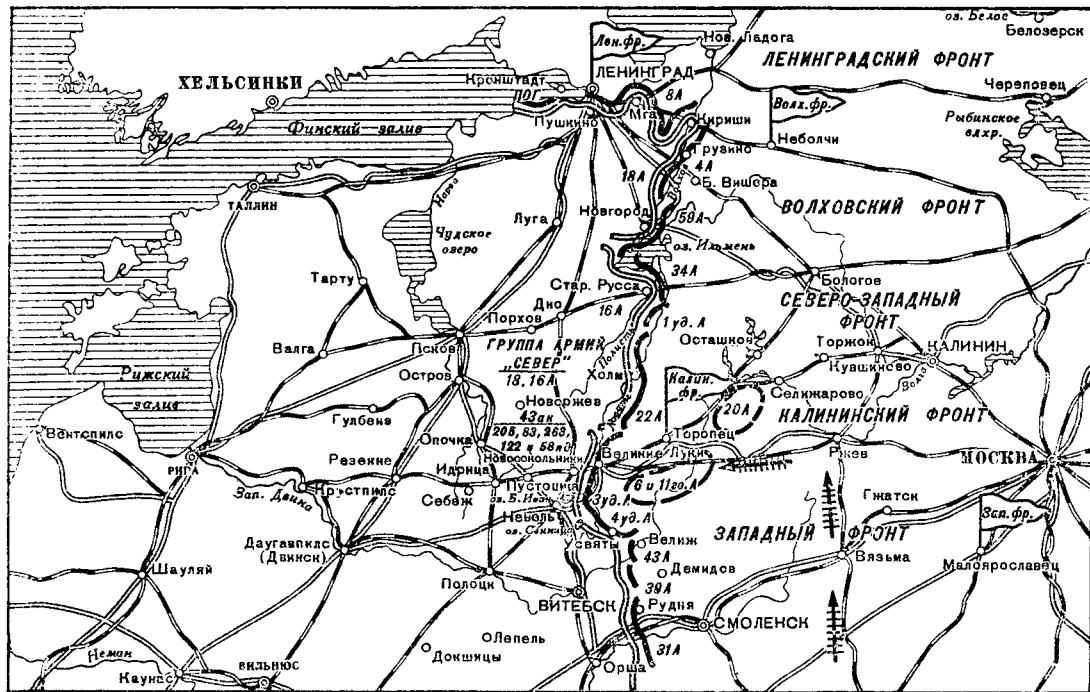


Схема 9. Положение и группировка войск к началу октября 1943 г.

мировали штабы 22-й и 3-й ударной армий. На участке Локня — Невель действовало восемь — десять вражеских дивизий. Вели они себя пассивно и за последние месяцы не предпринимали никаких наступательных действий. Местность благоприятствовала обороне. Гитлеровцы, как правило, занимали господствующие высоты и узлы дорог, создав на них сильные опорные пункты с развитой системой инженерных сооружений. Промежутки между ними представляли собой обычно низкие, заболоченные, и лесистые участки. Они занимались незначительными силами, а иногда там и совсем никого не было. Пространства эти прикрывались артиллерийско-минометным огнем.

Оперативный тыл неприятеля базировался на хорошую дорожную сеть Эстонии и Латвии и обеспечивал благоприятные условия для маневра в любых направлениях, для подвоза материальных средств. В этом отношении враг тоже имел преимущества перед войсками Прибалтийского и Калининского фронтов, в оперативных тылах которых существовали лишь лежневки.

В октябре нас терзали противоречивые соображения. С одной стороны, Ставка Верховного Главнокомандования ставила перед фронтом глубокие задачи, что требовало предварительного сосредоточения всех сил, тщательной организации тылов. А с другой — слабость неприятеля, каким он нам представлялся, побуждала к немедленным действиям. К этому же обязывала и директива Ставки от 8 октября. В ней недвусмысленно говорилось: «Войскам Прибалтийского фронта, не ожидая окончательного сосредоточения всех сил, не позже 15 октября перейти в наступление».

Генерал армии М. М. Попов со штабом и командующими родами войск прибыли в новый район 11 октября. К 15—20 октября под Великими Луками сосредоточились уже 22-я и 3-я ударная армии, в районе Торопца и Селижарова находилась 20-я армия, туда же прибыли три дивизии 6-й гвардейской армии.

Из этих войск такой энергичный командующий, как М. М. Попов, мог, конечно, создать ударную группировку и начать наступление если не 15-го, то наверняка 25 октября. К этому сроку 6-я гвардейская армия завершала перевозку остальных дивизий и частей.

Однако жизнь опять внесла свои коррективы.

С 20 октября 1943 года наш фронт стал именоваться 2-м Прибалтийским, а Калининский — 1-м Прибалтийским. Граница между ними проходила по линии: озеро Езерище, Сапроново, Сиверст.

Стремясь поскорее разгромить врага, мы начали проводить частные операции, не связанные общим замыслом и планом.

28 октября 22-я армия развернула боевые действия севернее Новосокольников, имея целью разгромить 205-ю пехотную дивизию гитлеровцев. Однако эта цель достигнута не была, операция успеха не имела.

Затем активизировалась 3-я ударная армия. Силами четырех стрелковых дивизий, трех танковых бригад и армейской артиллерии она предприняла удар по невелинской группировке противника. 2 ноября после непродолжительной артиллерийской подготовки 28-я и 146-я стрелковые дивизии, наступавшие в первом эшелоне, сравнительно легко прорвали вражескую оборону в районе станции Новохованск и стали развивать успех в северо-западном направлении. 46-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся во втором эшелоне, направилась в обход Турки-Перевоза и Усть-Долыссы на Пустошку.

Для противника это оказалось неожиданным и опасным. Командование немецкой 16-й армии, не имея здесь резервов, не смогло в первые дни организовать серьезного сопротивления. За несколько дней 3-я ударная армия сделала большую вмятину в неприятельской обороне и создала реальную угрозу перехвата коммуникаций.

Я в это время по распоряжению командующего фронтом находился в 46-й гвардейской стрелковой дивизии. Преодолевая сопротивление слабых групп противника, она продвигалась по 25—30 километров в сутки. Кроме разрозненных боевых частей на пути дивизии встречались полицейские формирования, боровшиеся до того с партизанами. Мне казалось, что все идет очень хорошо и в ближайшие дни Пустошка будет в наших руках. В штабе фронта уже планировали ввод в бой войск 6-й гвардейской армии для развития наступления в общем направлении на Идрицу.

С командного пункта 46-й дивизии, расположившегося на северном берегу озера Жадро, я видел дым над пустош-

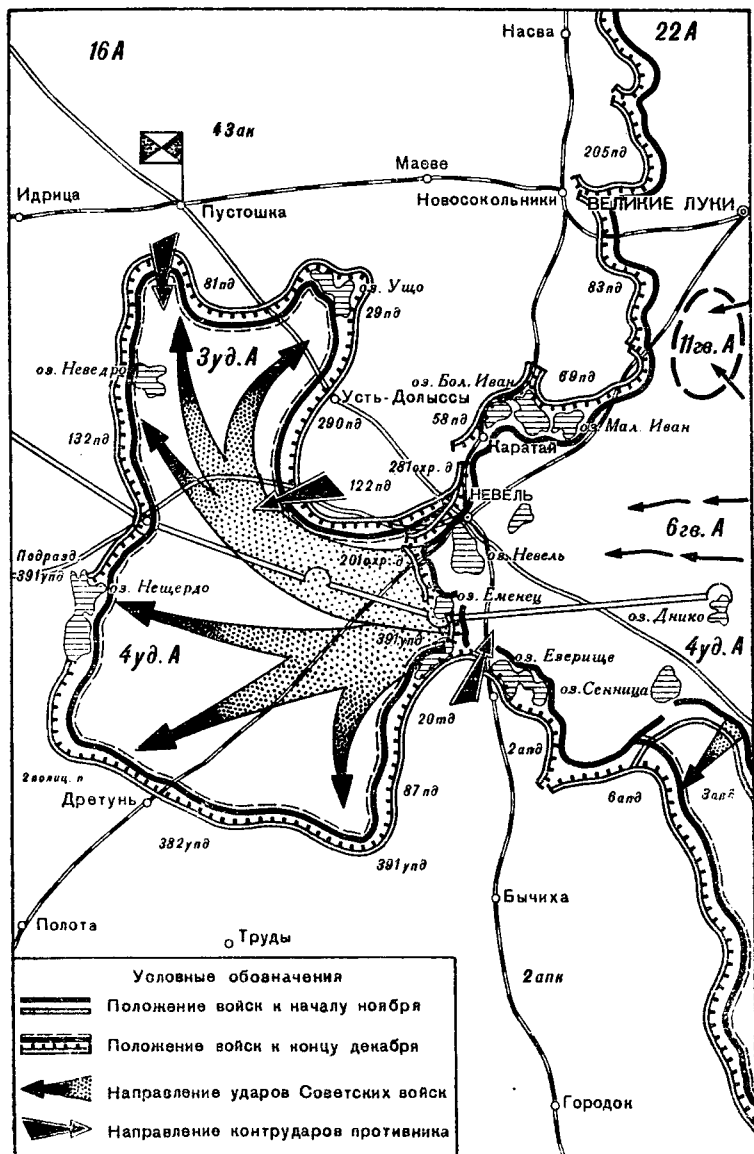


Схема 10. Обстановка в районе Невеля в конце 1943 г.

кинским железнодорожным вокзалом, и это внушало большие надежды. Мы не сомневались, что, потеряв Пустошку, противник незамедлительно начнет отход из Новоскольников, Маева, Невеля.

Однако все обернулось иначе. Подкрепления неприятеля подошли раньше, чем мы рассчитывали, и наше продвижение застопорилось. К 6 ноября пришлось закрепиться на рубеже: Великое Село, Турки-Перевоз, Усть-Долысы, озеро Ущо, Паново, Васютино, озеро Березно, западный берег озера Неведро, озеро Язно. Южнее на озеро Неведро, Краснополье, озеро Неключ, озеро Мелкое выдвинулись войска 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта.

Положение невелиской группировки врага, конечно, осложнилось. Важные ее коммуникации оказались перехваченными. У немцев оставался здесь теперь только один железнодорожный выход на запад и одно шоссе через Идрицу.

Но и нашим двум армиям, действовавшим в выступе западнее Невеля, нельзя было завидовать. С главными силами их соединяла горловина шириной всего в 12—13 километров. Она простреливалась артиллерией и минометами. Снабжение войск общей численностью до пятнадцати дивизий, а также эвакуация раненых и поврежденной техники осуществлялись под огнем.

Разграничительная линия между 3-й и 4-й ударными армиями проходила примерно по центру горловины (она же являлась границей между 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами). Ответственность за горловину несли обе армии. Это, разумеется, затрудняло управление движением транспорта. Давала знать о себе и осенняя распутица: она так испортила проселки, что по ним могли двигаться только автомобили-вездеходы, да и то с половинной нагрузкой и со скоростью не более 5—8 километров в час.

Оценив остроту обстановки, М. М. Попов подтянул к горловине часть соединений 6-й гвардейской армии, а в самой горловине, в деревне Дубище, через которую протянулось шоссе Невель — Полоцк, разместил ВПУ фронта под моим руководством. Конечно, ВПУ — это не боевая часть, но присутствие его в таком месте укрепляло в войсках уверенность, что наши дела неплохи.

Дубище — чистенькая деревушка. Все дома и постройки в ней были целы, только жителей не оказалось: их эва-

куировали в тыл. Вечером 6 ноября меня навестил здесь командующий фронтом. Он на месте ознакомился с обстановкой, затем мы обменялись соображениями о возможных вариантах продолжения наступления и поздно вечером разошлись на отдых. А с утра 7 ноября гитлеровцы начали сильный артиллерийский обстрел Дубища. Мы потеряли нескольких офицеров, и я уговорил Маркияна Михайловича покинуть ВПУ.

Огневое нападение противника повторялось многократно. Потом он атаковал нашу горловину и, несмотря на упорное сопротивление, сузил ее еще на три-четыре километра. Материальное обеспечение и управление боевыми действиями 3-й и 4-й ударных армий совсем затруднились. Вместо продолжения наступления они вынуждены были отбиваться. Но и это удавалось не всегда. Пришлось задействовать дополнительные силы, в том числе танковую бригаду. Лишь после этого положение стабилизировалось. Выполнение же задач, ради которых был создан 2-й Прибалтийский фронт, получило дальнейшую оттяжку.

Активное противодействие противника не прошло мимо внимания Ставки. Директивой от 12 ноября она обязала нас приостановить наступление и прочно удерживать занятые позиции. Одновременно с этим из состава 6-й гвардейской армии изымались две стрелковые дивизии и корпусное управление, а из резерва фронта забирались 5-й танковый корпус и отдельная танковая бригада. Все это передавалось 1-му Прибалтийскому фронту для наращивания удара в направлении Полоцк, Городок.

Невельская операция не прошла бесследно. Она дала понять противнику, что 2-й Прибалтийский фронт серьезно угрожает его глубоким тылам, его войскам под Ленинградом, Псковом и Новгородом. Чтобы укрепить свое общее положение в Прибалтике, командование группы армий «Север» вынуждено было перебрасывать к Невелю. Идрице и Пустошке все новые и новые подкрепления. За октябрь, ноябрь и декабрь 1943 года против нашего фронта появились 290, 81, 239, 218, 24, 30, 132 и 31-я пехотные дивизии, снятые с других прибалтийских направлений.

И все-таки такими результатами мы не могли быть довольны. Нам удалось лишь оттянуть на себя значительные силы противника, но не разгромить их и даже не создать выгодного оперативного положения для последующих наступательных действий. Войска 3-й ударной и 6-й гвардей

ской армий крепко завязли в лесисто-болотистой и озерной местности на юго-востоке Псковской области, а также под Новосokolьниками и Пустошкой. 20-й армии не стало совсем: ее дивизии еще в октябре — ноябре действовали в составе 3-й ударной, а управление было выведено в резерв Ставки. 11-я гвардейская в конце ноября тоже ушла от нас на 1-й Прибалтийский фронт. Лишились мы и многих превосходных генералов: убили, в частности, генерал-полковник И. Х. Баграмян, назначенный на пост командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта, и генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, принявший от Баграмяна 11-ю гвардейскую армию.

Все это, естественно, снизило возможности 2-го Прибалтийского фронта. Только в начале нового, 1944 года он опять стал набирать силы.

К тому времени Ставка Верховного Главнокомандования разработала новую крупную наступательную операцию, конечной целью которой являлся разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом. 2-му Прибалтийскому фронту предстояло содействовать выполнению этой задачи отвлечением противника на себя. Для того нам пдали 10-ю гвардейскую армию.

5 января, когда войска этой армии еще маршировали в район Невеля, ее командующий генерал-лейтенант А. В. Сухомлин, а также новый командарм 3-й ударной генерал Н. Е. Чибисов на совещании у М. М. Попова уже получили указания готовиться к наступлению. Обеим армиям были поставлены только ближайшие задачи: 3-й ударной — овладеть районом Пустошки, 10-й гвардейской — районом Идрицы. Для 3-й ударной армии готовность к наступлению устанавливалась на 9 января. Для 10-й гвардейской — днем позже.

Последнюю планировали вводить в действие частями, по мере подхода дивизий. 10 января намечалось наступление 7-го гвардейского стрелкового корпуса, в состав которого входили 312, 207 и 171-я стрелковые дивизии. За ним предполагалось задействовать 19-й и 15-й гвардейские корпуса. Их прибытие ожидалось через несколько дней.

Начало наступления не принесло желаемых результатов. Нашим войскам удалось добиться лишь небольших тактических успехов. Не улучшилось дело и после ввода в бой 15-го и 19-го корпусов.

Было очень обидно за 10-ю гвардейскую армию. Неудачи ее, по-моему, объяснялись тем, что она начала операцию на незнакомой местности, без знания обстановки, системы и особенностей обороны противника. А особенности здесь были. В полосе наступления у гитлеровцев не существовало сплошного фронта. Оборона состояла из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Войска же прорывали ее, как сплошной рубеж. Поэтому уже при артподготовке большое количество снарядов пришлось по пустому месту. Затем пехота атаковала никем не занятые промежутки и попадала под фланговый огонь из вражеских опорных пунктов. Наконец из-за краткости времени, отведенного на подготовку операции, в армии не была отработана система взаимодействия стрелковых и артиллерийских частей. Да и климатические условия сказались отрицательно: начавшаяся со второй недели января большая оттепель испортила дороги, ослабила ледяной покров многочисленных озер и болот, чем затруднила маневр.

В рамках только нашего фронта это наступление было, безусловно, неудачным. В масштабе же межфронтовом оно имело некоторое значение. Так или иначе нам удалось приковать к себе силы неприятеля, переброшенные на наше направление в ноябре и декабре 1943 года, лишить его возможности маневрировать отсюда резервами в полосы Ленинградского и Волховского фронтов.

Принимаю гвардейскую

Январская операция, ее результаты неожиданно отразились на моей судьбе. Мне было предложено вступить в командование 10-й гвардейской армией.

Подумать было над чем. Должность заместителя командующего фронтом, конечно, помасштабнее — я участвовал в разработках почти всех фронтовых операций. Но это все же была не самостоятельная работа. Когда операция начиналась, я, по существу, превращался в исполнителя отдельных, частных поручений командующего.

Командарм — лицо более самостоятельное. С этой точки зрения новое назначение было для меня лестным, тем более что армия заслуженная, гвардейская. Но принимать ее приходилось после неудачной операции — это тревожило. Армия — громадный живой организм, и успешное

управление ею зависит не только от уровня теоретической подготовки, практического опыта, организаторских способностей командарма, а и от его морального авторитета у всего личного состава. Удастся ли мне быстро завоевать такой авторитет у людей, только что прибывших с другого фронта и сразу же попавших в неприятную ситуацию?

Все же я решился. Принимая армию, поблагодарил командующего фронтом за доверие и попросил, по крайней мере в ближайшее время, не производить у нас никаких смен руководящего состава, а начальником штаба назначить хорошо известного мне по работе в управлении фронта генерал-майора Николая Павловича Сидельникова.

— Быть посему, — согласился М. М. Попов.

Утром 21 января я распростился с товарищами из фронтового управления и выехал к месту новой службы.

10-я гвардейская армия включала в себя девять дивизий, объединенных тремя корпусными управлениями. Она сложилась в основном из соединений Западного фронта. Все соединения имели сработавшиеся штабы. Армейский штаб был тоже многоопытен, он создавался на базе штаба 30-й армии, отличившейся в контрнаступлении под Москвой. Январскую неудачу гвардейцев следовало рассматривать лишь как частность, не характерную для них.

В двадцатых числах января развернулась подготовка к новой операции, и с этого, по существу, началось мое командование 10-й гвардейской армией, службой в которой я горжусь до сих пор.

Первые два дня с момента приезда сюда я всецело занимался организационными вопросами. Их была уйма. Состав армии значительно изменился: от нас изымались 171, 207 и 312-я стрелковые дивизии, а вместо них нам передавались 7-я гвардейская дивизия из резерва фронта и 119-я гвардейская из 22-й армии. После этого армия становилась однороднее: все стрелковые соединения — гвардейские. В то же время к нам поступило пополнение в виде маршевых рот; командующий обязан был позаботиться и о нем — о его приеме, правильном распределении. Много хлопот доставляли подвоз боеприпасов, накопление горючего.

Днем 25 января вместе с другими командармами меня

пригласил М. М. Попов для ознакомления с замыслом новой операции. Как известно, в это время войска Ленинградского и Волховского фронтов продолжали наступление. В этой обстановке очень важно было максимально активизироваться и нам. 2-му Прибалтийскому фронту предстояло разгромить новосокольническую группировку противника и главными силами трех армий выдвинуться восточнее озер Ущо, Але, Большой Вяз. Таким маневром, обойдя Пустошку и Идрицу, мы получали возможность развить наступление на Опочку, где местность более доступна.

10-я гвардейская армия выполняла в этой операции главную задачу и потому усиливалась еще двумя стрелковыми корпусами двухдивизионного состава, 29-й и 78-й танковыми бригадами и тремя отдельными танковыми полками, 2-м артиллерийским корпусом, 6-й гвардейской противотанковой бригадой, одной бригадой и четырьмя отдельными полками гвардейских минометов. Всего в армии насчитывалось теперь четырнадцать стрелковых дивизий, шесть специальных соединений, не считая отдельных частей. Большинство соединений было неплохо укомплектовано.

Директива, полученная вечером 25 января, конкретизировала указания командующего фронтом. В качестве ближайшей задачи для 10-й гвардейской армии ставилось: прорвать вражескую оборону на участке Шиперино, Аптоново (южнее шоссе Новосокольники — Маево) и выйти на рубеж совхоз Минкино, Яковцево, Ситьково, Руново. Удаленность этого рубежа от переднего края неприятельской обороны составляла 35—40 километров. Южнее Навы навстречу нам планировалось наступление нескольких дивизий 22-й армии, а на Маево нацеливалась 6-я гвардейская армия.

На перегруппировку войск и все другие работы по подготовке к наступлению нам давалось только пять-шесть суток. Справиться в такой срок было не просто. Ведь большинству соединений предстояли перемещения на 50—70 километров.

Марши совершались ночью. Днем войска отдыхали, приводили себя в порядок, просушивали обувь. Командиры корпусов и дивизий, а также их штабы и командую-

щие родами войск в это время работали на местности, уточняя боевые задачи и решая все практические вопросы по организации взаимодействия. Время распределялось так, чтобы его побольше осталось командирам частей. Армия и корпуса использовали для работы на местности всего один день — 26 января, командиры дивизий — тоже один. Зато в полках и батальонах задачи уточнялись в течение двух суток.

Район сосредоточения армии прикрывала 379-я стрелковая дивизия, которая ранее занимала здесь оборону и временно была переподчинена мне. Но так как фактическая ее численность далеко не отвечала штатной и оборонялась она на очень широком фронте, я приказал для надежности развернуть в тылу 379-й по одному-два батальона от каждого соединения первого эшелона.

Нам удалось довольно основательно изучить противника, характер его обороны и огневую систему на участке прорыва.

Глубина первой полосы вражеской обороны равнялась примерно 4—6 километрам. Вторая полоса проходила севернее железной дороги Новосokolьники — Маево. Вся оборона состояла из хорошо организованной системы сильных узлов сопротивления, основой которых являлись населенные пункты и господствующие высоты. Насыщенность ее огневыми средствами не превышала, однако, 15—20 пулеметов и 12—15 орудий и минометов на километр фронта.

Нас очень беспокоило то, что противник закрепился на высотах. Особенно мозолили глаза высота 214.7 — в трех километрах северо-восточнее Станькова, высота 199.7 — южнее Дворца, высота 219.1 — у Клементьева и, наконец, высота 231.7 — южнее озера Спасстер. Правда, последняя находилась за нашей разгранлинией с 6-й гвардейской армией, но и с нее гитлеровцы могли препятствовать продвижению наших частей огнем во фланг. Учитывая это, мы спланировали обработку ее артиллерией.

На направлении главного удара нашей армии первую полосу обороны противника занимали части 83-й и 23-й пехотных дивизий, а также 14-й штрафной и сводный рабочий батальоны. Всего — до восьми батальонов и до 40 артиллерийских батарей. Оперативных резервов в непосредственной близости отсюда разведка не обнаружила.

Таким образом, мы имели основание считать, что располагаем абсолютным превосходством над врагом как в

огневых средствах, так и в ударной силе. Только в первом эшелоне у нас действовало шесть дивизий, а плотность артиллерийской группировки достигала 180 стволов на километр фронта (считая от 76-мм калибра и выше).

Участок предполагаемого прорыва занимал по фронту всего 7,5 километра. В этих границах стрелковым дивизиям 15-го и 7-го гвардейских корпусов нарезались полосы шириной в 1200—1300 метров. А 19-й гвардейский корпус, наступавший на левом фланге армии, получал на дивизию всего по 600—800 метров, и его боевые порядки были еще более глубокими: в первом эшелоне каждая дивизия имела только один-два батальона, в глубине же оставалось по три — пять батальонов¹. Первый эшелон усиливался также за счет отдельных танковых полков (не более десяти единиц на дивизию).

Танковые бригады мы берегли для развития успеха. 78-ю (28 танков) предполагалось использовать во взаимодействии с 29-й гвардейской стрелковой дивизией 15-го корпуса, а 29-ю (тоже 28 танков) — в полосе 19-го корпуса.

Действовать нам предстояло на пересеченной местности, с толстым снежным покровом и бесчисленным количеством балок, заполненных водой. Высоты и подходы к ним были покрыты лесом. В таких условиях танкам не разбежаться. Да и мало их было. Вся тяжесть наступления ложилась на плечи пехоты, а потому и уплотнялись так ее боевые порядки. Имея абсолютное превосходство в артиллерии, мы не ожидали сильного ответного огня и не опасались за излишние потери при плотных построениях стрелковых дивизий.

29 января проводилась разведка боем, сразу на трех направлениях. И повсюду она прошла успешно. Особенно отличился батальон капитана Кондакова 20-го гвардейского полка 7-й гвардейской дивизии: стремительно он овладел высотой 219.1 и удерживал ее до начала наступления главных сил армии.

Захваченные пленные подтвердили неизменность группировки противника и все заявили о неожиданности нашего удара. Это свидетельствовало, что нам удалось избе-

¹ Перед началом этой операции стрелковые полки были, как правило, двухбатальонного состава. — *Прим. автора.*

жать многих недостатков, имевших место при подготовке прошлой операции.

И все же нас тревожили возможные последствия неудачного дебюта 10-й гвардейской армии на 2-м Прибалтийском фронте. Важно было поднять боевой дух личного состава.

В войсках широко развернулась политическая работа. Политработники всех степеней, коммунисты и комсомольцы информировали войска о ходе борьбы на всех фронтах, о положении в Прибалтике, разъясняли задачи армии.

Особое место в агитации и пропаганде занимали сообщения об успехах наших соседей — Ленинградского и Волховского фронтов. К 20 января противник был выбит из Петергофа, Стрельни, Красного Села, Ропши и Новгорода, а к 30 января удалось освободить города Пушкин, Слуцк, Красногвардейск, Тосно, Любань, Чудово. Эти победы вдохновляли каждого.

Той же цели послужило приуроченное к началу наступления торжественное вручение Гвардейского знамени 96-му стрелковому полку 30-й гвардейской стрелковой дивизии и многочисленных персональных наград военнослужащим, отличившимся в прошлых боях. Такую почетную миссию мне довелось выполнить в 7-й гвардейской стрелковой дивизии.

30 января мы провели общую проверку готовности к наступлению. Занимались этим командиры дивизий и корпусов, командующие родами войск. Особое внимание уделялось организации взаимодействия.

В ночь на 31 января войска начали занимать исходное положение. Казалось, все, что можно было предусмотреть, мы предусмотрели. Противник не противодействовал нашей подготовке. И тем не менее последнюю январскую ночь я провел беспокойно. Пытался заснуть, но не смог. Мысленно восстанавливал обстановку в дивизиях первого эшелона.

Начал с 15-го гвардейского стрелкового корпуса. 30 января я сам проверял его части. По соединениям первого эшелона у меня не было претензий. Не сомневался я и в том, что опытный командир корпуса генерал Н. Г. Хоруженко вовремя введет в бой второй эшелон — 29-ю гвардейскую дивизию, и она под командованием генерал-

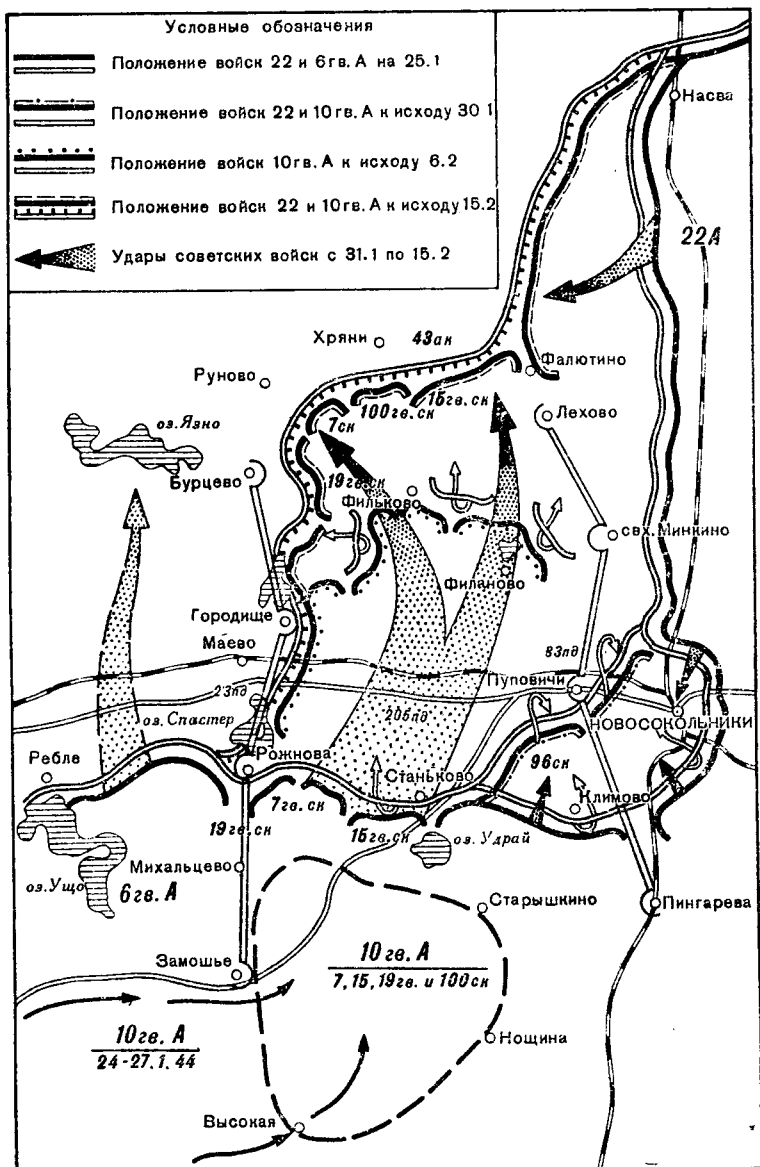


Схема 11. Наступление войск 2-го Прибалтийского фронта
31.1—15.2 1944 г.

майора А. Т. Стученко сумеет развить успех. А вот как на левом фланге у генерал-майора Б. Б. Городовикова? Все ли там сделано по организации взаимодействия? Не переоценил бы результаты разведки боем командир 7-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор М. Э. Москалик. Не преднамеренно ли неприятель отдал ему высоту 219.1, чтобы ввести нас в заблуждение?.. Генерал Москалик — мой старый товарищ. Еще в годы гражданской войны он заслужил орден Красного Знамени. На него, конечно, тоже можно положиться. Но все-таки...

И как пойдет дело у полковника Колобутина, командира 56-й гвардейской стрелковой дивизии? У нас все соединения имеют глубокое построение боевых порядков, а это — в особенности. Сумеет ли развернуться в нарезанной для нее полосе? Не подвергнется ли огневому нападению с высоты 231.7 или с островов, расположенных в южной части озера Спастер, если сосед почему-либо отстанет?..

Ночь на исходе. Скоро — рассвет. Пора отправляться на наблюдательный пункт.

Поспел туда до начала артподготовки. Одновременно заговорили орудия и в полосе левого соседа — 6-й гвардейской армии. Наше артиллерийское превосходство сказалось быстро. Неприятель понес серьезные потери в живой силе и технике. Его огневые средства были надежно подавлены. Особой похвалы заслуживала контрбатареинная группа. Командовал ею полковник Касперский, имевший в своем распоряжении около 200 стволов калибра 152 и 122 мм. За три огневых удара на каждую вражескую батарею обрушилось в среднем по 150—160 снарядов, и они замолчали. Такой эффектной контрбатареинной стрельбы мне не случалось видеть ни до, ни после этой операции. В последующие дни наступления наши войска захватили 135 орудий — практически всю артиллерию врага в полосе 10-й армии.

31 января лучшего результата добились 30-я и 85-я дивизии 15-го гвардейского стрелкового корпуса. Они продвинулись на шесть километров и вышли к шоссе на дороге Новосокольники — Маево. Несколько медленнее наступали 7-й и 19-й гвардейские стрелковые корпуса, но первая позиция неприятельской обороны оказалась прованной и там.

К исходу третьего дня операции 15-й корпус достиг второй оборонительной полосы и на ряде участков выбил с нее гитлеровцев. Левый же фланг продолжал отставать. Это в значительной мере объяснялось тем, что войска соседней 6-й гвардейской армии не смогли продвинуться вперед.

Особенно неблагоприятно сказалось это на действиях 19-го гвардейского стрелкового корпуса. Его левофланговые части вместо удара строго на север вынуждены были все больше разворачиваться в западном направлении.

7 февраля 29-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием энергичного генерал-майора А. Т. Стученко, развивая успех первого эшелона 15-го корпуса, совершила рывок навстречу правому соседу — 22-й армии и соединилась с ее передовыми частями, овладев совхозом Минькино. Согласованные действия 22-й и 10-й гвардейской армий заставили противника поспешно очистить Новосокольнический выступ. Главные силы нашей армии вышли севернее дороги Новосокольники — Маево, выполнив таким образом свою ближайшую задачу.

На этом следовало бы прервать операцию и приступить к подготовке новой: действия по прежнему плану становились бесперспективными.

К этому же времени закончилось наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов. Следовательно, отпала одна из главных целей операции 2-го Прибалтийского — сковать силы 16-й немецкой армии.

Тем не менее командующий фронтом настойчиво требовал от нас продолжать наступление. Оно было прекращено лишь 16 февраля. Тогда всем уже стало ясно, что 10-я гвардейская в одиночку не сможет добиться крупных оперативных результатов.

После 7 февраля противник получил возможность перебросить в ее полосу 205-ю пехотную дивизию в составе семи батальонов, действовавшую раньше перед фронтом 22-й армии. Из войск, противостоявших 6-й гвардейской и 3-й ударной армиям, сюда же перегруппировались два батальона 69-й, три батальона 290-й, один батальон 329-й, два батальона 32-й и один батальон 81-й пехотных дивизий. А всего, по нашим тогдашним подсчетам, перед 10-й гвардейской немцы сосредоточили дополнительно шестнадцать пехотных и три строительных батальона, да пять отдельных артиллерийских дивизионов.

В ходе февральского наступления мы «перемололи» до четырех фашистских дивизий и захватили свыше 600 пленных.

В этих зимних боях наши командиры и штабы накопили немалый опыт руководства боевыми действиями войск. Радовали успехи, достигнутые командирами полков В. М. Лазаревым, И. А. Фадейкиным, И. К. Колодяжным, В. А. Черкасовым, командирами батальонов И. М. Третьяком, Г. И. Демидковым и другими офицерами.

С честью справились со своими задачами командиры соединений, в частности, генералы Б. Б. Городовиков, А. Т. Стученко, М. Ф. Андрущенко, полковник М. А. Исаев.

Пушкинские места

В середине февраля 1944 года Ставка расформировала Волховский фронт. К нам оттуда прибыла 1-я ударная армия.

В марте она освободила Новоржев и подошла, образно говоря, на расстояние пушечного выстрела к Пушкинским Горам, а в самом начале апреля форсировала реку Великая и захватила небольшой плацдарм, простиравшийся от устья Сороти до деревни Алафурово.

Гитлеровцы взяли плацдарм под пристальное наблюдение. Особенно со стороны старой крепости Воронеж. В штабе же нашего фронта плацдарм явно переоценили. Несмотря на то что размеры его не выходили за тактические рамки, у нас началась разработка плана новой операции именно с этого «пяточка».

А дело намечалось крупное: в ходе новой операции 2-му Прибалтийскому фронту во взаимодействии с левым крылом Ленинградского фронта надлежало разгромить островскую группировку врага. В дальнейшем 10-я гвардейская армия должна была наступать на Валгу и овладеть железной дорогой Рига — Остров.

Началась перегруппировка. Вместе с нами маршировал один корпус из 3-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева; он передавался в состав 1-й ударной. К плацдарму войска двигались полевыми дорогами в обход Новоржева с северо-востока и через Осинкино втягивались в лесные массивы.

Из Кашина передо мной впервые открылись пушкинские места. По своей красоте они изумительны. Но и их мы рассматривали тогда лишь с военной точки зрения. Наше внимание сразу приковала важная топографическая деталь: на картах масштаба 200 000 и 100 000 горизонталь у подписи «Пушкинские Горы» была отмечена цифрой «160». На этой же горизонтали лежали и Вороничи и Михайловское, а рубеж, занятый 1-й ударной армией, не подымался выше отметки 60—80.

Оборону врага хорошо маскировали большие хвойные леса. Нас же он видел как на ладони. С занятых немцами высот просматривались не только боевые порядки наших передовых частей, но и наши вторые эшелоны, даже тылы местами на 20—30 километров.

При всем том в районе Пушкинских Гор гитлеровцы располагали крупной артиллерийской группировкой.

Дальнейшее, более углубленное изучение плацдарма и подходов к нему окончательно убедило меня, что он не годится для большого наступления. К такому же выводу пришел и новый командующий 1-й ударной армией генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, перемещенный на эту должность из 3-й ударной. Вместе мы доложили свои сообщения генералу армии М. М. Попову, но он ждал от нас совсем другого.

— Что же вы предлагаете? — раздраженно спросил Маркиан Михайлович. — Не проводить операцию?

Я попросил командующего фронтом разрешить нашей армии нанести удар противнику с востока и северо-востока. Мне представлялось, что это направление сулит большие успехи. Однако то ли я не сумел достаточно убедительно аргументировать свое предложение, то ли еще почему, только командующий фронтом оставил все без изменений. Мне и Чибисову было приказано готовить наступление с плацдарма.

Времени у нас было в обрез. Река Великая уже очищалась ото льда. Близился паводок. Интенсивно таяли остатки снега и на полях, угрожая движению по проселочным дорогам, а тем более вне их. До распутицы оставалось недели полторы. Эту пору и надо было использовать для наступления.

В течение нескольких дней вместе с командирами корпусов и дивизий мы работали на местности: уточняли

задачи войскам, организовали взаимодействие. В ходе этой работы было принято окончательное решение об оперативном построении армии: в первом — 7-й и 15-й гвардейские корпуса, во втором — 19-й гвардейский корпус.

Боевые порядки корпусов строились тоже в два эшелона. Непосредственно на плацдарме мы развертывали четыре дивизии — 119, 7, 29 и 30-ю. Сосед справа — 1-я ударная армия — на том же плацдарме имел в первом эшелоне две дивизии. А весь плацдарм — двенадцать километров по фронту и семь в глубину. Из артиллерийских средств на нем удалось разместить только орудия прямой наводки и минометные батареи. Основную же артиллерийскую группировку армии мы вынуждены были оставить на северо-восточном берегу Великой.

Все дивизии первого эшелона также построили глубокие боевые порядки. Например, 7-я гвардейская, занимавшая по фронту всего 1200 метров, имела, по существу, три эшелона. В 30-й гвардейской, при такой же по ширине полосе, в первом эшелоне находилось всего два батальона, а в затылок им стояло четыре батальона (наши стрелковые полки в ту пору были, как правило, двух-батальонного состава).

На каждую дивизию первого эшелона выделялось по 10—15 танков для сопровождения пехоты.

За сутки до начала наступления, докладывая командующему фронтом о готовности войск, мы с генералом Чибисовым снова подняли вопрос о том, что нам серьезно угрожает артиллерийская группировка противника, размещенная в районе Пушкинских Гор, Вороничей и Михайловского. Маркиан Михайлович бросил вопрошающий взгляд в сторону командующего артиллерией фронта, и тот поспешил заверить, что фронтовая контр-батарейная группа своевременно ликвидирует эту опасность.

Пока готовилась операция, немцы вели себя пассивно. Без особого противодействия с их стороны войска 10-й гвардейской вышли на плацдарм и заняли там исходное положение для атаки. Однако едва мы начали артиллерийскую подготовку, фашисты тоже повели сильный огонь. Особенно интенсивному обстрелу подверглась 30-я гвардейская стрелковая дивизия, находившаяся бли-

же других к Пушкинским Горам. Ее первый эшелон понес настолько ощутимые потери, что командир дивизии вынужден был заменить некоторые подразделения еще в исходном положении. Тем не менее армия пошла в наступление.

Общее продвижение войск за день составило в среднем три-четыре километра. И как ни странно, дальше других вырвались части 30-й гвардейской стрелковой дивизии. Сказалась высокая выучка бойцов, сколоченность подразделений. Вражеские батареи не раз прижимали их к земле, но, как только огонь ослабевал, они снова поднимались и бегом устремлялись вперед.

К концу дня 30-я дивизия вклинилась в оборону противника на пять километров. Однако из-за больших потерь ее пришлось вывести в резерв. Ночью в первый эшелон 15-го корпуса встала 85-я гвардейская стрелковая дивизия, а 30-я отошла на восточный берег реки Великая.

Я пожаловался генералу армии М. М. Попову на то, что фронтовая контрбатарейная группа не выполнила своих задач. Маркиян Михайлович порекомендовал мне взять ее в свое непосредственное подчинение, мотивируя это тем, что в подавлении артиллерии противника 10-я гвардейская армия заинтересована больше других. Если бы такое предложение было сделано мне при подготовке к наступлению, я принял бы его, не раздумывая. Но теперь обстановка была иной. В первый день операции контрбатарейная группа израсходовала примерно половину выделенных для нее боеприпасов. В последующем она уже не могла обеспечить огонь прежней силы. Взять группу теперь означало бы снять ответственность с командующего артиллерией фронта за ход артиллерийского наступления в целом. Эти свои соображения я откровенно высказал М. М. Попову и от предложения его отказался.

Наши попытки развить успех продолжались еще с неделю, но существенных результатов не дали. 18 апреля Ставка Верховного Главнокомандования через своего представителя Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко распорядилась: наступление прекратить и перейти к жесткой обороне.

Затем последовало решение Государственного Комитета Обороны о смене командования нашего фронта. Новым командующим к нам назначался генерал армии А. И. Еременко, членом Военного совета — генерал-лейтенант В. Н. Богаткин.

Ставка обязала их перехватить на рижском направлении пути отхода немецких армий из Прибалтики. И на мой взгляд, фронт располагал тогда для этого достаточными силами, особенно если учесть, что основная масса войск прибалтийской группировки противника увязла в боях под Ленинградом и Новгородом.

От нас требовалось лишь организованное и одновременное введение войск в действие, при некотором усилении их авиацией, танками и, конечно, основательном пополнении боеприпасами. Но в авиации нам отказали, в танках — тоже, да и материальное обеспечение операции оставляло желать много лучшего. Пришлось планировать темпы нового наступления, основываясь на возможностях пехоты при глубоком снеге и весенней распутице.

Не знаю, как другие, а я очень досадовал тогда на то, что операции следовали одна за другой, готовились торопливо и походили больше на отдельные рывки, а не на строго продуманные, связанные одно с другим оперативные мероприятия. В результате вместо выхода на коммуникации врага войска фронта делали только неглубокие вмятины в его обороне.



«ДАЕШЬ РИГУ!»

Пауза

К весне 1944 года общая оперативная обстановка на нашем участке фронта не давала оснований ожидать каких-либо активных действий со стороны противника. Это позволило нам почти всецело сосредоточиться на подготовке войск к летней кампании. На первых порах из-за распутицы личный состав занимался главным образом изучением уставов и отработкой тактических задач на ящиках с песком. А с середины мая, когда подсохло, учеба перепеслась в поле.

С особой тщательностью отрабатывалась тема «Прорыв позиционной обороны противника». При этом повышенное внимание уделялось организации взаимодействия пехоты с артиллерией.

На основе накопленного опыта мы позволили себе пересмотреть некоторые шаблоны. Известно, например, что еще до войны повелось батальонные и полковые пушки перемещать в наступлении силами стрелковых подразделений. Для перетаскивания каждой пушки выделялось до взвода бойцов. Война показала, что это ослабляет пехоту и в то же время не обеспечивает быстрой переброски артиллерии. Мы решили вернуться к старому, испытанному способу: передвигать орудия сопровождения при помощи конной тяги, скачками, на широких аллюрах. Он нас больше устраивал. Конечно, пушка на конной тяге — цель крупная. Но она становилась более подвижной, а значит, пристреляться к ней во время движения было труднее.

По особому плану проходили занятия в 29-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал тогда Андрей Трофимович Стученко. В июне по приказу командующего фронтом она была моторизована и предназна-

лась для действий в качестве подвижной группы армии. Все ее стрелковые полки и специальные подразделения были посажены на машины. Дивизии придали танковый полк, насчитывавший 50 единиц МК-3. Конский состав и гужевой транспорт из частей изъяли, но на всякий случай оставили в армейском тылу.

Инициатива эта исходила от генерала армии А. И. Еременко. Готовясь к наступлению, он думал о высоких темпах продвижения войск и, чтобы хоть как-то восполнить отсутствие танковых и механизированных корпусов, пошел на создание импровизированных подвижных групп. В 10-й гвардейской армии на эту роль была выделена 29-я гвардейская дивизия, а в 3-й ударной — 37-я стрелковая.

Одновременно с полевыми занятиями в армии проводились учебно-методические сборы разных категорий военнослужащих. В мае прошли сборы сержантского состава стрелковых подразделений, затем отдельно — разведчиков и снайперов. Они обменялись опытом, ознакомились с новейшими образцами боевой техники, с новыми тактическими приемами противника.

Напряженно трудились полпторганы. По утвержденному Военным советом плану политотдел армии провел семинары с начальниками политотделов корпусов и дивизий, заместителями командиров полков по политической части, инструкторами по организационно-партийной работе, агитаторами полков и соединений, а также с помощниками начальников политотделов по комсомольской работе. Перед участниками этих семинаров выступали почти все руководящие работники фронта и армии. Они дали обширную информацию об обстановке в стране и на фронтах Великой Отечественной войны, помогли глубже уяснить очередные задачи партийно-политической работы на нашем направлении. Особенно плодотворно строили свою деятельность политорганы соединений под руководством полковников С. И. Хриченко, А. С. Ширяева, П. В. Щербины, Ф. А. Макарова, А. М. Корсакова.

Большой вклад в подготовку личного состава к летним операциям внесла армейская газета «Боевое знамя». На ее страницах бывалые люди армии высказали немало ценных практических советов новому пополнению.

Заметную роль во всей политико-воспитательной работе среди личного состава сыграла передовая статья

«Правды», опубликованная 15 мая, «Коммунист-фронтвик — воспитатель бойцов». Эта статья подсказала много полезного первичным партийным организациям. А они у нас, несмотря на боевые потери, все время численно росли. В партию шли лучшие бойцы, младшие командиры и офицеры. С января по апрель в 22-й гвардейской стрелковой дивизии в ряды партии было принято 637 человек, в 29-й гвардейской — 732, в 30-й гвардейской — 588, в 56-й гвардейской стрелковой дивизии — 609, в 65-й — 611.

По мере приближения сроков готовности армии к наступлению содержание партийно-политической работы становилось все более конкретным и целеустремленным. В начале июля во всех частях и подразделениях начались беседы на тему «Советская Прибалтика ждет нас». На солдатских митингах, партийных и комсомольских собраниях все чаще звучал лозунг: «Даешь Ригу!»

Но подготовка к летней кампании не исчерпывалась только этим. Учебная и воспитательная работа сочеталась с крупными организационными мероприятиями. Как только подсохли дороги, началось усиленное накапливание боеприпасов, горючего, инженерного имущества, средств связи. В каждом стрелковом полку нам удалось скомплектовать по два полнокровных батальона и довести до штата численность специальных подразделений. В состав армии пришла прославленная 8-я гвардейская стрелковая дивизия имени Панфилова. Во главе ее был поставлен Андрей Данилович Кулешов — генерал с высокими боевыми качествами. До этого он занимал пост заместителя начальника штаба 2-го Прибалтийского фронта.

Решительный рывок

Июнь 1944 года ознаменовался большими победами Советских Вооруженных Сил. На этот раз успех выпал на долю войск Ленинградского и Карельского фронтов. Во взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской флотилиями они нанесли два последовательных удара по северному союзнику гитлеровской Германии. Финляндия вышла из войны.

23 июня началась стратегическая наступательная операция в Белоруссии. В ней участвовали 1, 2, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты.

А 4 июля получил директиву о переходе в наступление и 2-й Прибалтийский фронт. Перед нами ставилась задача разгромить вражескую группировку в районе Идрица, Себеж, Дрисса и овладеть городами Резекне и Даугавпилс. В дальнейшем войска фронта, надежно обеспечив себя с севера, должны были наступать в направлении Риги и во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом отрезать от Германии всю прибалтийскую группировку неприятеля.

Ставка предписывала нашему фронту нанести два удара: один — силами 10-й гвардейской и 3-й ударной армий на Себеж, Резекне, в обход Идрицы с севера; другой — силами 4-й ударной и 22-й армий вдоль северного берега Даугавы на Дриссу, Даугавпилс.

В составе 10-й гвардейской армии в то время было девять стрелковых дивизий, 19-я гвардейская артиллерийская бригада, 6-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и 118-й укрепрайон. Кроме того, армия усиливалась 14-й и 27-й отдельными артиллерийскими дивизиями, 13-й минометной бригадой, 78-й танковой бригадой, 7-м и 248-м отдельными танковыми полками, двумя самоходно-артиллерийскими полками, 13-й отдельной инженерно-саперной бригадой и несколькими полками гвардейских минометов. Сила внушительная. Но при всем том задача, которую поставил перед армией командующий фронтом — в первый день наступления выйти на реку Великая, — оказалась нам явно не по плечу. Ведь до Великой по прямой было 80—90 километров.

Непосильную задачу получила и 3-я ударная армия. Ей к исходу первого дня наступления надо было овладеть городом Себеж, преодолев с боями расстояние в 90—100 километров.

Генеральный штаб обратил внимание на неосуществимость таких требований и телеграммой напомнил командующему фронтом, что темп продвижения пехоты в первый день наступления не превышает 10—15 километров. Но в то время мы, командармы, об этой телеграмме ничего, разумеется, не знали и делали все, что могли, для быстрейшего выхода на указанные рубежи. Первый удар решили сделать самым мощным. По замыслу он должен был сокрушить противостоящего врага и открыть путь для наших импровизированных подвижных групп.

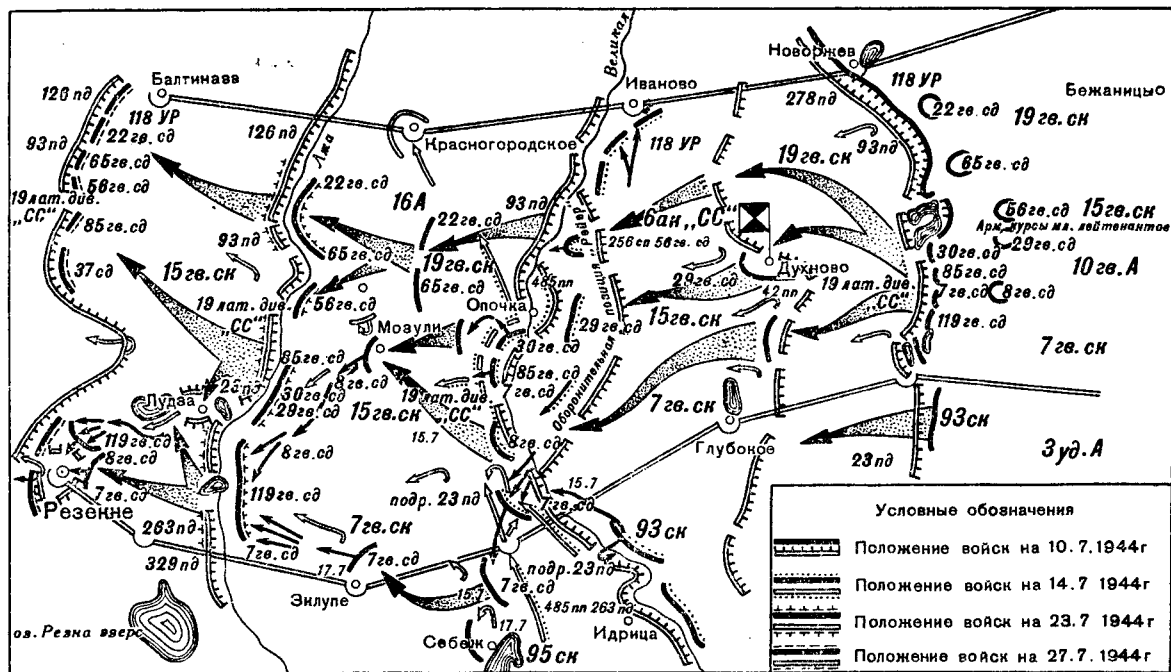


Схема 12. 10-я гвардейская армия в Режеcko-Двинской операции

Артиллерийская подготовка атаки начиналась двадцатиминутным огнем на подавление и разрушение. Затем следовал десятиминутный налет по обороне противника всей артиллерией и минометами с предельным режимом огня. На артиллерийское сопровождение пехоты отводилось 50 минут.

Основной ударной силой подвижной группы являлись 78-я танковая бригада и 1453-й самоходно-артиллерийский полк; всего до 70 машин. К концу дня они должны были выйти в район Опочки, а после овладения Опочкой развить наступление на Красногородское, Голишево и захватить плацдарм на реке Синяя.

Прорыв осуществлялся силами шести дивизий южнее озера Але на фронте 13—15 километров. Дивизии первых эшелонов наступали в полосах шириной до трех километров. А одна из них — 30-я гвардейская — должна была осуществить прорыв всего на двухкилометровом фронте.

Справа наступление главных сил армии обеспечивали 22-я гвардейская стрелковая дивизия, оборонявшаяся к югу от Новоржева, и части 118-го укрепрайона. Необходимость этого диктовалась тем, что войска вновь созданного 3-го Прибалтийского фронта, и в частности его левофланговая 1-я ударная армия, переходили в наступление позже нас — 17 июля.

Плотность артиллерийского обеспечения на главном направлении составляла 140—150 стволов на километр фронта. Чтобы создать такую плотность, мы использовали штатную артиллерию всех своих дивизий и, конечно, все артсредства усиления армии.

Участок прорыва был удобен для нас во всех отношениях. Войска 10-й гвардейской армии располагали хорошими наблюдательными пунктами, дававшими возможность просмотра обороны гитлеровцев на несколько километров. Правый фланг ударной группировки прикрывался от неприятельских контратак озером Але. Да и оборону здесь держали далеко не лучшие части противника.

Правда, мы располагали данными о наличии в оперативной глубине нескольких тыловых оборонительных рубежей, проходивших главным образом по рекам. Наибольшее беспокойство вызывали у нас укрепления на реках Великая и Синяя. Великая представляла собой

серьезное препятствие хотя бы уже потому, что ее западный берег выше восточного. А на Синей берега и поймы сильно заболочены.

И все-таки мы не сомневались в успехе. К наступлению армия подготовилась хорошо.

Конечно, не все у нас было таким, как хотелось бы. Особенно в подвижной группе. Наспех моторизованная 29-я гвардейская стрелковая дивизия была посажена на колесные машины низкой проходимости, а действовать ей предстояло в лесистой местности, с большим количеством речек и болот. Наиболее труднопроходимым являлся район между Опочкой и Резекне. Там имелась лишь одна-единственная дорога с твердым покрытием до рубежа реки Синяя. А дальше в полосе армии вплоть до латвийской территории шла только проселочная. На такой местности любая речка, любое болото могли стать серьезным препятствием для машин, которые получила 29-я дивизия. Эти наши опасения, к сожалению, подтвердились. В ходе операции 29-я гвардейская лишь временами вырывалась вперед. Но, как правило, уже к исходу того же дня другие дивизии догоняли ее.

Однако не будем забегать вперед, а проследим, как развивалась операция, шаг за шагом, с самого начала.

В ночь на 10 июля 10-я гвардейская армия заняла исходное положение: 30, 85, 7 и 119-я дивизии — в первом эшелоне, 29-я и 8-я — во втором.

К утру все командиры частей и соединений находились на своих наблюдательных пунктах и ждали сигнала. Я вместе с начальником штаба и командующими родами войск был на НП армии. Днем пригласил туда командира 15-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Н. Г. Хорунженко и командира 29-й дивизии генерала А. Т. Стученко.

С НП хорошо просматривались первые траншеи противника во всей полосе наступления 15-го корпуса. А на отдельных участках вражеская оборона открывалась на глубину до четырех километров. В пределах видимости мы уточнили последовательность действий 15-го корпуса и план ввода в прорыв 29-й дивизии, а также задачи артиллерии по обеспечению развития прорыва.

Затем последовала разведка боем. Результаты ее подтвердили, что во всей полосе предстоящего наступления

противник старательно удерживает занимаемые позиции. Попытки разведотрядов вклиниться в его оборону повсеместно были отражены. Перед фронтом 15-го гвардейского стрелкового корпуса и правофланговой дивизии 7-го гвардейского стрелкового корпуса наступило огневое затишье.

По-иному развернулись события в полосе левофланговой 8-й гвардейской стрелковой дивизии. Здесь на узком участке фронта в дефиле между озерами Островито и Каменное предпринятая с утра разведка боем переросла в наступление силами 23-го гвардейского стрелкового полка, которым тогда командовал полковник Георгий Ильич Ломов. Началось с того, что 4-й роте этого полка (командир капитан Зачиняев) удалось захватить две неприятельские траншеи. Однако гитлеровцы неожиданной контратакой отбросили ее в исходное положение. Тогда командир дивизии генерал-майор А. Д. Кулешов ввел в бой 2-й стрелковый батальон под командованием капитана Чепурных, поддержав его действия значительными силами артиллерии. Батальон овладел тремя траншеями, за ним устремился весь полк.

В этом тактическом успехе командир 7-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский увидел перспективу успеха оперативного. С моего одобрения он перенес главные усилия с правого фланга на левый. 119-й дивизии, оказавшейся во втором эшелоне, приказано было развивать успех 8-й гвардейской.

В 20.00 того же дня в наступление перешла вся армия. Массированная артиллерийская подготовка дала высокий эффект. С наблюдательного пункта мне было видно, как разрушались неприятельские траншеи. После этого дружно и организованно поднялись в атаку части 30-й и 85-й гвардейских стрелковых дивизий.

Как только 30-я гвардейская стрелковая дивизия овладела первой линией вражеских траншей, я распорядился ввести в бой 29-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командира ее генерал-майора А. Т. Стученко крепко обнял и пожелал ему всего доброго.

Некоторое время мы еще наблюдали, как продвигались вперед части 15-го корпуса, но потом вечерние сумерки лишили нас этой возможности. Только по звукам артиллерийских и минометных разрывов да вспышкам ракет можно было судить, как развиваются события. По-

том загремели выстрелы танковых пушек подвижной группы. Это означало, что она уже вошла в соприкосновение с неприятелем.

О действиях 7-го корпуса я мог судить только по донесениям. Они свидетельствовали, что там тоже все обстоит благополучно.

Рано утром 11 июля мы подвели первые итоги. На направлении главного удара оборона гитлеровцев была прорвана на глубину 6—8 километров. Придерживаясь населенных пунктов лишь как ориентиров, стрелковые полки шли преимущественно вне дорог, обходя вражеские узлы сопротивления. 29-я дивизия за ночь не смогла вырваться вперед и дралась в одной линии с дивизиями первого эшелона. Ее колесные машины и приданные танки вязли на заболоченных участках. Только с утра 11 июля подвижной группе удалось несколько опередить своих соседей.

12 июля у деревни Духново передовые подразделения 29-й столкнулись с батальоном СС, прикрывавшим отход главных сил. В этом бою отличился стрелковый батальон майора И. М. Третьяка. Он так быстро развернулся для атаки, что противник не успел оказать организованного сопротивления. Гитлеровцы были разбиты, значительная их часть попала в плен.

Исключительно храбро, но временами без нужды рискованно вел себя и командир дивизии генерал-майор А. Т. Стученко. Он почти все время находился в боевых порядках. Я сердечно поблагодарил Андрея Трофимовича за решительные действия дивизии, однако посоветовал самому без надобности не выскакивать туда, где отлично подготовленный офицерский состав справится с задачами и без него.

К вечеру 12 июля части 29-й дивизии достигли Лаптева, продвинувшись за два дня на 50 километров. Слева от них находилась 85-я дивизия, а южнее ее, в район Рясина — Новоселье, вышла 7-я дивизия 7-го корпуса. 30-я дивизия была выведена во второй эшелон.

Отличились панфиловцы. В тот же день, 12 июля, передовые части 8-й гвардейской дивизии перерезали шоссе Пустошка — Опочка. Этот ее успех имел важное значение не только для нас. Он облегчил действия и соседней с нами 3-й ударной армии, наступавшей в направлении Себежа.

Когда 10-я гвардейская армия вплотную подошла к вражескому тыловому оборонительному рубежу «Рейер», полными данными о силах, оборонявших его, мы не располагали. Не исключалось, что, поспешно отводя сюда части 19-й дивизии СС, противник уже успел сосредоточить на этом рубеже и какие-то другие войска. Но зато мы твердо знали, что основная оборонительная позиция неприятеля проходит по западному берегу Великой, а на восточном берегу этой реки в 10—12 километрах от уреза воды оборудовано что-то вроде передовой позиции. Основным опорным пунктом здесь являлась Опочка, к которой уже приближались части 29-й дивизии.

Я распорядился, чтобы в направлении Опочки начал выдвижение и 19-й корпус, находившийся во втором эшелоне армии. Этим создавалась угроза окружения для тех гитлеровских соединений, которые еще находились в районе Новоржева и Пушкинских Гор. Противник среагировал очень быстро и поспешил с отходом. Его стали преследовать части 118-го укрепленного района. Конечно, это преследование не могло быть эффективным: малочисленные подразделения укрепрайона почти не имели транспортных средств. Тем не менее при всей своей малоподвижности и они содействовали развитию операции.

К этому времени разведка установила, что на линии «Рейер» мы будем иметь дело не только с остатками 19-й дивизии СС, но и с частями 93-й и 218-й пехотных дивизий, ранее воевавших на новоржевском направлении. Здесь же были обнаружены полки 263, 69 и 23-й немецких пехотных дивизий, которые прежде оборонялись в полосе 3-й ударной армии.

Переброска сюда новых вражеских сил, принадлежавших пяти разным дивизиям, означала, что противник считает наступление 10-й гвардейской армии наиболее опасным и, следовательно, сопротивление нам будет нарастать. Так оно и случилось, хотя в целом боевые действия 10-й гвардейской армии на рубеже «Рейер» развернулись несколько иначе, чем мы предполагали.

По плану 29-я гвардейская дивизия должна была овладеть городом Опочка еще 11 июля. Но она не смогла сделать этого. Не выполнила дивизия своих задач и в последующие два дня — 12 и 13 июля.

В результате для прорыва рубежа «Рейер» пришлось вводить главные силы армии.

Частям 15-го гвардейского стрелкового корпуса предстояло атаковать Опочку с востока и одновременно обойти ее с юга, чтобы в случае отступления противника на его плечах форсировать реку Великая и двинуться дальше — в направлении Макушино, Мозули.

Южнее, по перешейкам между озерами Удо, Нивно, Черное, должен был действовать 7-й гвардейский стрелковый корпус. Его задача — не дать врагу возможности закрепиться в межозерных дефиле.

Атака началась во второй половине дня 14 июля после непродолжительной артиллерийской подготовки. Удар гвардейцев оказался сокрушительным: до конца дня и в ночь на 15 июля они разгромили противника на восточном берегу Великой и в ряде мест форсировали реку. Днем 15 июля наступление продолжало развиваться. Перепрошенные в район Опочки части 69-й и 263-й пехотных дивизий немцев не успели занять оборону. Наши 30-я и 85-я стрелковые дивизии сравнительно легко преодолели их сопротивление и устремились дальше на запад.

Однако опочкинский узел неприятеля продолжал еще держаться. Его участь решилась только 15 июля. В тот день утром 30-я дивизия, форсировав Великую, овладела районом Макушино (15 километров юго-западнее Опочки), а панфиловцы заняли Томсино (40 километров южнее Опочки). Вражеская оборона на реке Великая была преодолена полностью. Потерянные части противника поспешно отходили на северо-запад через Красногородское, частично на Мозули и Зилупе. В этот день и 29-я дивизия очистила наконец от фашистов Опочку.

Говоря о преодолении рубежа «Рейер», трудно выделить какое-то соединение. Все дивизии 7-го и 15-го гвардейских корпусов действовали исключительно напористо. 29-я дивизия своими атаками привлекала на себя главные силы неприятеля, 30-я и 85-я дивизии, наступавшие южнее, разгромили прибывшие подкрепления и глубоко вклинились в оборону немцев на западном берегу Великой. Большое значение имел маневр 7-й и 8-й дивизий.

С выходом к Томсино панфиловцы как бы вытесняли 7-ю гвардейскую из полосы армии — этот пункт был на-

шей левой границей. В таких случаях обычно вытесненное соединение выводится во второй эшелон. Однако командир корпуса генерал Новосельский и командир дивизии генерал Москалик нашли иное решение. 15 июля из-за левого фланга панфиловцев через Томсино 7-я гвардейская предприняла удар в тыл группировке противника, которая еще удерживала рубеж на Великой. Углубившись в полосу соседа на 18—25 километров, она оказала существенную помощь войскам 3-й ударной армии, которые вели тогда упорный бой севернее Идрицы.

Прекрасный маневр 7-й гвардейской стрелковой дивизии был высоко оценен командующим фронтом как пример правильного понимания обстановки и тесного взаимодействия с соседом. Обеспечив продвижение соседа, она снова вошла в границы своей армии.

К 17 июля части 7-го гвардейского корпуса освободили первый латвийский город Зилупе. Я горячо поблагодарил генерала Ю. В. Новосельского за отличное управление боевыми действиями и пожелал ему новых успехов.

За шесть дней наступления войска 10-й гвардейской армии уничтожили свыше 5000 немецко-фашистских солдат и офицеров, взяли в плен более 1500 человек, захватили около 200 орудий и минометов, несколько сот пулеметов и больше ста автомашин. Враг потерял подготовленные им рубежи по реке Великая, затем по рекам Веть, Исса и Синяя. А это ставило его перед неизбежностью нового глубокого отхода.

Мысленно подводя итоги первого этапа наступления, я не мог предъявить никаких претензий войскам. А вот к себе самому и фронтовому руководству напрашивались упреки. Выше уже говорилось о нереальности задачи первого дня наступления. Нельзя было считать удачной и парезку армейских полос. 10-я гвардейская армия являлась главной ударной силой фронта. Однако местность, на которой ей пришлось действовать, не позволяла реализовать ее потенциальные возможности. Если восточнее Опочки мы еще располагали какой-то системой дорог, то западнее начиналось сплошное бездорожье. Через весь заболоченный лесной район тянулся лишь один большак из Мозули на Лудзу.

Между тем стоило лишь незначительно раздвинуть разгранлинии, и положение с коммуникациями улучши-

лось бы. На севере, например, для нашего соседа пункт Красногородское не имел никакого значения, а для нас — огромное. Через него могла пойти вся система коммуникаций правого фланга армии. Такая же картина вырисовывалась и на противоположном фланге: включение в границы нашей армии нескольких километров территории к югу от Зилупе не ухудшило бы условия для 3-й ударной армии, но это позволило бы 10-й гвардейской обойти лесисто-болотистый и бездорожный район западнее Опочки. Словом, иная нарезка полос облегчила бы нам маневрирование. А так после освобождения Опочки мы сразу уперлись в труднопреодолимое междуречье Великой, Вети, Исы, Синеи и Лжи.

Бои за Лудзу и Резекне

Достигнув восточного берега реки Лжа, части 30-й и 8-й гвардейских стрелковых дивизий опять были встречены организованным огнем противника. Нам требовалось время, чтобы разведать систему неприятельской обороны, определить группировку его сил, перегруппироваться самим, подтянуть тылы. Как-никак мы уже прошли с боями 130—140 километров, со средним темпом 20—25 километров в сутки.

Вместе с войсками 10-й гвардейской армии на латвийскую землю вступили правительство Советской Латвии во главе с Председателем Совета Министров В. Т. Лацисом и некоторые руководители ЦК Компартии республики. Их появление в 10-й гвардейской объяснялось не каким-то особым отношением к нам, а лишь тем, что мы продвигались несколько быстрее соседей. Да и направление нашего наступления с подходом к Лудзе и Резекне становилось осевым направлением для фронта. Но как бы там ни было, сам по себе факт пребывания в наших войсках руководителей партии и правительства Латвии налагал на нас повышенную ответственность за боевое задание.

Добытые разведывательные данные свидетельствовали, что по реке Лжа обороняются остатки 19-й дивизии СС, а также части 69-й и 263-й пехотных дивизий, не добытые на рубеже «Рейер». Были выявлены здесь и новые войска противника: части 126-й, 329-й и 708-й пехотных дивизий, подразделения двух пограничных полков и не-

сколько охранных батальонов. В общем это было больше, чем на рубеже «Рейер». Противник подтягивал сюда силы с других направлений.

Во второй половине дня 16 июля недалеко от латвийского села Петрученки я уточнил задачи 30-й и 8-й гвардейским дивизиям. 30-я была направлена по проселочным дорогам на Бартули, Радуши, Медищеву. Наступая в голову корпуса, ей предстояло обойти Лудзу севернее озер Лиэлайс и Цирмас. А 8-ю гвардейскую я нацелил на Зеллини, в обход Лудзы с юга.

Главные силы армии подходили в это время к латвийской границе тремя маршрутами: 19-й корпус — Краснородское, Голишево; 15-й — Мозули, Зеллини; 7-й — Зилупе, Лудза.

Наблюдая вместе с командиром 30-й гвардейской генералом М. А. Исаевым за боем передового отряда на реке Лжа вблизи Березовки, я окончательно убедился, что неприятель имеет здесь достаточно организованную оборону и без основательной подготовки нам вряд ли удастся овладеть этим рубежом. Наиболее сильные группировки располагались вдоль дорог, в дефиле между озерами Лудза, Пилда и Нирза. Следовательно, наш план наступления широким фронтом с обходом Лудзы и Резекне в основе был правильным.

Решающая роль в осуществлении этого плана отводилась 15-му гвардейскому стрелковому корпусу. А потому мы усилили его 56-й гвардейской стрелковой дивизией из 19-го корпуса и 37-й стрелковой дивизией, временно переданной нам из состава 3-й ударной армии.

В полосе 15-го корпуса между Деглевой и Лудзой противник располагал господствующими высотами, но в целом местность позволяла нам маневрировать пехотой, танками и артиллерией. И хотя оборона гитлеровцев оказалась здесь довольно плотной — в среднем пехотный полк на три километра фронта, — мы рассчитывали добиться успеха именно на этом направлении.

21 июля после короткой артиллерийской подготовки 10-я гвардейская армия возобновила наступление. В первый же день она прорвала оборону противника и продвинулась на 8—12 километров.

22 июля мне доложили, что руководители Компартии и правительства Латвии прибыли на КП армии. Встретили мы их очень радушно. В тот день наши войска уже

завязали бои севернее Лудзы. Я предложил гостям задержаться у нас, пообещав им скорое освобождение от немцев хотя бы одного из ближайших латвийских городов. Они согласились и ушли отдыхать, а я вместе с начальником штаба и командующими родами войск занялся уточнением задач войскам на ночь и на следующий день. Естественно, все мы думали о том, как поскорее овладеть Лудзой и Резекне.

Пам повезло. Ранним утром 23 июля дивизии 15-го и 7-го гвардейских корпусов обошли Лудзу с севера и юга, вынудив противника поспешно отойти на Резекне. Лудза оказалась почти не разрушенной. Враг был выбит из города настолько стремительно, что даже не успел заминировать его. Я проверил все эти данные и за завтраком сообщил руководителям партии и правительства Латвии приятную новость. В тот же день Лудза стала резиденцией правительственных учреждений.

Бои переместились на следующий оборонительный рубеж противника, проходивший через Латинав, Карсаву и далее следовавший по берегам реки Ретупе и озера Цирмас. В тылу этого рубежа, пятнадцатью километрами западнее, лежал Резекне — сильно укрепленный опорный пункт и важный транспортный узел. Здесь сходятся шоссе с востока на запад и с севера на юг, а также железные дороги Ленинград — Даугавпилс — Вильнюс и Москва — Великие Луки — Рига.

Войска 10-й гвардейской наступали в прежней группировке. Только теперь главная роль возлагалась уже не на 15-й гвардейский стрелковый корпус, а на 7-й. Первоначально противник оказывал его дивизиям упорное сопротивление. Однако угроза окружения вынудила немцев оставить и Резекне.

Почти одновременно с этим войска левого крыла нашего фронта овладели Даугавпилсом, который еще в первых числах июля был глубоко обойден 1-м Прибалтийским фронтом, наступавшим в направлении Шяуляя. Этим, собственно, и завершилась фронтовая операция.

За успешные и самоотверженные действия многие генералы, офицеры и солдаты 10-й гвардейской армии удостоились орденов и медалей. Освобождение Резекне, равно как и Лудзы, прошло блестяще.

Еще до вступления на латвийскую землю мы верили, что трудящиеся республики ждут не дождутся Со-

ветскую Армию как единственную свою избавительницу от немецко-фашистского ига. И не ошиблись. Нас встречали хлебом-солью. А в некоторых населенных пунктах Лудзинского и Резекненского уездов мы получали от местных жителей и чисто военную помощь. Так, крестьянин деревни Кушнерово Иванас Августович Полкан провел к Резекне обходными путями 90-й полк 29-й гвардейской стрелковой дивизии. Появление здесь этого полка оказалось неожиданным для противника.

Чувства благодарности нашим войскам наиболее ярко проявлялись на митингах. Митинги проходили везде. Но, пожалуй, самыми многочисленными они были в Лудзе. Там на них выступали представители трудящихся освобожденного города, секретарь ЦК Компартии Латвии товарищ Я. Э. Калнберзин, члены правительства.

Принял участие в этих митингах и Военный совет 10-й гвардейской армии. Мы пожелали нашим латвийским братьям скорейшего восстановления социалистической экономики республики, а со своей стороны обещали ускорить освобождение всей Латвии.



БОРЬБА ЗА СТОЛИЦУ ЛАТВИИ

Лубанская низменность

После освобождения Резекне и Даугавпилса очередной задачей для войск 2-го Прибалтийского фронта стало освобождение Риги. Направление наступления нашей армии несколько изменилось: раньше она двигалась строго на запад, теперь — на северо-запад. В границы ее почти целиком включалась небезызвестная Лубанская низменность, которую раньше во всех военно-географических справочниках приводили как образец труднопроходимой местности. В центре этой низменности — озеро Лубана. В него впадает много больших и малых рек: Лысина, Писка, Малмута, Сулка, Малта, Резекне, Ича. А вокруг — болотные топи, леса и полное бездорожье.

Более тяжелую для наступления войск полосу трудно было придумать.

28 июля 10-я гвардейская армия головными частями подошла к озеру Лубана, а флангами еще вела бои за Капуну и Варакляны. По результатам первых схваток у нас складывалось впечатление, что враг не собирается упорно оборонять Лубанскую низменность. Возможно, он просто не ожидал, что по таким гиблым местам будет наступать сколько-нибудь значительная группировка советских войск. Против нас действовали лишь мелкие неприятельские отряды, и, по правде говоря, мы больше думали тогда о преодолении природных трудностей. Среди операторов открыто дебатировался вопрос: а следовало ли вообще заставлять 10-ю гвардейскую армию месить болота? Не лучше ли обойти этот район войскам фронта с севера и юга, держа нас пока во втором эшелоне. Гвардейцы отдохнули бы, пополнились техникой и личным составом, а с выходом фронта к Видземской возвышенно-

сти армию можно было снова задействовать на главном направлении.

Сейчас я твердо убежден, что именно так и следовало сделать.

Несмотря на слабое сопротивление, мы продвигались по Лубанской низменности довольно медленно. Среднесуточный темп не превышал пяти километров. Наступление распалось на отдельные очаги. Дивизии стали действовать самостоятельно. Батальоны и полки вели бои за опорные неприятельские пункты, тоже, как правило, не имея локтевой связи. Атаки предпринимались преимущественно лобовые: болота и трясина ограничивали маневрирование.

Для артиллерии на автотяге и всех видов автотранспорта Лубанская низменность оказалась совсем непроходимой. Машины пришлось пропускать по единственной дороге через Варакляны, Баркаву, Ромули.

А тем временем противодействие врага нарастало. Особенно чувствительным стало оно в районе Варакляны. Здесь, а также в боях под Баркавой нашим войскам пришлось иметь дело уже не только с 263-й, а и с 23-й, и 329-й немецкими пехотными дивизиями.

2 августа 26-му гвардейскому стрелковому полку 7-й дивизии под командованием подполковника Байко удалось обойти Варакляны и ударить по неприятелю с тыла. 463-й полк 263-й пехотной дивизии немцев, оборонявший этот узел, предпринял против гвардейцев несколько контратак с целью пробиться на северо-запад. Но с фронта его атаковали подразделения 19-го гвардейского стрелкового полка и нанесли большой урон.

Тогда мы не совсем ясно представляли, что 10-я гвардейская армия бьет в стык 18-й и 16-й немецких армий, угрожая разъединить их. У немцев поднялась тревога. В журнале боевых действий группы армий «Север» есть такая запись, датированная 21 июля: «Главное заключается в том, чтобы противник не прорвался южнее озера Лубана. В противном случае связь между обеими армиями будет потеряна».

Стремясь любой ценой задержать наше продвижение, враг стал перебрасывать в полосу 10-й гвардейской новые и новые полки и дивизии.

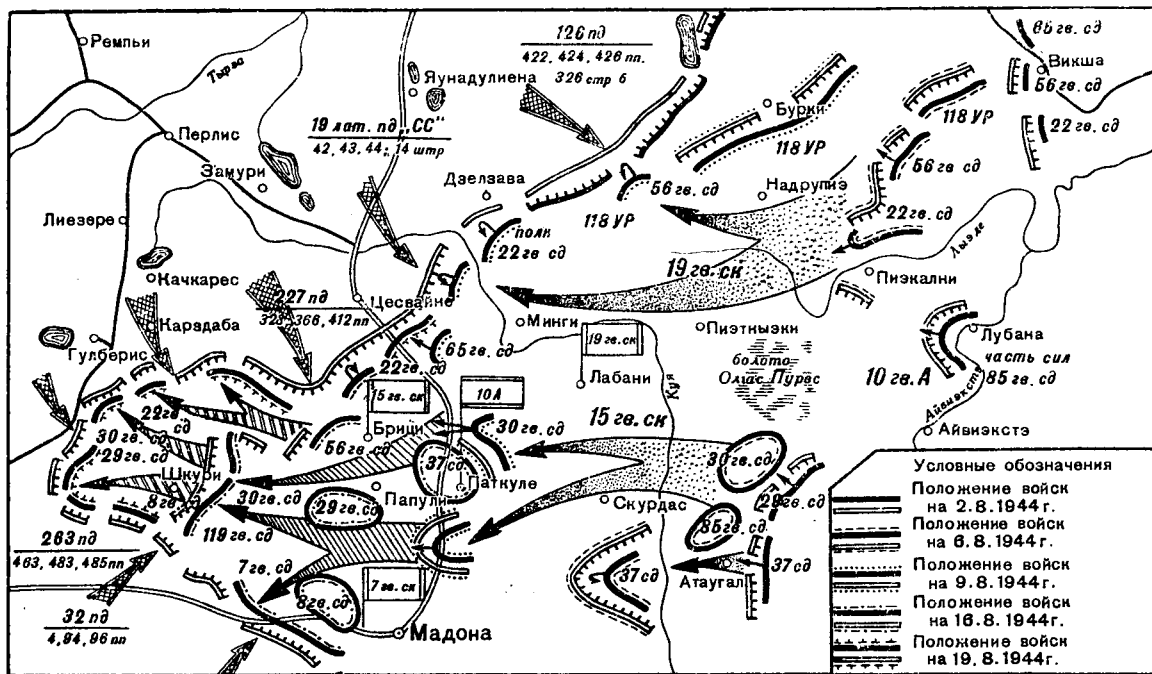
Бой 7-й гвардейской стрелковой дивизии за Варакляны очень нас порадовал. Не менее успешно действовали и панфиловцы в районе Баркавы. 3 августа они нанесли там ощутимые удары по 329-й пехотной дивизии и остаткам 263-й. Возможности для маневра наших войск расширились. Из-за правого фланга панфиловцев начала развертываться 29-я гвардейская стрелковая дивизия.

4 августа войска нашей армии в нескольких местах вышли к Айвиесте. Этот рубеж обороняли части 87-й и 83-й пехотных дивизий немцев, а также 19-й дивизии СС. Кроме того, здесь были 307-й и 365-й охранные батальоны, полк 12-й авиаполевой дивизии. Противник встретил нас организованным огнем.

Положение осложнилось тем, что мы не имели понтонных парков. А Айвиесте — серьезная водная преграда. Выручили находчивость и изобретательность личного состава. В ход пошли спешно собранные рыбацьи лодки, бревна, извлеченные из деревянных строений, — словом, все, способное плавать. На этих подручных средствах наши передовые части форсировали 5 августа Айвиесте и захватили на ее левом берегу два плацдарма.

Здесь особо отличился 341-й стрелковый полк 119-й гвардейской дивизии, которым командовал тогда подполковник В. С. Тюриков. В его 1-м батальоне форсирование реки возглавил командир роты капитан Сорока, а во 2-м — начальник штаба батальона старший лейтенант Зайцев и заместитель командира по политической части капитан Винокуров. Все попытки противника сбросить гвардейцев в воду оказались безуспешными. Переправившиеся подразделения надежно удерживали небольшой плацдарм.

В числе первых вплавь преодолел реку старший сержант Икрам Искандерович Валиев. На противоположном берегу он завладел небольшой рыбацьей лодкой и на ней под минометным огнем противника еще шесть раз пересекал Айвиесте, каждым рейсом доставляя на плацдарм по пять бойцов своего подразделения. За этот подвиг И. И. Валиев удостоен звания Героя Советского Сою-



С х е м а 13. Действия войск 10-й гвардейской армии в районе Мадоны

за. Командиру 1-го батальона капитану А. Е. Черникову, чьи подразделения первыми форсировали реку, также было присвоено звание Героя Советского Союза.

А в 29-й гвардейской стрелковой дивизии блестяще проявил себя командир полка майор И. М. Третьяк. Он не только хорошо подготовил бросок через Айвиексте, а сам вместе с передовыми подразделениями переправился на правый берег, лично организовал там отражение неприязельских контратак и обеспечил переправу главных сил дивизии. За эти самоотверженные действия и ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В последующие дни 29-я дивизия сыграла главную роль в прорыве очередного оборонительного рубежа противника. К 10 августа она перерезала шоссе и железную дорогу Гулбене — Мадона, облегчив действия 7-му гвардейскому стрелковому корпусу, выходившему к Видземской возвышенности.

Оперативное положение нашей армии значительно улучшилось. Она достигла наконец густонаселенных районов Латвии с хорошо развитой дорожной сетью. Но теперь против нас действовало уже свыше шести неприязельских дивизий. Численное превосходство, которым мы располагали в начале операции, стало совсем незначительным. Только умелое руководство боем со стороны командиров всех степеней, четкая работа штабов и героизм солдат все еще давали нам возможность преодолевать возросшее сопротивление. Бои принимали затяжной характер.

Без передышки

Выход наших войск на Видземскую возвышенность, по существу, являлся началом новой большой операции, нацеленной на овладение столицей Латвии. К ней мы вынуждены были приступить почти без паузы.

Передний край 10-й гвардейской армии после целого месяца, проведенного в наступлении, имел причудливое начертание. 14 сентября он проходил по ломаной линии: Леясциемс, река Тырза, Тырзиешы, Кубас, Лыезере, озеро Инесис и Юмурда. Общая протяженность фронта достигала 115—120 километров. Левый фланг армии вырвал-

ся далеко вперед, и именно его противник контратаковал наиболее настойчиво. Он, конечно, понимал, какая опасность нависала отсюда.

По замыслу командующего фронтом 10-я гвардейская армия должна была включиться в операцию двумя днями позже главной группировки 2-го Прибалтийского фронта и наносить самостоятельный удар из района севернее озера Инесис в направлении Дзержене, Цесис навстречу 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта. Близ Цесиса нам предстояло перекрыть шоссе Псков — Рига и отрезать противнику пути отхода из Вартслу, Гулбене на Ригу.

Смысл такого глубокого вклинения в полосу соседа не был мне достаточно понятен. И, откровенно говоря, я вздохнул с облегчением, узнав через несколько дней, что план этот изменен. Однако изменения его пошли гораздо дальше, чем можно было предположить.

Произошло следующее.

42-я, 3-я ударная и 22-я армии, наносившие главный удар, пачали 14 сентября наступление, но существенного успеха не добились. Их продвижение исчислялось несколькими километрами. 5-й танковый корпус, действовавший в полосе 3-й ударной армии, не смог в намеченные сроки войти в прорыв. И уже 16 сентября командующий фронтом принял решение переместить главные усилия в стык нашей и 42-й армий.

Чем вызывались такие радикальные перемены в отношении направления главного удара, понимали немногие. Соотношение сил, сложившееся тогда, как будто не вынуждало к этому. Архивные документы подтверждают теперь, что в полосе 2-го Прибалтийского фронта насчитывалось в ту пору 17 дивизий противника, из них 10-й гвардейской армии противостояли девять. Поскольку основной силой в Прибалтике была тогда пехота, небезынтересно сопоставить количество стрелковых батальонов у нас и у противника. В полосе 10-й гвардейской армии гитлеровцы имели 57 батальонов против 61 нашего, в полосе 3-й ударной армии — 13 против 40, в полосе 42-й армии — 19 против 43. Как видим, значительное превосходство над неприятелем мы имели как раз на первоначально избранном направлении главного удара.

Новое же решение командующего фронтом, безусловно, требовало перегруппировки и определяло иные формы маневра: из двух разобщенных ударов один наносился центром 42-й армии, другой — левым флангом 10-й гвардейской.

Свой удар мы намеревались осуществить на относительно небольшом пространстве между озерами Инесис и Юмурда. По фронту это занимало не более 30 километров. Здесь нам могли противодействовать пять-шесть вражеских дивизий с глубоким построением боевых порядков. Исходя из этого, соответственно построилась и наша ударная группа. Некоторые соединения имели в первом эшелоне только по одному стрелковому полку.

Для развития успеха на стыке 10-й гвардейской и 42-й армий южнее озера Юмурда вводился в действие танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск М. Г. Сахно. Планировалось также участие в операции значительного количества штурмовой и истребительной авиации. Штабы армий, корпусов и дивизий провели большую работу по организации взаимодействия и с авиаторами, и с танкистами.

Наступление 10-й гвардейской армии началось успешно. За два дня мы продвинулись на 15—18 километров. Наибольшей напряженностью отличались бои за овладение опорными пунктами и узлами сопротивления на основных дорогах.

30-я гвардейская стрелковая дивизия, например, 22 сентября в течение всего дня безуспешно атаковала мызу Катрина (15 километров северо-западнее Эргли). Развязка наступила только в ночь на 23 сентября, когда на помощь пришел правый сосед — один из полков 8-й гвардейской стрелковой дивизии. Внезапного его удара противник не выдержал.

Еще более решительно действовала 29-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее 87-й полк под командованием Ивана Третьяка в ночь на 22 сентября, смело выбросившись вперед, захватил переправу через реку Ведзе (20 километров западнее озера Юмурда). Это, несомненно, благоприятствовало быстрейшему продвижению всей армии.

Однако развить свой успех нам не удалось. 26 сентября наступление застопорилось на линии Нитауре, Море, Косены, Пурьерзи. Здесь на фронте в 25 — 30 километров оборонялись шесть неприятельских дивизий: 126, 329, 121, 31, 32 и 19-я СС. Сломить их сопротивление с ходу мы не смогли.

А до Риги оставалось каких-нибудь 50 — 60 километров. Если бы выдерживать прежние темпы, армия могла пробиться к латвийской столице менее чем за неделю! Но на Ригу кроме нас нацелились наши 42-я, 3-я ударная и 22-я армии, 67-я, 1-я ударная и 54-я армии 3-го Прибалтийского фронта, 43-я и 4-я ударная армии 1-го Прибалтийского фронта. Наступление велось концентрически.

К вечеру 26 сентября поступило указание командующего фронтом о перегруппировке 10-й гвардейской к югу, в полосу 42-й армии. Наше место должны были занять войска 54-й армии из состава 3-го Прибалтийского фронта. На это ушло несколько дней, и, конечно, общий темп наступления снизился еще больше.

Утром 8 октября мне позвонил командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко и предупредил, что через час-другой к нам прибудет в качестве представителя Ставки Маршал Советского Союза Л. А. Говоров. Я пытался выяснить, чем вызвано это, но Андрей Иванович уклонился от прямого ответа. Намекнул только, что, по-видимому, мы будем лишены возможности наступать на Ригу. Меня это насторожило.

Представитель Ставки не заставил долго ждать себя. На армейском командном пункте он появился в сопровождении А. И. Еременко. Я доложил обстановку и сделал некоторые прогнозы на ближайшие дни. Все у нас были убеждены, что борьба за Ригу очень скоро завершится нашей победой. В этом аспекте я и вел речь.

— А как вы понимаете новую задачу армии? — неожиданно спросил Леонид Александрович.

Его вопрос застал меня врасплох. Лишь много лет спустя мне стало известно, что уже 7 сентября командующий фронтом получил директиву Ставки о перегруппировке войск 10-й гвардейской и 42-й армий на южный берег Даугавы, а предварительное распоряжение об этом

было еще раньше. Но тогда я этого не знал и ответил маршалу без обиняков.

— О новой задаче понятия не имею.

Говоров пристально и, как мне показалось, с упреком посмотрел на генерала Еременко. Андрей Иванович поспешил доложить, что он еще не успел поставить нам новую задачу.

— Как скоро войска армии могут быть перегруппированы на южный берег Даугавы? — спросил Говоров.

Я доложил, что если фронтовыми саперами будет наведен мост (у армии для этого не было средств), то каждую ночь мы сможем переправлять на противоположный берег по одному корпусу. На перегруппировку всей армии нам потребуется четыре-пять ночей.

Говоров принял такой расчет без возражений и тут же разъяснил:

— Немцы убедились, что удержать Ригу они не в состоянии. Поэтому стремятся все свои войска, находящиеся к востоку от нее, отвести в Курляндию. Наше наступление по северному берегу Даугавы уже не может дать большего оперативного результата. В лучшем случае оно приведет лишь к выталкиванию противника. Значит, надо как можно быстрее перегруппировать главные силы десятой гвардейской на южный берег реки.

Под конец Леонид Александрович еще раз подчеркнул, что враг сам уйдет из северной части Риги, но будет упорно отстаивать южную, пока не завершит отвод своих войск в Курляндию.

— Ясна ли вам новая задача, товарищ Казаков? — осведомился он.

Я ответил утвердительно, после чего Л. А. Говоров и А. И. Еременко направились обратно на КП фронта, предоставив мне самому организовать переправу войск на южный берег Даугавы.

Полк открывает дорогу корпусу

9 и 10 октября на южный берег Даугавы перешли 19-й и 15-й гвардейские стрелковые корпуса, а также артиллерийское усиление. Боевые части, как правило, переправлялись по ночам, а тылы выходили на мост и днем. Этому благоприятствовала облачная погода. Суще-

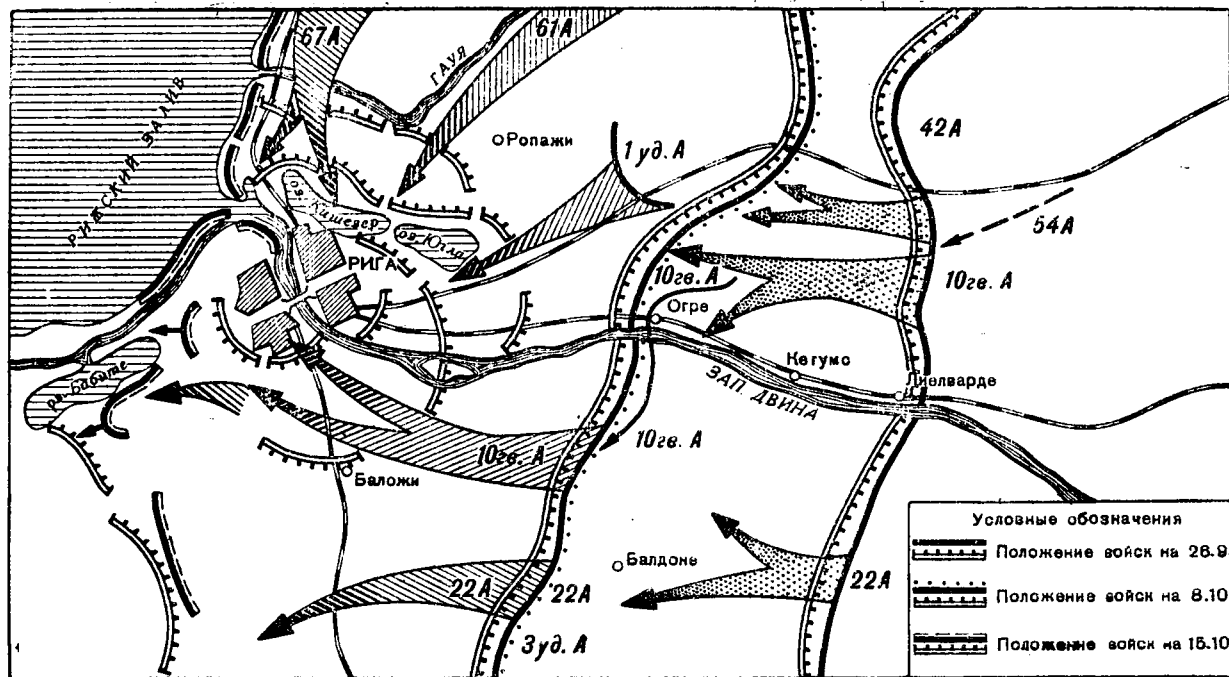


Схема 15. Заключительный этап Рижской операции

ственного противодействия со стороны немецкой авиации мы не испытывали. Только дважды ей удавалось вывести из строя отдельные звенья понтонного моста.

11-го числа я вместе с командиром 15-го корпуса генерал-лейтенантом А. Г. Хорунженко побывал в 29-й гвардейской стрелковой дивизии. Там проводилась рекогносцировка. У всех участников настроение было приподнятое. Никто не сомневался в успехе. Командир 87-го полка подполковник Третьяк заявил:

— Усильте меня одним-двумя артиллерийскими дивизионами, произведите в порядке артподготовки одип-два залпа полком «катюш» — и наш восемьдесят седьмой взломает вражескую оборону в полосе всей дивизии.

Для такого смелого заявления у командира полка имелись известные основания. Оборона противника перед 15-м корпусом не была сильной. На фронте в 12—15 километров оборонялось всего несколько немецких батальонов. Верилось, что они не смогут сдержать наш натиск.

Подполковника И. М. Третьяка я уже знал как мастера стремительных атак. Посоветовался с командиром дивизии, с командиром корпуса, и мы разрешили ему действовать по предложенному плану. Но одновременно я приказал полковнику В. М. Лазареву готовить главные силы дивизии для действий по двум вариантам: либо развивать успех Третьяка, либо прорывать вражескую оборону, если 87-й полк потерпит неудачу.

Ночь на 12 октября прошла спокойно. А рано утром в полосе 29-й дивизии загремели залпы реактивной артиллерии. Третьяк поднял свой полк в атаку и не подвел нас. Атака прошла удачно. Через несколько часов в наступление перешли все четыре дивизии первого эшелона армии. До конца дня они продвинулись на 12—15 километров и вышли к реке Текава.

13 октября бои продолжались. Войска 10-й гвардейской достигли южных окраин Риги. Неприятель действительно очень упорно удерживал эту часть города. А с севера в Ригу уже вступили передовые подразделения войск 3-го Прибалтийского фронта.

Вечером Москва салютовала в честь двух Прибалтийских фронтов, освободивших столицу Советской Латвии. Многим дивизиям, участвовавшим в этой операции, при-

казом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование Рижских.

14 октября выдался солнечный день. Рижане радостно приветствовали войска 3-го Прибалтийского фронта. А мы еще дрались в южной части города. Нам ожесточенно сопротивлялись 205, 215 и 333-я пехотные дивизии противника. Только в ночь на 16 октября мы окончательно выбили их из Риги.

Рижская операция была завершена. К этому времени советские войска освободили уже всю территорию Эстонии (кроме островов Моонзундского архипелага) и Латвии, исключая Курляндию.

КУРЛЯНДСКИЕ РУБЕЖИ

Первый блин — комом

В октябре 1944 года на Рижском взморье стояли теплые и ясные дни. Многочисленные сады и парки одевались в багряную листву.

17-го числа я с группой генералов и офицеров стоял на импровизированной трибуне, у дороги на Елгаву (Митаву). А мимо походными колоннами двигались войска — 10-я гвардейская армия совершала марш в Курляндию.

Недобитая немецко-фашистская группировка в Западной Курляндии определялась нашими разведчиками в 30—35 дивизий (в том числе две танковые) по 10—12 тысяч каждая. Укомплектованы они были самым боевым составом — возраст солдат, как правило, не превышал 35 лет.

Против этих вражеских войск, отрезанных от Пруссии и зажатых между Тукумсом и Лиепаей, сосредоточили свои усилия два Прибалтийских фронта — 1-й и 2-й. По количеству дивизий мы имели почти двукратное превосходство, но в наших дивизиях насчитывалось только по четыре-пять тысяч активных штыков. Силы оказались равными.

10-я гвардейская армия получила полосу, в которой до нее действовала 42-я армия. Передний край обороны противника проходил здесь чуть западнее Бэне, по восточной окраине Вигеряй, захватывал Дырваны, потом поворачивал строго на запад до Кесяй и далее следовал по северному берегу реки Венте почти до Мажейкяя. В районе Вигеряй, Кликоляй он имел выступ в нашу сторону. Точными данными о группировке на этом участке сил и средств неприятеля мы не располагали.

Только в ходе боевых действий, т. е. после 26 октября, удалось выявить, что наиболее прочные оборонительные позиции немцев располагаются в 15—30 километрах от переднего края.

Для развития успеха в руках командующего фронтом на этот раз имелось два танковых корпуса: 10-й (под командованием генерал-майора танковых войск М. К. Шапошникова) и 5-й (командир генерал-майор М. Г. Сахно). Их предполагалось ввести в прорыв в полосе нашей армии. Уже в первый день операции 10-й танковый должен был достичь мызы Абардэ, а к исходу второго — Салдуса. В сумме это составляло 50—60 километров. Ввод 5-го танкового корпуса планировался вслед за 10-м. Для него ставилась задача овладеть узлом дорог в Лиэлблидиэне, расположенном в 40—45 километрах от переднего края.

Выбор направления главного удара казался очень удачным. Успех на левом крыле фронта мог привести к взлому всей оперативной обороны противника в Курляндии восточнее реки Вента.

Начало операции было многообещающим. 10-я гвардейская армия стремительно пошла вперед. Уже в середине первого дня части 7-го корпуса заняли город Ауце, и командир его, генерал-майор А. Д. Кулешов, немедленно переместил туда свой НП. Хорошо продвигались и дивизии 19-го корпуса, обходившие Ауце с севера.

Армия прорвала тактическую зону неприятельской обороны и получила свободу маневра. Обстановка требовала немедленного ввода в бой 10-го танкового корпуса. Но только к концу дня одна его бригада появилась в районе Кавеле (семь километров западнее Ауце) и начала активные действия. Командир этой бригады проявил прекрасные боевые качества: он сразу установил деловой контакт с одним из полков 119-й стрелковой дивизии, посадил стрелков на броню танков и вместе с ними продвинулся на 12—15 километров в направлении Цабепы. Здесь десант спешился и начал действовать самостоятельно.

К сожалению, не надолго. Через несколько дней войска фронта уперлись в подготовленную врагом оборону на линии озера Лиэлауцес, Инцени, озера Карклени, Гаракас.

На этом рубеже мы задержались на полмесяца.

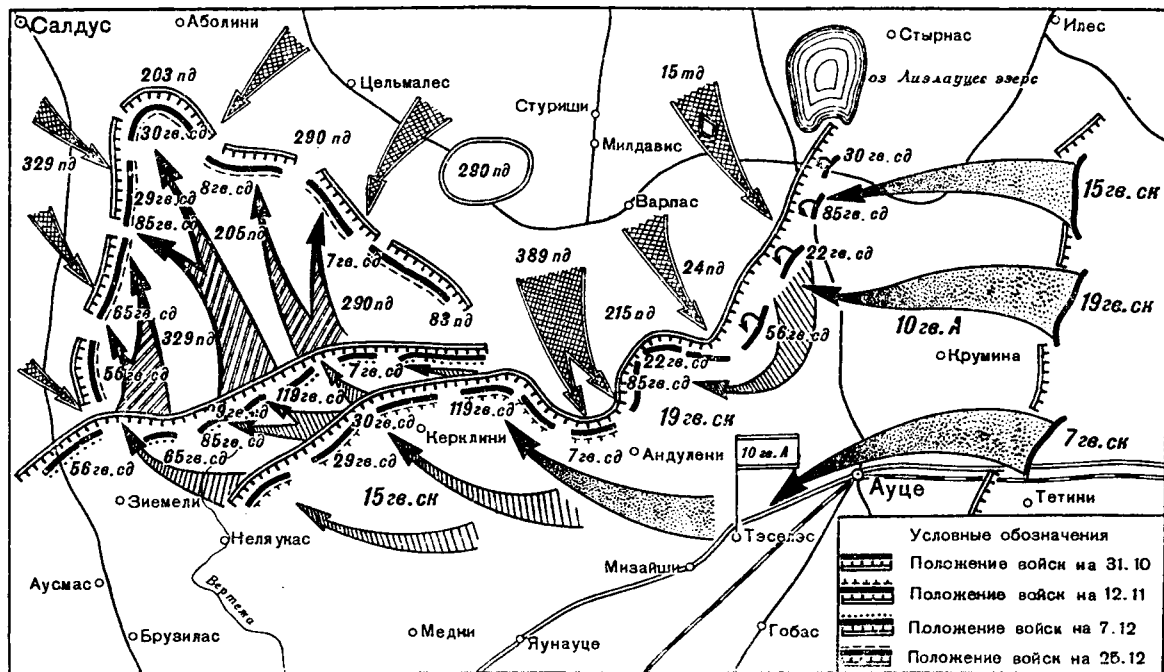


Схема 16. Действия 10-й гвардейской армии в районе Салдуса

Заканчивался 1944 год — год решающих побед Красной Армии над гитлеровской армией. Командование 10-й гвардейской армии отлично понимало, что в новом, 1945 году основные события развернутся на берлинском направлении, а 2-му и 1-му Прибалтийским фронтам придется продолжать борьбу с курляндской группировкой противника, которая хотя и представляла еще значительную силу, но сыграть существенной роли в войне в целом уже не могла.

И все-таки нам по-прежнему очень хотелось как можно скорее покончить с этой группировкой. С большой теплотой я вспоминаю сейчас прекрасных наших, истинно гвардейских офицеров, неудержимо рвавшихся вперед и умевших в довольно трудных условиях хорошо организовать бой, повести за собой свои части и подразделения. Используя в основном минометный огонь, нанося дерзкие и неожиданные удары, они изо дня в день добивались хотя бы тактических успехов, все больше углубляясь в неприятельскую оборону.

Однажды начальник разведки полковник И. М. Пивоваров доложил мне, что среди пленных, взятых при отражении контратаки фашистов, обнаружены солдаты из дивизии, которая ранее в полосе нашей армии не отмечалась. Эти пленные показали, что их полк ожидал в Лиепае погрузки на морской транспорт, был готов к отправке в Германию; потом вдруг его подняли по тревоге и на машинах спешно перебросили в район активных боевых действий.

Недовольный общими итогами дня, я не придавал особого значения этому сообщению. Но как раз в тот момент на мой командный пункт прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Александр Михайлович Василевский. Внимательно выслушав результаты, достигнутые армией за истекший день, он, к моему удивлению, вместо того чтобы критиковать нас, похвалил войска за активность, тепло отозвался о работе командиров и штабов соединений, сказал доброе слово и об армейском управлении. Его интересовали не столько территориальные успехи, сколько наличие перед нами вражеских сил, помера неприятельских дивизий и частей. Василевский тут же позвонил в Ставку и в положительном плане доложил

о нашем наступлении. Немного погодя он сам допросил нескольких пленных и, кажется, остался доволен сведениями, полученными от них.

Чуть позже в товарищеской беседе он разъяснил, что теперь весь 2-й Прибалтийский фронт прежде всего должен заботиться о том, чтобы враг не имел возможности перебросить на другие направления хотя бы часть из своих войск, скованных в Курляндии. Я попытался было пожаловаться на недостаток боеприпасов. Александр Михайлович ответил, что мы и впредь будем на «голодной норме», однако действовать должны решительно, активность снижать нельзя.

— Таково требование Верховного Главнокомандующего, — подчеркнул он.

Беседу с нами А. М. Василевский закончил словами:

— Любыми средствами удержите перед собой всю курляндскую группировку. Германское верховное командование не должно использовать в другом месте ни одной дивизии из нее. Сумейте внушить это всему личному составу армии.

Говоровский почерк

Вскоре советские войска в Курляндии, Эстонии и на Карельском перешейке были объединены в один фронт — Ленинградский. Возглавил его Л. А. Говоров.

Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров имел свой ярко выраженный полководческий почерк, свой стиль управления войсками. И, пожалуй, именно в той операции они впервые раскрылись передо мной с достаточной определенностью.

Прежде всего я почувствовал в нем многоопытного артиллериста. Надо было видеть, с какой скрупулезностью организовал Говоров взаимодействие стрелковых корпусов и дивизий с артиллерийскими соединениями и группами.

Для многих из нас, общевойсковых командиров, да и некоторых артиллерийских начальников по-новому прозвучали его указания о выявлении огневой системы противника. Он требовал, чтобы все мы каждый день имели свежие разведывательные данные и всякий раз наносили их на карту иным цветом. При таком графическом освещении обнаруженных объектов уже через пять-шесть дней получалась весьма наглядная и довольно близкая к

действительности схема расположения неприятельских огневых средств, пользуясь которой можно было наиболее эффективно спланировать все виды артогня. Говоров очень ценил личные наблюдения и офицеров из штабов полков, дивизий, корпусов, и офицеров-артиллеристов, и войсковых инженеров всех степеней.

С таким, как бы это сказать поточнее, всеохватывающим, что ли, способом разведки огневой системы противника я встретился впервые. Наш штаб сразу принял его и с успехом применял до самого конца войны.

Л. А. Говорову вообще была свойственна весьма тщательная подготовка операций. В окончательном виде план Лиепайской операции выглядел так.

Главный удар наносят 6-я гвардейская и 51-я армии. В каждой из них первый эшелон составляют три стрелковых корпуса, и по одному остается во втором эшелоне. Фронт прорыва для 6-й гвардейской армии — одиннадцать километров, для 51-й — десять. 10-я гвардейская армия вступает в дело после прорыва тактической обороны противника в полосе 6-й гвардейской армии, развертываясь из-за правого ее фланга. С вводом в действие главных сил 10-й предполагалось развернуть наступление и еще двух армий: 42-й и 1-й ударной. Вместе с нашей армией они должны были нанести окончательное поражение вражеской группировке восточнее реки Вента.

Операция началась 20 февраля сильной артиллерийской подготовкой и бомбовыми ударами фронтовой авиации по тактическим резервам противника. В первый день войска 6-й гвардейской и 51-й армий продвинулись только на два-три километра, но противник потерял несколько тысяч убитыми и ранеными, 659 человек мы взяли в плен. У нас потери оказались сравнительно небольшими.

К утру 21 февраля правофланговые дивизии 51-й армии овладели опорным пунктом Приекуле. Главные ее силы тоже продолжали продвижение. Однако итоговый результат второго дня наступления был уже более скромным. Неприятеля удалось потеснить лишь на два километра. Пленных мы взяли всего 133 человека.

В дальнейшем обстановка еще более осложнилась. Противник наращивал силы из глубины. Наибольшее упорство он проявил на второй полосе. Основу его обороны здесь составили врытые в землю танки, которые могли быть уничтожены только орудиями крупных калибров или

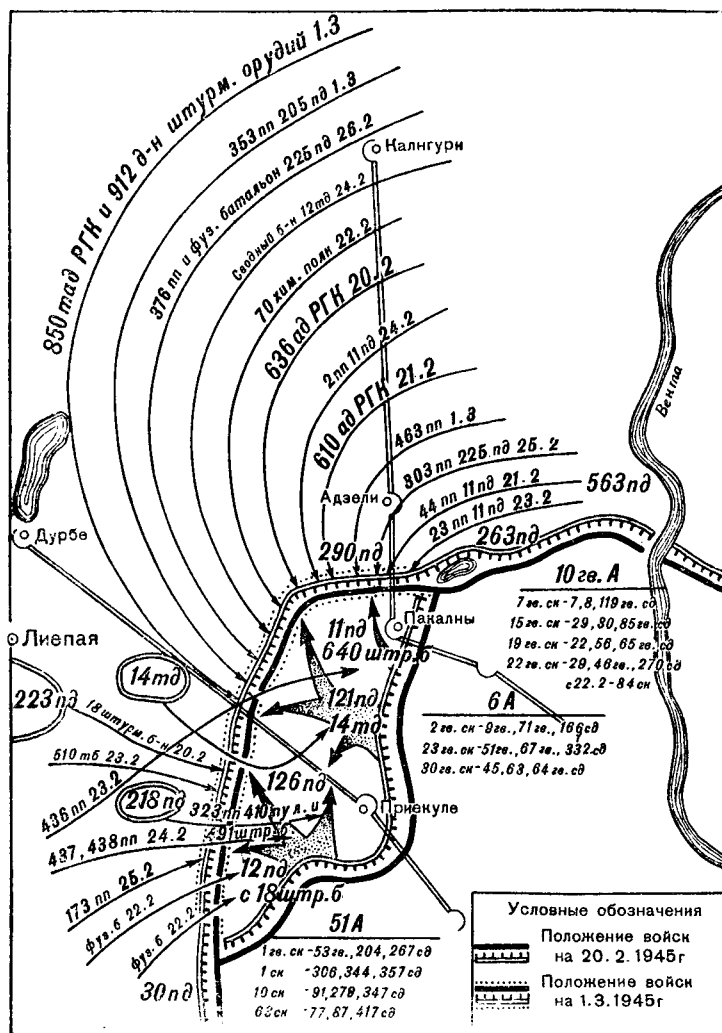


Схема 17. Операция в районе Приекуле

бомбовыми ударами с воздуха. А для этого у нас не хватало боеприпасов.

28 февраля командующий фронтом прервал операцию и приказал рассредоточить войска по фронту и в глубину.

При всей своей незавершенности операция эта не прошла бесследно. Она воспрепятствовала переброске немецких сил из Курляндии на другие, в ту пору решающие, направления — берлинское, будапештское и венское. Ни одна немецкая дивизия не ушла туда, все они оказались прочно прикованными к Курляндскому полуострову до конца войны.

Конечно, тогда нам очень хотелось, чтобы наше наступление закончилось полной ликвидацией курляндской группировки вражеских войск. Но одно дело — желание, а другое — возможности.

Еще одна попытка

После прекращения наступления под Приекуле 10-я гвардейская армия была выведена в резерв командующего фронтом и расположена в тылу 6-й гвардейской армии (район Вайнеде). Опять стали проводиться ротные и батальонные учения, некоторые из них — с боевой стрельбой. На них мы отработывали не только атаку переднего края неприязельской обороны, но и ведение боя в глубине. Особенно настойчиво совершенствовались действия штурмовых отрядов и групп по уничтожению долговременных огневых точек. В общем, времени зря не теряли, знали, что в резерве не засидимся.

И действительно, уже 12 марта поступила директива командующего фронтом о подготовке к новой наступательной операции. Полоса нам нарезалась примерно в том же районе, где мы действовали до ухода на западный берег реки Вента. В состав 10-й гвардейской армии временно включались соседние 83-й и 110-й корпуса, чему мы, однако, не очень обрадовались. Ведь за счет этих двух корпусов полоса армии расширилась на 40 километров, а общая численность войск увеличивалась при сем лишь на пять малочисленных дивизий.

Предстоящая операция планировалась как фронтовая. Помимо 10-й гвардейской в ней участвовала еще и 42-я армия. Совместно нам предстояло взломать оборону неприятеля на фронте до 50 километров и разгромить его

группировку силой в пять-шесть дивизий. Ближайшей задачей 10-й гвардейской армии являлся захват переправ на реке Циецере севернее Салдуса.

Штаб фронта всячески торопил нас, опасался близкой весенней распутицы. Весна уже давала знать о себе: по утрам стояли туманы, ограничивавшие видимость, днем таял снег и дороги становились рыхлыми. Условия для использования артиллерии — нашей главной силы — все ухудшались. Неблагоприятствовала погода и действиям авиации.

Большие надежды возлагались на внезапность удара. Артиллерийская подготовка должна была быть короткой, рассчитанной только на подавление, а не на разрушение огневой системы врага.

В последний момент командующий фронтом Л. А. Говоров добавил нам еще две стрелковые дивизии: 47-ю и 256-ю, но в то же время забрал в свой резерв нашу 119-ю гвардейскую. Оперативное построение армии намечалось в два эшелона. В первом должны были наступать 15-й и 7-й гвардейские стрелковые корпуса. Во второй эшелон назначили 19-й гвардейский стрелковый корпус.

В ночь на 17 марта войска заняли исходное положение. Но следует признать, что мы не успели хорошо подготовить исходный рубеж в инженерном отношении. Стрелки находились в неглубоких окончиках, вырытых в снегу, которые, конечно, не могли надежно укрыть от огня противника.

С утра 17 марта погода выдалась скверная. Стоял густой туман, вынудивший нас перенести начало атаки на 10.00, потом на 12.00. К полудню туман несколько рассеялся, но зато пошел мокрый снег. Видимость даже ухудшилась. Авиация не могла действовать совсем.

Примерно в 13.00 мне позвонил Л. А. Говоров.

— Ну, как настроение?

— Неважное, — отвечаю. — Ведь уже больше полусуток стрелковые подразделения лежат на снегу. Дальше держать людей в таком положении нельзя. Нужно решать: или наступать сейчас, или отводить войска для обогрева.

— А как вы смотрите, если придется наступать без поддержки авиации? — поинтересовался Говоров.

— Коль наши самолеты не смогут действовать, то,

очевидно, и авиация противника окажется в таком же положении. Следовательно, соотношение сил не меняется.

— Ну что же, тогда придется выполнять задачу в единоборстве сухопутных войск, — сказал командующий фронтом и дал указание начать атаку в 14.00.

Через несколько минут его приказ был доведен до всех командиров общевойсковых соединений и артиллерийских начальников. У меня еще осталось некоторое время на уточнение боевых задач. Надо было учесть, что в первый день наступления войска будут иметь не более четырех часов светлого времени. Мне хотелось, чтобы за этот срок дивизии первого эшелона сумели бы преодолеть тактическую глубину обороны врага. К ночным действиям они были подготовлены слабее. Поэтому ночью лучше было передохнуть, а на следующий день возобновить бои уже с участием вторых эшелонов корпусов.

С моего НП довольно хорошо просматривались полоса 29-й дивизии и правый фланг 7-й. Атаку они начали дружно и продвигались успешно. По донесениям командира корпуса, наступление 85-й дивизии на первых порах развивалось тоже неплохо. Но потом вдруг стали поступать и тревожные вести. 168-я дивизия, наступавшая в плечевом взаимодействии с 85-й, к сумеркам вышла лишь в район Кауни, преодолев всего 1—1,5 километра, а 198-я вообще топталась на месте. Заметно сбавила первоначально взятый темп и 42-я армия.

И все-таки засветло нам удалось преодолеть тактическую оборону противника на участке Кауни, Дангас. Поотстала лишь 85-я гвардейская стрелковая дивизия, прижавшаяся к своему левому соседу. Да еще на стыке 7-й и 8-й гвардейских стрелковых дивизий остались нетропытыми позиции одного пехотного батальона немцев.

Командир корпуса не сразу осознал назревавшую здесь опасность и до вечера 18 марта, по существу, не принял никаких радикальных мер. Не усмотрел ничего угрожающего в наличии образовавшегося выступа и штаб армии. Мы одобрили решение командира 29-й гвардейской стрелковой дивизии полковника В. М. Лазарева и командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Г. И. Ломова наступать, не оглядываясь на соседей. Нам тоже казалось, что в результате успеха этих дивизий противник не сможет долго удержаться на их стыке в районе Дзе-

ни, Дандзиняс, Сутули, Мазкальки. Мы снова недоучли упорства неприятеля.

Уже в темноте 29-я дивизия с приданным ей танковым полком прошла еще шесть — восемь километров, достигнув района Лаздукамни, Айзупин, Дзервиес. Связь с нею была хорошая — и телефонная, и по радио. А 8-я гвардейская вышла к Данчи, Битесу.

Ночью, однако, положение обострилось. Из района Салдуса гитлеровцы контратаковали правый фланг 15-го гвардейского стрелкового корпуса и зашли в тыл 29-й гвардейской стрелковой дивизии, продолжавшей продвигаться на север. Несколько батальонов пемецкой пехоты, усиленных шестиствольными минометами и примерно 60 танками, заняли лесной район Янайши — Дембин.

Одновременно неприятельская пехота с 30—40 танками сковала действия 85-й дивизии и еще больше увеличила ее отрыв от 29-й. Ухудшилось положение и в полосе 8-й гвардейской дивизии: западнее Каупини, Зиemiaли, Дандзиняс врагу удалось расцеч боевые порядки панфиловцев.

Туго пришлось 30-й гвардейской стрелковой дивизии, которую командир корпуса намеревался использовать для развития успеха на стыке 85-й и 29-й дивизий. Фашисты контратаковали ее крупными силами еще с вечера 17 марта и расстроили предбоевые порядки частей. Дивизия приняла бой уже в темноте, к тому же в совершенно неясной обстановке.

Я связался по телефону с командиром 29-й дивизии полковником В. М. Лазаревым, уточнил, где находятся его главные силы, и потребовал, чтобы он немедленно повернул их на северо-восток. Но враг отразил все наши попытки пробиться в указанном направлении. Пришлось ждать светлого времени.

В полосе 7-го гвардейского стрелкового корпуса немцы контратаковали с запада и востока тремя пехотными дивизиями. В результате к утру 18 марта главные силы 8-й дивизии оказались отрезанными.

Тем не менее мы еще верили в успешное развитие операции. Войска пока что не были утомлены, из боеприпасов они израсходовали не более 0,8 боекомплекта. В таком духе я и приготовился докладывать командующему

фронтом. Однако Маршал Советского Союза Л. А. Говоров оценил обстановку по-другому.

18 марта в 11.00 он сам прибыл на КП 10-й гвардейской армии. Это было необычным в его практике. Как правило, Леонид Александрович руководил войсками через штаб фронта. К личным телефонным переговорам с командирами, а тем более к личной встрече с нами в ходе операции, Говоров прибегал лишь в исключительных случаях. Поэтому неожиданное появление его на КП армии сразу насторожило меня.

Выслушав мой доклад, Говоров стал внимательно рассматривать карту, лежавшую на моем столе. Несколько дольше взгляд его задержался на двух вмятинах в обороне неприятеля, сделанных 29-й и 8-й дивизиями. Леонид Александрович попросил меня уточнить, что помешало выдвижению 30-й гвардейской стрелковой дивизии на линию 29-й и почему не удалось своевременно ликвидировать выступ на стыке 7-й и 8-й дивизий. Я доложил свои соображения.

— Что думаете делать дальше? — спросил Говоров. — Собираетесь ли продолжать наступление? Если да, то какую помощь от командующего фронтом хотели бы получить?

Я высказался за продолжение наступления и попросил только добавить нам боеприпасов. Командующий выслушал меня молча, ни разу не прервал, не задал ни одного дополнительного вопроса и вдруг объявил свое решение, которого я никак не ожидал:

— Нельзя наступать так. Нужно было с самого начала равномерно продвигать вперед боевые порядки корпусов и дивизий. Боеприпасов, кроме тех, что уже отпущены, армия не получит. Их нет на складах фронта. Поэтому вам следует сейчас позаботиться о выводе из окружения двадцать девятой и восьмой дивизий. Лишь после этого можно будет подумать о продолжении наступления...

Прощавшись, Говоров уехал. Было как-то непривычно, что командующий фронтом, круто меняя ход операции, только определил задачу армии и не стал вмешиваться в то, каким образом мы будем выполнять ее. Нам предоставлялись полная инициатива и самостоятельность.

Прежде всего я попытался осмыслить, что в действительности лежало в основе решения командующего фрон-

том. Только ли то, что у нас не получилось равномерного продвижения всей ударной группировки армии? Вряд ли. Равномерного продвижения войск при прорыве вражеской обороны вообще, как правило, не бывает. Не в столь уж бедственном положении оказались и вырвавшиеся вперед 29-я и 8-я дивизии. Силы гитлеровцев здесь в общем-то невелики, а у армии в резерве еще целый гвардейский корпус. Нет, причина, побудившая командующего фронтом прервать операцию, заключалась, видимо, в другом — он исходил из обстановки в полосе фронта в целом.

Так или иначе, а надо было действовать. Начальник штаба армии генерал Н. П. Сидельников передал соответствующие распоряжения командирам 15-го и 7-го корпусов. В 7-м корпусе необходимость отвода 8-й гвардейской восприняли с полным пониманием. А вот у командира 29-й дивизии такой приказ вызвал недоумение: его части не ощущали непосредственного воздействия противника, и потому он стал выяснять, зачем это нужно опять отдавать врагу уже освобожденную территорию? Лишь уточнив все, что ему было неясно, полковник В. М. Лазарев, используя лесные тропы, без особых помех в ночь на 19 марта вывел главные свои силы из окружения и развернул их позади 30-й дивизии фронтом на север. Только один его полк, прикрывавший отход, задержался в окружении, но на следующую ночь и он вполне благополучно пробрался теми же тропами.

Конечно, командира корпуса и тем более командира 30-й дивизии можно было упрекнуть за то, что они не сумели преодолеть наспех организованную оборону немцев, тогда как 29-я дивизия в течение двух ночей довольно легко прошла через боевые порядки гитлеровцев, не потеряв ни одного человека. Однако я не стал этого делать. И вот почему. Если бы даже 30-я дивизия и имела успех, одно это не создало бы условий для развития всей армейской операции. К тому же все мы находились под сильным впечатлением того, как решительно прервал наступление Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, почувствовав его бесперспективность.

Мы верили, что возникшие осложнения — явление временное, и, вызволив 29-ю, всецело сосредоточили свое внимание на 8-й гвардейской. По приказу командира кор-

пуса два ее полка (19-й и 30-й) были организованно отведены из района Данчи, Битес южнее Каупини. Одновременно 23-й полк во взаимодействии с 26-м полком 7-й гвардейской дивизии срезал выступ противника в районе Дзени, Лапас. Но полностью ликвидировать перемычку, отделявшую главные силы панфиловцев от тылов, пока не удавалось. Все лесные дороги и просеки, по которым осуществлялось материальное обеспечение войск, простреливались. Лишь в ночное время солдаты умудрялись на себе пронести немного боеприпасов, сухарей, сахару, консервов. Потребности в вооружении покрывались главным образом за счет трофеев, захваченных в бою. Большинство солдат и сержантов имели по два автомата: один — отечественный, а другой — трофейный, с двумя-тремя снаряженными магазинами.

Кризис назрел к 25 марта, когда противник частями трех дивизий начал сжимать кольцо вокруг панфиловцев. Им пришлось в течение двух дней отражать атаки фашистов с разных направлений.

На НП одного из окруженных стрелковых полков оказался вместе со своей группой управления командир артиллерийского полка Поделуев. Он не раз вызывал огонь артиллерийских дивизионов на себя.

Немцы пытались распропагандировать панфиловцев, используя громкоговорители. Обращаясь к солдатам и офицерам окруженных полков, они убеждали их, что положение безнадежное, надо сдаваться. В ответ на это гвардейцы наносили новые удары по отдельным опорным пунктам врага, уничтожали его гарнизоны.

Вместе с командиром 7-го корпуса генерал-майором А. Д. Кулешовым мы на месте изучили обстановку и пришли к выводу, что для деблокирования 8-й гвардейской дивизии нужен встречный удар всего несколькими хорошо подготовленными батальонами. В резерве Кулешова таких батальонов не было. Тогда командир 19-го корпуса генерал А. Т. Стученко предложил выделить для этой цели 67-й полк 22-й гвардейской стрелковой дивизии. Я принял это предложение.

Выделенный полк мы усилили отдельной ротой, поддерживали его атаку огнем нескольких артиллерийских дивизионов, и 28 марта после упорного боя он овладел не-

сколькими неприятельскими завалами и блокгаузами. Образовались «ворота» шириной в два-три километра. Через них и вышли панфиловцы.

Мы тепло встретили героев. Больше недели они дрались в окружении. На вопросы о самочувствии и солдаты и офицеры отвечали одинаково:

— Мы все время чувствовали себя хорошо. Верили, что нас выручат.

Прорываясь из кольца, панфиловцы не потеряли ни одного человека. Вынесли с собой более ста раненых, в том числе командира полка Ивана Леонтьевича Шапшаева. В боях он потерял руку, но не утратил мужества. Впоследствии И. Л. Шапшаев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вечером 28 марта я по телефону доложил Маршалу Советского Союза Л. А. Говорову о благополучном возвращении 8-й гвардейской. Леопид Александрович поблагодарил за приятное сообщение и сказал:

— Панфиловцы, как всегда, молодцы. Не каждая дивизия способна на такую выдержку, не у каждой такая организованность.

Многие тысячи солдат, сержантов и офицеров проявили в эти дни чудеса мужества и героизма. Хочется отметить, что среди них были и женщины. Наши славные девушки — летчицы, связистки, артиллеристы ПВО, снайперы, врачи, медсестры, санитарки, повара в отваге и трудолюбии не уступали бойцам-мужчинам. Юные патриотки по зову сердца шли на фронт, считали великой честью сражаться в боевых частях и не жалели сил, чтобы быть достойными этой чести.

С душевной теплотой вспоминаю наших девушек снайперов. К весне 1944 года у нас была создана из них целая рота. Они прибыли к нам из Подольска после окончания специальной школы. Роту снайперов мы посылали обычно на те участки, где нужно было усилить огневое воздействие на противника и навести «порядок» в его первой траншее. Девушки блестяще выполняли такие задачи. Их меткие выстрелы наносили врагу огромный урон. «Личные счета» бойцов роты неуклонно росли. Вера Пылесонова, например, уничтожила два десятка фашистов. До полутора десятков уничтоженных гитлеровцев довели

свой боевой счет бессменный старшина роты Тамара Царева, снайперы Мария Прянкина и Аня Бохина.

Я рад был узнать, что наши фронтовые подруги после войны показали высокую доблесть в труде. Вера Борисовна Пылесонова ныне мастер отдела технического контроля и секретарь партийной организации завода в подмосковном городе Красноармейске. Тамара Царева вернулась к своей мирной профессии, сейчас она — бухгалтер на одном из предприятий Ногинска. Мария Прянкина живет и трудится в деревне Сафоново, Московской области. Должность у нее скромная — кассир, но к делу она относится с таким старанием, что ее уважают все.

Снайпер Аня Блохина работает в колхозе в родном селе Ялтуновов Рязанской области. Живет счастливо. К боевым наградам у нее прибавились два ордена Материнской славы.

Но не все наши девушки-снайперы дожили до Победы. Со скорбью вспоминаем мы Лелю Бегунову из Иванова, москвичку Тосю Чипову, Тосю Ерзину из Калуги — они погибли на своем боевом посту. Снайпер Настя Макарова была схвачена гитлеровцами. Когда мы выбили врага, то нашли ее мертвой, тело было обезображено зверскими пытками. Мы похоронили ее с воинскими почестями.

Я рассказал о нескольких женщинах-воицах. А их были тысячи. Народ не забудет их подвига.

Противник складывает оружие

В апреле наша армия активных действий не вела. Война бушевала в Восточной Пруссии, под Берлином, в Чехословакии и Австрии. Завершался разгром гитлеровского режима.

Мы были информированы, что Германия близка к капитуляции, но в то же время нас предупредили: могут найтись такие оголтелые фашистские генералы, которые и после этого будут продолжать борьбу. В частности, не исключалось сопротивление курляндской группировки. А потому маршал Л. А. Говоров приказал нам готовить войска к возможной новой операции.

6 мая он подписал соответствующие директивы. В первой из них ставилась задача армиям правого крыла (67-й, 1-й ударной и 42-й) — прорвать неприятельскую оборону на участке Тукумс — Салдус и, развивая главный удар

в направлении Кульдига, овладеть узлами сопротивления Тукумс, Кандава, Сабил, Кабила, Салдус с последующим выходом на реку Вента. Вторая директива касалась армий левого крыла: 10-й и 6-й гвардейских, 51-й и 4-й ударной. Они должны были прорвать оборону противника на фронте Гобземы, мыза Кротэ, Пилэниэни и, взаимодействуя с армиями правого крыла, полностью ликвидировать курляндскую группировку немецко-фашистских войск.

Готовность к наступлению для армий левого крыла устанавливалась на 11 мая, для правого — на 12 мая.

10-й гвардейской армии противостояли части 38-го корпуса 16-й немецкой армии (в районе Салдуса) и 5-го корпуса 18-й армии (западнее Салдуса). Таким образом, мы действовали на стыке двух вражеских армий. Из этого следовало, что даже при незначительном нашем успехе обе немецкие армии могут бросить против нас свои резервы, в том числе и 12-ю танковую дивизию, которая использовалась противником для контрударов обычно в первый же или на второй день наступления. Правда, эта дивизия к весне 1945 года имела в своем составе всего около ста танков, но ведь и в приданных нам танковых бригадах и полках боевых машин было негусто. Общее их число не превышало, пожалуй, полсотни.

В личном составе силы сторон были примерно равными. Тем не менее мы твердо верили, что, если наступление развернется, победа будет за нами.

6 мая командующий фронтом довел до нашего сведения, что общая, безоговорочная капитуляция фашистской Германии ожидается 8 мая в Берлине. В отношении Курляндии он опять сказал, что здесь, по-видимому, придется добиваться капитуляции силой, и подтвердил свое прежнее приказание: готовить последнюю, решительную операцию. При этом нас просили учесть, что противник с целью сокращения фронта может начать отход из районов восточнее Тукумса и Салдуса. В таком случае нам надлежало немедленно перейти в решительное наступление.

В ночь на 7 мая противник выравнивал только отдельные выступы своего фронта. Перед нами встал вопрос: начать ли с утра усиленную разведку боем или ждать перехода в наступление всего фронта? Я запросил мнение штаба фронта и получил указание действовать активно.

С утра 7 мая начались бои разведывательных отрядов, а вслед за тем пошли в наступление главные силы армии. Несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, наши войска продвинулись за день на шесть — десять километров. Количество пленных было невелико.

Командующий фронтом поставил всем армиям боевые задачи на 8 мая. Меня предупредил, чтобы перед фронтом 290-й пехотной дивизии немцев мы огня не открывали: там могли появиться парламентарии от командования группы армий «Север». В остальной полосе 10-й гвардейской наступление должно было продолжаться. Всем нам хотелось, конечно, чтобы оно было успешным и в то же время сопровождалось как можно меньшими потерями. Потери боевых товарищей тяжелы всегда, а в последние дни войны — в особенности.

В первой половине дня 8 мая противник оборонялся с прежним упорством, на некоторых направлениях даже контратаковал. Напряженно работала наша авиация. Имея абсолютное господство в воздухе, она наносила бомбовые удары по боевым порядкам гитлеровцев, по их аэродромам и дорогам. За день авиаторы произвели свыше двух тысяч самолето-вылетов.

К полудню поведение немцев резко изменилось. Мы почувствовали ослабление их усилий. Кое-где появились белые флаги. В плен сдавались уже не одиночками, а целыми подразделениями.

К вечеру сдача в плен приобрела еще более массовый характер.

Допрашивая их командиров, мы стремились установить точный состав и численность соединений, чтобы ни одно подразделение не уклонилось от капитуляции. Командир корпуса слабо знал действительное состояние войск, так как находился далеко от передовой. Из показаний же других генералов следовало, что капитулировали не все части корпуса. Некоторые пытаются пробиться к портам Лиепая и Виндава.

Мы потребовали от командира корпуса отдать приказ о немедленной и полной капитуляции всех подчиненных ему войск. Он сделал это. Аналогичные приказы подписали и командиры дивизий.

Перед фронтом 19-го гвардейского стрелкового корпу-

са, где оборонялись части 290-й пехотной фашистской дивизии, весь день было спокойно — ни с той, ни с другой стороны не раздалось ни одного выстрела. Начальник штаба фронта генерал-полковник М. М. Попов принимал там представителя командующего группой армий «Север». 290-я пехотная дивизия в полном составе капитулировала 9 мая. Принимал ее капитуляцию командир 19-го корпуса генерал-майор А. Т. Стученко. В ней оказалось 6711 человек. Такой численности не имела тогда ни одна из наших дивизий.

Война, по существу, кончилась, но повсюду еще слышалась стрельба. В небо летели сигнальные ракеты, трассирующие пули и даже снаряды. Этим стихийным салютом войска отмечали нашу великую победу над фашистской Германией. Вполне понимая чувства солдат, сержантов и офицеров, мы тем не менее уже на следующий день вынуждены были принять меры против беспорядочной стрельбы, чтобы избежать несчастных случаев.

К вечеру 10 мая в полосе 10-й гвардейской армии было пленено 38 830 солдат и офицеров противника. Они сдали 65 танков и штурмовых орудий, 482 полевые артиллерийские системы, 119 минометов, свыше двух тысяч автомашин, более шести тысяч лошадей.

Попал к нам и артиллерийский дивизион 170-мм пушек. Тот самый, который во время блокады Ленинграда не раз вел огонь по городу из района Красносельских лагерей, разрушая памятники культуры и искусства.

Сейчас уже не помню, кому из моих заместителей принадлежала идея спарковать всю трофейную артиллерию. Я поддержал эту инициативу. Все неприятельские пушки, гаубицы, минометы, оказавшиеся в полосе нашей армии, были собраны, почищены, смазаны и поставлены в парк. Даже дорожки посыпали желтым песком. Работа эта выполнялась главным образом самими немецкими артиллеристами.

Мы не сомневались, что командующий фронтом маршал Л. А. Говоров, всегда питавший к артиллерии самые нежные чувства, одобрит нашу затею. И не ошиблись. Через несколько дней он лично осмотрел парк трофейной артиллерии и остался доволен.

Хуже получилось с немецкими танками. Капитуляция

12-й танковой дивизии противника прошла не совсем гладко. Когда подсчитали сданные ею машины, обнаружилось, что их значительно меньше, чем числилось по списку. Стали выяснять и установили, что некоторые экипажи преднамеренно затопили свои танки в реках и озерах, а часть привели в негодность. Не совпал со списками и личный состав этого соединения. Многие подразделения разбрелись по лесам, рассчитывая избежать плена.

Что касается всей курляндской группировки гитлеровцев, капитулировавшей перед войсками Ленинградского фронта, то ее общая численность составляла более 280 тысяч человек. На вооружении она имела свыше трех тысяч артиллерийских стволов и минометов, до 500 танков и штурмовых орудий. Это был мощный кулак!

Боевые действия в Курляндии прекратились не сразу. Вплоть до 28 мая 10-я гвардейская армия очищала полуостров от остатков вражеских войск, укрывшихся в лесах. В разных районах дело это шло по-разному. Чаще всего обходилось без кровопролития: обнаруженные в лесах немецкие солдаты и офицеры поднимали руки без сопротивления. Но случались и мелкие бои.

Подводя общий итог борьбы в Курляндии, я должен сказать, что советские войска не проводили там глубоких наступательных операций, чем так богат завершающий период Великой Отечественной войны на других направлениях. Не было в Курляндии и высоких темпов продвижения наших войск, таких, скажем, как в Белоруссии, на Украине, на Балканах, на территории Польши и в самой Германии. Но из этого отнюдь не следует, что в единоборстве с курляндской группировкой противника советские солдаты, офицеры, генералы проявляли меньше героизма, мастерства, настойчивости. Причины несколько замедленного развития событий здесь нельзя также объяснять отдельными ошибками фронтового и армейских управлений, о которых я упоминал ранее. Главное, что предопределило затяжной характер борьбы в Прибалтике вообще и в Курляндии в частности, коренится в другом.

Во-первых, надо иметь в виду особый состав войск группы армий «Север». Поясню. Другие группы немецко-фашистских армий, действовавшие южнее, уже в первые годы войны понесли огромные потери и многократно

пополнялись менее подготовленными солдатами и офицерами, среди которых преобладали пожилые или слишком молодые. Группа армий «Север» этого избежала. Крупные наступательные операции против нее начались только в первой половине 1944 года. В ней сохранился еще кадровый состав. Об этом свидетельствовал возраст солдат курляндской группировки — 25—35 лет. Самый боеспособный контингент!

Второе, что определило затяжной характер войны в Прибалтике, — особые условия местности. Обширные лесисто-болотистые и озерные районы с множеством малых и больших рек затрудняли наступление и облегчали оборону. Многочисленные труднопроходимые дефиле ограничивали маневренность войск, а это неизбежно обрекает борьбу на тягучесть. Ведь войскам в таких условиях приходилось биться за каждый опорный пункт.

Третьим обстоятельством, повлиявшим на ход боевых действий в Прибалтике, было, конечно, то, что после деблокаирования Ленинграда прибалтийские направления не находились и не могли находиться в центре внимания Верховного Главнокомандования. Судьбы войны решались не здесь. Главные силы и основная масса технических средств борьбы, в том числе почти все подвижные войска (танковые армии), сосредоточились на Белорусских и Украинских фронтах. У нас же «царицей полей» по-прежнему оставалась пехота, а путь ей прокладывала артиллерия. Тактическую зону вражеской обороны наши войска, как правило, прорывали успешно. А вот развить наступление при отсутствии мощных подвижных соединений было чрезвычайно трудно. Противник успевал отрываться от наступающих войск, занимал новые оборонительные рубежи, для прорыва которых опять требовалась артиллерийская подготовка с большим расходом боеприпасов, которых у нас всегда не хватало.

Все это, вместе взятое, и повело к тому, что борьба в Прибалтике, особенно в Курляндии, внешне не была такой эффективной, как, скажем, в Белоруссии или на Украине. Тем не менее военные события, имевшие место здесь, сыграли важную роль в ходе войны и ее победоносном окончании.

За всю войну противник не получил возможности даже в самые критические для него моменты на центральном и южных направлениях подкреплять их за счет своей

группы армий «Север». Она была разгромлена в Прибалтике. В этом и заключается главное значение усилий Прибалтийских фронтов. Будучи слабее других наших фронтовых объединений по оснащению современной техникой, они в целом блестяще справились со своей задачей.

Парад победителей

Я уже говорил, что мир для нас наступил не сразу. Еще некоторое время 10-я гвардейская армия продолжала участвовать в очищении Курляндии от остатков разбитых вражеских войск. Инженерно-саперные части напряженно трудились на разминировании территории и народнохозяйственных объектов. За короткий срок было снято и уничтожено свыше 86 тысяч мин, более 75 тысяч артснарядов и других взрывоопасных предметов, проверено 1345 населенных пунктов, 125 мостов, сотни километров шоссе и железных дорог.

Одновременно мы начинали готовить войска к маршу в отведенные для них пункты постоянной дислокации. Но еще до выступления в поход получили указание сформировать сводный батальон двухротного состава для участия в Параде Победы, который должен был состояться в Москве во второй половине июня. В этот батальон отобрали самых рослых, с хорошей строевой выправкой бойцов, награжденных несколькими орденами и медалями, безупречных в поведении. Во главе их поставили командира 30-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора М. А. Исаева. Да и сводный полк Ленинградского фронта возглавил генерал из 10-й гвардейской армии — командир 19-го гвардейского стрелкового корпуса А. Т. Стученко.

После тщательного сколачивания подразделений сводный полк отправился в Москву. Там он вместе с такими же полками других фронтов в течение трех недель усиленно занимался строевой подготовкой.

Нам, ксмандармам, тоже пришлось потряхнуть старинной. Под руководством командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника П. А. Артемьева мы на территории теперешней Выставки достижений народного хозяйства отрабатывали строевой шаг и приемы с шашкой.

Парад Победы состоялся 24 июня. Погода в этот день выдалась неважная. С утра шел мелкий холодный дождь.

Участники Парада выстроились на Красной площади. На трибунах разместились члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты только что закончившейся XII сессии Верховного Совета СССР, партийный и советский актив, представители трудовой Москвы, члены Дипломатического корпуса и военных миссий. В 9 часов 55 минут на Мавзолей В. И. Ленина поднялись Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, члены Политбюро. В 10 часов из Спасских ворот на белом коне выехал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, которому было поручено принимать парад. Командовал парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Под несмолкаемые аплодисменты москвичей и крики «ура» прославленные советские полководцы совершили объезд войск. Затем Георгий Константинович Жуков тоже поднялся на трибуну Мавзолея и по поручению Советского правительства и Коммунистической партии поздравил личный состав Красной Армии и всех трудящихся с великой победой. Сводный оркестр исполнил Государственный гимн Советского Союза. Прогремели залпы артиллерийского салюта. Начался торжественный марш войск.

Парад открыли представители Карельского фронта во главе с Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым. Вторым мимо трибун прошел сводный полк Ленинградского фронта. Его вел Маршал Советского Союза Л. А. Говоров. За ним следовали девять командармов и колонна знаменосцев. На алых полотнищах — боевые ордена дивизий и полков, в том числе и гвардейского стрелкового полка имени Александра Матросова, навеки прославленного подвигом рядового бойца.

Потом прошли сводные полки других фронтов и части Московского гарнизона.

Два часа продолжался этот незабываемый парад армии-победительницы. Он наглядно показал, как неизмеримо возросла за годы войны оборонная мощь нашего государства, как окрепли и закалились Советские Вооруженные Силы.

В Большом Кремлевском Дворце состоялся прием в честь участников парада. Нас встретили здесь члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары, члены ЦК ВКП(б), виднейшие деятели советской науки, техники, литературы и искусства.

Прием проходил в непринужденной обстановке. Не было длинных речей. В основном произносились только тосты.

Самый первый из них — за славных бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота, за тех, кто участвовал в параде, и тех, кто находился в тот момент на боевом посту. Второй — за Верховного Главнокомандующего. Затем были провозглашены тосты за командующих фронтами и армиями, за каждый фронт отдельно, в порядке их расположения справа налево. В числе двух командармов Ленинградского фронта была названа и моя фамилия.

Так чествовались все присутствовавшие на приеме военачальники.

Отдельно был провозглашен тост за Генеральный штаб Красной Армии, за здоровье начальника Генерального штаба генерала армии А. И. Антонова. Не забыли и о работниках тыла.

В свою очередь мы, военные, с большим подъемом и теплотой чествовали руководителей партии и правительства, деятелей науки. Подчеркивалось, что победа была достигнута не только на полях сражений, она ковалась и в тылу.

Воздали должное и всем конструкторам — создателям грозной боевой техники, без которой победа тоже была бы невозможной.

В заключение с краткой речью выступил И. В. Сталин. Он провозгласил тост за здоровье всех советских людей.

Четверть века прошло с тех пор, а я и сейчас до мельчайших подробностей помню и этот прием в Кремлевском Дворце, и Парад Победы, и вообще первые послевоенные месяцы. А разве забыть ту теплоту, с какой ленинградцы встречали возвращавшиеся домой родные гвардейские дивизии, ту сердечность, с какой чествовали своих освободителей — гвардейцев — трудящиеся Советской Эстонии! Они оставили в душе ощущение одного большого и необыкновенно яркого праздника. Это была разрядка после стольких лет тяжелейшей войны! И хоть многие десятки советских городов еще оставались в развалинах, тысячи и тысячи колхозных деревень не поднялись еще из пепла, не густо было с продуктами питания, не хватало одежды, обуви — все чувствовали себя счастливыми, уверенно смотрели в завтрашний день.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Наша военная молодость	3
Первые бои	—
«Добьем Врангеля!»	7
В строю червонных казаков	14
Перелистывая старый альбом...	22
Славная семья котовцев	27
Перед грозой	35
Снова учеба	—
Высокие температуры Ташкента	41
Проблема № 1 — вода	46
С думой о завтрашнем дне	48
Последние игры на картах	50
Правительство делает выводы	57
Несколько дней в Генштабе	62
Началось	66
Все для фронта	—
В Иране	70
Союзники и мы	75
Шах удаляется с престола	77
Смотрим на Запад	79
В ожидании больших событий	82
Первые впечатления	—
Частные операции	84
Весенний поток	88
Директивы Ставки	90
Опять к обороне	94
Противник выжидает	98
Тревожное лето	102
Обстановка круто меняется	—
Запоздалые меры	109
Контрудар 5-й танковой	112
Если оглянуться назад...	114
Воронежский рубеж	121
Близится перелом	127
Дороги наступления	130
Подобно цепной реакции	—
От большого «Сатурна» — к малому	135
Иное время	140
Красные и синие стрелы	143
Подготовка завершается	147
Опережая плановые сроки	149
Дальше — на Касторное	153
Операция «Звезда» и ее продолжение	159
Наш замысел	—
В роли командарма	163
«Остановки не будет»	169
Разведчики иногда ошибаются	170
Отход	175

	<i>Стр.</i>
Резервный фронт	181
В преддверии новых битв	—
На переломе	185
Постучалась в память юность	187
Прекрасное слово — «Вперед!»	193
Из полосы соседа	—
Внезапность и маневр	198
С подвижной группой	201
На новое направление	205
Перегруппировка	—
Под Невелем	212
Принимаю гвардейскую	217
Пушкинские места	226
«Даешь Ригу!»	231
Пауза	—
Решительный рывок	233
Бои за Лудзу и Резекне	243
Борьба за столицу Латвии	247
Лубанская низменность	—
Без передышки	251
Полк открывает дорогу корпусу	256
Курляндские рубежи	260
Первый блин — комом	—
Год новый, задачи старые	263
Говоровский почерк	264
Еще одна попытка	267
Противник складывает оружие	275
Парад победителей	281

Михаил Ильич Казаков

Над картой былых сражений

Редакторы: *М. М. Зотов, В. И. Милютин*

Художник *В. В. Васильев*

Художественный редактор *А. М. Голикова*

Технический редактор *Е. К. Коновалова*

Корректор *Л. В. Челак*

* * *

Сдано в набор 28.11.69 г. Г-70032

Подписано к печати 20.10.70

Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 9 п. л. —

15,12 усл. п. л. + 1 накладка + 1 вкладка = ⁵/₈ п. л. —

1,05 усл. п. л. 16,109 уч.-изд. л.

Тираж 65.000 экз. Бумага типографская № 1

Изд. № 3/9520

Цена 81 коп.

Зак. 979

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство

Министерства обороны СССР, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Казаков М. И.

К14 Над картой былых сражений. М., Воениздат, 1971, «Военные мемуары».

288 с.

Михаил Ильич Казаков — один из ветеранов Советских Вооруженных Сил, участник гражданской и Великой Отечественной войн. В годы Отечественной войны был начальником штаба фронта, командовал 69-й, а затем 10-й гвардейской армиями. Все это позволило ему накопить много интересных наблюдений, которыми он и делится с читателями.

В центре внимания автора книги — лучшие представители творческой военной мысли, выдающиеся советские полководцы.

Настоящее издание дополнено четырьмя новыми главами о боевых действиях наших войск по освобождению Советской Прибалтики.

1-12-2-7

51-70

9(С)27